

Перевод В. В. Малявина

Глава I

НЕБЕСНАЯ ДОЛЯ 1

Ле-цзы жил в местечке Путянь - охотничьих угодьях царства Чжэн. В течение сорока лет никто не обращал на него внимания, государь и его свита и благородные мужи царства считали его обыкновенным простолюдином. Однажды в Чжэн случился голод, и Ле-цзы задумал переехать в царство Вэй.

Ученики сказали ему:

- Учитель, вы собираетесь уехать и не назначаете срока своего возвращения. Ваши ученики осмелятся обратиться к вам с нижайшей просьбой: не соблаговолите ли вы дать нам наставления до своего отъезда? Не доводилось разве учителю слышать поучения премудрого Ху-цзы?

И Ле-цзы, улыбнувшись, ответил им:

- Разве почтенный Ху-цзы говорил что-нибудь? Однако же я как-то слышал его разговор с Бохунем-Безвест-ным и сейчас перескажу вам его. Вот что он сказал тогда:

"Существует нерожденное и рожденное, изменяющееся и неизменное. Нерожденное может родить рождающееся, неизменное может изменить меняющееся. Рождающееся не может не родиться, изменяющееся не может не измениться - посему вечно есть рождение, вечно есть изменение. То, что постоянно рождается и изменяется, не может не рождаться и не изменяться во всякое время. Так следуют они круговороту сил Инь и Ян и четырех времен года.

Нерожденное непостижимо и само по себе.

Неизменное уходит и возвращается.

Уходя и возвращаясь,

Оно движется по кругу без конца.

Непостижим в единственен Путь -

измерить его нельзя.

А в "Книге Желтого Владыки" говорится:

Дух долины никогда не умрет,

Назову его Сокровенною Женщиной.

Врата Сокровенной Женщины

зовутся корнем Небес и Земли.

Оно вьется без предела и словно существует;

Пользуйся этим - и оно не иссякнет 2.

Следовательно, то, что рождает вещи, само не рождается; то, что изменяет вещи, само не изменяется" 3.

Ле-цзы сказал:

"В старину мудрые цари прозрели общую основу Неба и Земли в чередовании сил Инь и Ян. Но ежели все обладающее формой родилось из бесформенного, от чего же родились Небо и Земля? Я отвечаю: вначале была Великая Простота, потом появилось Великое Начало, затем появилась Великая Основа, после чего появилась Великая Вещественность. В Великой Простоте еще не было дыхания. Великое Начало было началом дыхания. Великая Основа была началом всех форм. Великая Вещественность - начало всех вещей. Дыхание, форма и

вещь еще не отделились друг от друга, посему такое состояние зовется хаосом. Хаос означает смешение всех вещей, еще не отделившихся друг от друга. Всматривайся в него - и не увидишь, вслушивайся в него - и не услышишь. Посему он зовется "простотой". Простое не имеет ни формы, ни границ. Претерпев превращение, оно стало Единым, а из Единого оно стало семью, семь же превратилось в девять. На девятке превращения исчерпываются и снова приходят к единице. А это Единое есть начало превращений всех форм. Чистое и легкое поднялось вверх и образовало небо, грязное и тяжелое опустилось вниз и образовало землю, а дыхание, пронизавшее то и другое, породило человека. Вот так Небеса и Земля заключили в себе семя всего живого, и все сущее обрело жизнь".

Ле-цзы сказал:

"Небо и Земля не обладают полнотой свершения.

Многомудрые мужи не обладают полнотой умения.

И ничто в целом мире нельзя использовать сполна.

А посему

Назначение Неба - рождать и укрывать.

Назначение Земли - вскармливать и поддерживать.

Назначение мудрых - наставлять и воспитывать.

Назначение каждой вещи - вершить им уготованное.

Следовательно, и у Неба есть свои недостатки, и у Земли есть свои преимущества, и у мудрых есть свои промахи, а у каждой вещи есть своя правда. Почему так? Небо, рождая и укрывая, не способно вскармливать и поддерживать. Земля, вскармливая и поддерживая, не способна наставлять и воспитывать. Мудрый, наставляя и воспитывая, не способен заставить вещи действовать вопреки своему назначению, а вещи, вершащие уготованное им, не могут отринуть свое назначение. Посему в Небесном пути должно быть место и силе Инь, и силе Ян, в учении древних мудрецов говорится и о человечности, и о долге, а все сущее в мире, каково бы ни было его назначение, должно быть то твердым, то мягким. Все сие соблюдает предписанное каждому месту и не уклоняется от него.

Посему есть рожденное и Родитель рожденного, формы и Творящее формы, звуки и Озвучивающее звуки, краски и Раскрашивающее краски, вкус и Творящий вкусы. То, что рождается Родителем, умирает, но Родитель рождающего вовек не умрет. То, что сотворено в форме, имеет облик, но Творящий формы никогда не проявляет себя. Что озвучено в звуке, можно слышать, но Озвучивающее звуки вовек недоступно слуху. Что окрашено в красках, можно видеть, но Окрашивающее краски недоступно зрению. То, что имеет вкус, можно попробовать, но Творящее вкус вовек нельзя распознать. Все это принадлежит Недеянию.

А Недеяние способно творить Инь, творить Ян,

смягчать и укреплять,

удлинять и укорачивать, делать круглым или квадратным,

убивать или рождать, дарить тепло или холод,

держат на плаву или топить,

исторгать звук гун или звук шан 4,

выводить вперед или прятать,

делать черным или желтым,

творить сладость или горечь, благоухание или вонь. Оно ничего не знает и ничего не умеет, а все же нет ничего, что бы оно не знало и не умело".

Есть животное шаньюань, которое зачинает само от себя, это называется лэй. Есть водоплавающая птица, которая зачинает от взгляда, - это птица-рыболов. Среди морских черепах есть только самки, а некоторые существа бывают только самцами: таковы маленькие осы. В стране Сы женщины зачинают без совокупления с мужчиной. Хоу Цзи родился от следа великана.

И Инь родился в дупле шелковицы.

Из теплой сырости рождаются стрекозы, из уксуса - насекомое сицзи.

Растение янси, соединяясь со старым бамбуком, рождает существо пиннин, циннин рождает леопарда, леопард - лошадь, а лошадь - человека. Человек же со временем возвращается в зародыши. Все сущее в мире выходит из зародышей и в зародыши возвращается 5.

Направляясь в царство Вэй, Ле-цзы присел закусить на обочине и заметил валявшийся в траве столетний череп. Ткнув его палкой, он сказал ученику Байфэну:

- Только он и я знаем, что ты никогда не рождался и никогда не умрешь. Вправду ли ему нужно печалиться? Вправду ли нам нужно радоваться?

В семенах есть мельчайшие зародыши. Когда они попадают в воду, они начинают расти. На границе воды и суши они превращаются в лягушачью кожу. На берегу они становятся подорожником. На навозе подорожник становится "вороньей лапкой", а корни вороньей лапки превращаются в древесных червей, листья же ее становятся бабочками. Бабочка превращается в насекомое, которое выглядит так, словно сбросило свои чешуйки, живет под очагом и зовется цюйдао. Спустя сто дней цюйдао превращается в птицу, которую называют ганьюгу. Слюна ганьюгу становится сыми, а сыми превращается в насекомое илу, которое водится в уксусе, а илу порождает насекомое хуанкуан. От хуанкуана, живущего в уксусе, родится цзюю, от цзюю рождаются комары, а от комаров - светлячки.

Баранья печень превращается в вещество дигао. Кровь людей и коней превращается в блуждающие огоньки; сокол превращается в ястреба, ястребы превращаются в кукушек, а те в свое время снова становятся соколами. Ласточки превращаются в устриц, кроты -- в перепелов, сгнившие тыквы - в рыб, порей - в петушиный гребень, старый баран - в обезьяну, рыба икра - в насекомых.

В "Книге Желтого Владыки" говорится:

"Когда тело движется, оно приводит в движение не тело, а тень. Когда раздается звук, он рождает не звук, а эхо. Когда Небытие претерпевает перемену, оно рождает не Небытие, а нечто наличествующее".

То, что обладает формой, неизбежно придет к своему концу. Наступит ли конец для Неба и Земли? Они прекратят свое существование вместе со мной. Но неведомо, прекратится ли когда-

нибудь сам конец. Наступит ли когда-нибудь конец Пути, если у него отродясь не было начала? Как прекратится то, что по сути не существует?

Все рожденное возвращается в нерожденное. Все обладающее формой возвращается в бесформенное. Но нерожденное в сущности - это не то, что никогда не рождалось, а бесформенное - это не то, что никогда не имело формы. Все рожденное должно неизбежно прийти к своему концу. Все, что кончается, не может избежать своего конца, подобно тому как все, что родилось, не может избежать своего рождения. Следовательно, желать жить вечно и никогда не приходить к своему концу есть великое заблуждение относительно своей судьбы.

Дух принадлежит Небу, кости принадлежат Земле. То, что принадлежит Небу, чисто и рассеянно. То, что принадлежит Земле, осязаемо и слеплено воедино. Когда дух покидает тело, то и другое возвращаются к своему подлинному состоянию. Вот почему души умерших называют "гуй", ибо "гуй" означает "возвратиться домой": они возвратились в родной дом б.

Желтый Владыка сказал:

"Когда дух мой выйдет в свою дверь, а мои кости вернутся к корню, из которого они выросли, что останется от меня?"

От рождения до смерти человек проходит через четыре великие перемены: детство, молодость, старость и смерть. В детстве его энергия сосредоточенна, а воля собрана воедино - вот предел душевной гармонии. Ничто не способно причинить ему ущерб, ничто не может добавить ему силы. В молодости его кровь кипит, страсти и замыслы бурлят в нем. Окружающие соперничают с ним, так что его жизненные силы тают. В старости его желания и помыслы слабнут и его тело ищет покоя. Никто не стремится опередить его, и, хотя он не достигает совершенства, присущего детству, его состояние намного улучшается. А когда он умирает, он обретает покой и достигает предела своего бытия.

Когда Конфуций странствовал по горе Тайшань, он увидел Жупа Цици, который бродил по равнине в одеждах из шкур, подпоясанный простой веревкой, и напевал песню, подыгрывая себе на лютне.

- Уважаемый, отчего вы так веселитесь? - спросил его Конфуций.

- О, у меня есть много причин для веселья! - ответил Жун Цици.

- Среди всех вещей в этом мире человек - самое драгоценное, а я имею счастье родиться человеком. Вот первая причина для веселья! Из двух полов мужчины ценятся выше, чем женщины, а я имею счастье родиться мужчиной. Вот вторая причина для веселья! Среди родившихся на этот свет многие не живут и дня или месяца и никогда не выходят из пеленок, а я уже прожил девяносто лет. Вот моя третья причина для веселья! Для всех людей бедность - это судьба, а смерть - конец существования. Я принимаю свою судьбу и спокойно ожидаю конца, о чем же мне беспокоиться?

- Прекрасно! - воскликнул Конфуций. - Вот человек, знающий, как быть довольным в этом мире.

Когда Линь Лэй уже прожил на свете без малого сотню лет, он в разгар весны надел меховую шубу и пошел по полю, распевая песни и подбирая колоски, оставшиеся на брошенной ниве. Его заметил издали

Конфуций, ехавший в то время в царство Вэй. Повернувшись к ученикам, Конфуций сказал им:

- С этим стариком нужно поговорить. Пусть кто-нибудь подойдет к нему и заведет с ним разговор.

Цзы-Гун предложил свои услуги. Он настиг Линь Лэя у самой кромки поля, взглянул на его лицо и, вздохнув, спросил:

- Неужели вы ни о чем не сожалеете? Вы поете, подбирая в поле колоски.

Линь Лэй не остановился и даже не прекратил петь. Тогда Цзы-Гун пошел за ним следом, повторяя свой вопрос. Наконец Линь Лэй обернулся и сказал:

- О чем же мне сожалеть?

- Вы, уважаемый, в юности не пеклись о добронравном поведении, в зрелые годы не стремились к успеху, в преклонном возрасте не имеете ни жены, ни детей, а смерть ваша уже близка. Какое же счастье привалило вам в жизни, что вы поете, подбирая в поле колоски?

- Причины для радости у меня такие же, как у всех людей, - ответил с улыбкой Линь Лэй. - Но люди так часто делают их причинами своих забот. В молодости я не радел о благонравном поведении, а в зрелые годы не стремился к успеху - вот почему я смог прожить так долго. В преклонном возрасте у меня не было ни жены, ни детей, а смерть моя уже близко - вот почему я могу радоваться жизни сейчас.

- Но человеку свойственно держаться за жизнь и бояться смерти. Отчего же дума о смерти вас радует?

- Смерть - это возвращение туда, откуда мы вышли, когда родились. Как же могу я знать, что, умерев сейчас здесь, я не буду рожден где-нибудь еще? Откуда мне знать, не является ли моя любовь к жизни заблуждением? Откуда мне знать, что моя смерть не будет лучше моей жизни?

Цзы-Гун выслушал эти слова, но не понял их смысла. Он вернулся и пересказал их Конфуцию.

- Я знал, что этот человек достоин разговора, - сказал Конфуций. - Так оно и есть. Он постиг кое-что, но не постиг всего 7.

Цзы-Гун устал учиться и сказал Конфуцию:

- Я хочу отдохнуть.

- В жизни нет отдыха, - ответил Конфуций.

- Значит, мне не суждено обрести покой?

- Нет, ты найдешь его. Взгляни на тот могильный курган, такой величественный, такой могучий, и ты поймешь, где ждет тебя покой!

- Воистину смерть велика! - воскликнул Цзы-Гун. - Благородный муж обретает в ней отдохновение, заурядный человек покоряется ей.

- О, ты все понял, Цзы-Гун! Люди понимают радость жизни, но не ее пошлость, печаль старости, но не ее безмятежность, ужас смерти, но не ее упокоение.

Янь-цзы сказал:

- Как хорошо люди древности понимали смерть! Достойные мужи находили в ней отдохновение, презренные покорялись ей.

В смерти наши жизненные свойства достигают своего предела. Древние называли умершего "вернувшимся к началу". Говоря, что умерший "вернулся к началу", они давали понять, что живые - странники в этом мире. Странник, который забыл вернуться назад, не знает, где его дом. А того, кто не знает, где его дом, весь свет осудит. Но когда все люди забывают про свой дом, то уже некому осудить их. Положим, некто ушел из своей родной деревни, покинул своих родичей, презрел свои семейные обязанности ради того, чтобы скитаться где-то на чужбине, - что можно сказать о таком человеке? Люди в мире наверняка назовут его глупцом и недотепой. Положим, что некто гордится собой, выставляет напоказ свои способности и умение, добивается славы и почета и не может удержаться от того, чтобы не хвастаться на виду у всего света, - что можно сказать о таком человеке? Люди наверняка сочтут его умным и достойным уважения. Оба этих человека не правы, однако же люди будут порицать одного и хвалить другого. Только мудрец знает, кого следует порицать, а кого хвалить.

Ле-цзы спросили:

- Почему ты ценишь пустоту?

- В пустоте нет ничего ценного, - ответил Ле-цзы. - О ней нельзя так говорить. Просто нет ничего лучше покоя, нет ничего лучше пустоты. В покое, в пустоте находишь место, где жить. А давая и отбирая, мы теряем место, где жить. Тот, кто, совершив ошибку, начинает играть в "человечность" и "справедливость", не вернет потерянного.

Юй Сюн сказал:

- Те, кто говорят, что небо и земля разрушатся, ошибаются. Те, кто говорят, что небо и земля не разрушатся, тоже ошибаются. Мы не можем знать, разрушатся они или нет. Каждый судит со своей точки зрения. И вот живые не знают, что такое быть мертвым, а мертвые не знают, что такое быть живым. Тот, кто приходит, не знает тех, кто ушел. А тот, кто ушел, не знает тех, кто придут после. Почему мы должны беспокоиться о том, разрушатся небо и земля или нет?

Шунь спросил своего помощника:

- Могу ли я обрести Путь и владеть им?

- Вы даже своим телом не можете владеть, как же вы можете владеть Путем?

- Если мое тело мне не принадлежит, то чье же оно?

- Это форма, данная вам на время Небом и Землей. Ваша жизнь вам не принадлежит: это гармония жизненных сил, дарованная вам на время Небом и Землей. Ваша природа и судьба вам не принадлежат: это Путь, предначертанный вам Небом и Землей. Ваши дети и внуки вам не принадлежат: Небо и Земля ниспослали их вам, как змеи сбрасывают кожу. Поэтому вы странствуете, не зная, куда направляетесь, покоитесь на месте, не зная, на что опираетесь, и питаете себя, не ведая как. Вы - вечное дыхание Неба и Земли, которое влечется во всех направлениях. Как же вы можете владеть им? 8

- Вращаясь без конца, Небо и Земля движутся неприметно. Но кто

ведает об их движении? Ведь что уменьшится здесь, увеличится там, что произрастает здесь, увядает там. Уменьшаться и увеличиваться, произрастать и увядать - значит в одно и то же время рождаться и умирать. А перерыв между появлением и исчезновением столь ничтожен - кто заметит его? Чем бы ни была вещь, ее энергия не вдруг появляется, ее форма не вдруг исчезает: просто невозможно понять, когда приходит зрелость и когда наступает увядание. То же происходит и с человеком за время его жизни: его облик, суждения и манеры меняются со временем, его кожа, ногти и волосы одновременно растут и выпадают. Однако ж невозможно распознать, как претерпевают они эти перемены. Мы узнаем о них лишь после того, как они произойдут.

Некогда в царстве Ци жил человек, который так боялся, что небо обрушится, а земля обвалится вниз и ему негде будет жить, что даже не мог есть и спать. Нашелся некто, кто принял близко к сердцу его страхи, пришел к нему в дом и стал его успокаивать:

- Небо - это только скопление воздуха, и нет такого места, где бы не было воздуха. Ты целый день ходишь и лежишь внутри неба, ты внутри неба потягиваешься и сгибаешься, делаешь вдох и выдох. Почему же ты страшишься, что небо рухнет на тебя?

- Но если небо - это только скопление воздуха, то разве не свалятся с него солнце и луна, звезды и планеты? - возразил цисец.

- Солнце, луна, звезды и планеты - это скопления воздуха, которые светятся. Даже если они упадут, то никому не причинят вреда.

- А если земля обрушится?

- К чему бояться, что обрушится земля? Ведь земля - это скопление твердого вещества, которое заполняет пустоту во все четыре стороны. Нет места, где бы не было вещества. Ты целыми днями и стоишь, и ходишь, и все делаешь на земле. Чего же бояться, что она обрушится?

Услышав это, цисец очень обрадовался, и его друг обрадовался тоже.

Когда Чанлу-цзы услышал про их разговор, он рассмеялся и сказал:

- Радуга, облака и туманы, ветер и дождь и четыре времени года - все это скопления воздуха, и из них получается небо. Горы и холмы, реки и моря, металлы и камни, огонь и дерево - все это скопления твердого вещества, и из них получается земля. Зная, что это скопления воздуха и твердого вещества, как можем мы быть уверены в том, что они никогда не разрушатся? Небо и земля - это только песчинка в целой вселенной. Конечно, должно пройти еще очень много времени, прежде чем им придет конец, и предугадать этот срок очень трудно. Беспокоиться о том, что они разрушатся, конечно, глупо. Но утверждать, что они не разрушатся никогда, - столь же неверно. Поскольку небу и земле суждено погибнуть, придет время, когда им наступит конец. И если мы окажемся в это время здесь, то почему бы нам и не беспокоиться об этом?

Когда Ле-цзы услышал эти слова, он тоже улыбнулся и сказал:

"Сказать, что Небо и Земля погибнут, - это неправда. И сказать, что Небо и Земля не погибнут, - тоже неправда. Погибнут они или

нет - этого мы знать не можем. Все зависит от того, как на это посмотреть. Ведь живые не знают, что такое смерть. Мертвые не знают, что такое жизнь. Те, кто есть сейчас, не знают тех, кто был прежде. А те, кто был прежде, не знают тех, кто есть-сейчас. К чему нам беспокоиться о том, погибнут Небо и Земля или нет".

В царстве Ци жил богач по фамилии Го, а в царстве Суп жил бедняк по фамилии Сян. Вот бедняк приехал в Ци, чтобы разузнать, как стать богатым. Богач Го сказал ему:

- Я хорошо научился воровать. С тех пор как я стал вором, в течение первого года я смог прокормиться, во второй год добился достатка, а в третий год - изобилия. А потом я стал раздавать милостыню в окрестных селениях.

Бедняк Сян обрадовался, но он понял только, что богач Го был вором, и не понял, как нужно воровать. Поэтому он стал перелезать через стены и врываться в дома, хватая все, что попадется под руку, и в скором времени его осудили за кражу и отняли все его имущество.

Решив, что богач его обманул, бедняк вновь отправился к нему.

- Как же ты грабил? - спросил его богач. Бедняк рассказал ему, как все произошло.

- Да разве можно было так далеко уклониться от правильного способа воровства? - вскричал богач Го, услышав рассказ бедняка. - Позволь мне объяснить тебе. Я слышал такие слова: "Небо жалуется время, земля жалуется богатства". Я краду у неба и земли богатства, которые предоставляют времена года, я краду у облаков и дождей влагу, у гор и равнин - их плоды, чтобы вырастить свой урожай, посеять свои семена, воздвигнуть свои стены, построить свой дом. Я краду птиц и зверей у земли, рыб и черепах - у воды. Все это - воровство, ибо урожай и семена, глина и дерево, птицы и звери, рыбы и черепахи даются нам небом - как могут они быть моим Личным достоянием? Но никто не осуждает меня за то, что я крал у неба. А вот золото и яшма и прочие драгоценности, зерно и шелк и разные товары собраны людьми - разве их посылает нам небо? Что же удивительного, что тебя осудили за то, что ты присвоил их себе?

Бедняк Сян был в недоумении и решил, что богач Го опять смеется над ним. Он пошел к Дунго-цзы, расспросил его и получил такой ответ:

- Разве само тело у тебя не украдено? Если тебе приходится красть Инь и Ян для того, чтобы поддержать жизнь в своем теле, как можешь ты не красть вещи, тебя окружающие? В действительности все вещи между небом и землей не отделены друг от друга, а потому утверждать, что нечто принадлежит тебе лично, - значит творить обман. Го ворует, как все люди, и потому не подвергается осуждению. Ты же воровал в одиночку, и потому тебя осудили. Проводить ли различие между общим и частным или нет - ты все равно будешь считаться вором. Сами небо и земля делают общее общим, а частное - частным. Для того, кто постиг природу неба и земли, нет ничего, что было бы воровством и что не было бы воровством.

Десять и еще пять лет восседал на царском престоле Желтый Владыка, и ему доставляло удовольствие знать, что весь мир был в его власти. Он "брал от жизни все", тешил свое зрение и слух, искал наслаждений для обоняния и вкуса, пока от непрерывных увеселений кожа его не высохла, а пять органов чувств не притупились окончательно. В последующие пятнадцать лет он был озабочен лишь беспорядками в Поднебесной и посвятил свое зрение и слух, свои знания и способности управлению народом. Однако кожа на нем еще больше иссохлась, а его органы чувств совсем расстроились.

Тогда Желтый Владыка сокрушенно вздохнул и сказал:

- О, сколь велики мои заблуждения! Заботиться только о себе - это порок. Но заботиться только о других - порок не меньший!

Тут он забросил все свои царские дела, покинул дворец, распустил свиту, упразднил свой оркестр с колоколами и барабанами и отказался от изысканных кушаний, а сам стал жить в праздности в хижине, очищая свое сердце и тело. Вот так он прожил три месяца, ни разу не вспомнив о своих обязанностях государя.

Однажды, когда он заснул днем, ему привиделось, что он попал в страну Хуасуй 10. Страна эта лежала на запад от области Яньчжоу и на север от области Тайчжоу, а в скольких миллионах ли от Срединного царства - неведомо. До нее нельзя добраться ни на лодке, ни на телеге, ни пешком. Странствовать там можно лишь в мыслях. В этой стране нет ни начальников, ни старших и все устраивается само собой. В людях нет ни жадности, ни похоти, и каждый живет сам по себе. Люди там не радуются жизни и не боятся смерти, и поэтому никто не умирает прежде срока. Они не знают, что такое ставить себя выше других, и поэтому им неведомы любовь и ненависть. Они не знают, что такое угождать или вредить другим, соглашаться с другими или идти наперекор чужой воле, поэтому они не ведают ни выгод, ни убытков. В мире нет ничего, что вызывало бы в них недовольство или сожаление, ничего, что страшило бы их или заставляло завидовать. Они ходят по воде - и не тонут, ступают по огню - и не горят. Ударишь их - и на них не появятся раны. Ущипнешь их - и на их коже не останется следа. Они ходят по воздуху, как по суше, спят в пустоте, точно в постели. Облака и туманы не мешают им смотреть, раскаты грома не мешают слушать, красота и уродство не смущают их сердца, горы и ущелья не утомляют их ноги, ибо они странствуют всюду душой.

Когда Желтый Владыка проснулся, он был очень рад тому, что снова вернулся к своей жизни. Позвал он своих советников Тяньлао, Лиму и Тайшань Цзи и сказал им:

- Я прожил в праздности три месяца, очищая свое сердце, и тело, желая понять, как нужно владеть собой и управлять другими, но успеха так и не добился. Устав, я заснул, и вот что я увидел во сне. Теперь я знаю, что Верховный Путь нельзя постичь посредством чувств. Я знаю его, я его обрел, но я не могу рассказать вам о нем.

Прошло еще двадцать лет, в продолжение которых Поднебесная управлялась так же хорошо, как и в стране Хуасуй, и Желтый Владыка вознесся на небеса. А люди не переставали оплакивать его в течение двух столетий.

Гора Гуешань стоит на островах, там, где Желтая Река впадает в Океан. На этой горе живет Божественный человек. Он вдыхает ветер, пьет росу и не ест злаков. Его сердце - как бездонный источник, его внешность - как у юной девушки. Он не ведает ни милости, ни любви, но небожители и мудрецы рады быть его советниками. Он не внушает страха, никогда не сердится, но люди способные и добросовестные рады быть его посланниками. В них нет щедрости и доброты - а другие всего имеют в достатке. Он ничего не собирает и не делает запасов, но ни в чем не нуждается. Там силы Инь и Ян всегда пребывают в согласии, солнце и луна всегда светят в положенное время, четыре времени года исправно сменяют друг друга, равномерно дуют ветры и идут дожди, своевременно возрастает все живое, урожай всегда обилен, а в округе не бывает мора, не умирают преждевременно люди, не болеют животные, а души умерших не доставляют беспокойства живым.

Учителем Ле-цзы был Старый Шан, а другом - Богао-цзы. Ле-цзы досконально перенял искусство обоих и возвратился домой, оседлав ветер. Услышал о нем Инь Шэн, присоединился к его ученикам и в течение нескольких месяцев не искал себе пристанища¹¹. Десять раз, когда Ле-цзы отдыхал от своих дел, он просил его открыть свои секреты, и каждый раз Ле-цзы отсылал его обратно, ничего ему не сказав. Инь Шэн обиделся и попросил разрешения уехать. Ле-цзы не стал возражать.

Прошло несколько месяцев, Инь Шэн не отказался от своих намерений и снова пришел к Ле-цзы.

- Почему ты столько раз приходишь и уходишь? - спросил его Ле-цзы.

- Не так давно я обращался к вам с просьбой, а вы не удостоили меня ответом. Тогда я обиделся на вас, но ныне обида прошла, и вот я опять здесь, - ответил Инь Шэн.

- Я считал тебя проницательным, а ты, я вижу, ничего не понимаешь! Ну хорошо, я расскажу тебе, чему я научился у моего учителя. Спустя три года после того, как я начал учиться у моего учителя и подружился с одним человеком, мое сердце уже не занимали мысли о "правильном" и "неправильном", мои уста более не говорили о пользе и вреде, и, тогда учитель впервые посмотрел в мою сторону. Спустя пять лет в моем сердце снова появились мысли о правильном и неправильном, а мои уста вновь заговорили о пользе и вреде - и тогда учитель впервые мне улыбнулся. Спустя семь лет я уже не прилагал к своим мыслям понятия правильного и неправильного и говорил все, что приходило на ум, не задумываясь о пользе и вреде. Тогда учитель впервые предложил мне сесть рядом с собой. Спустя девять лет я принимал свободно все, что появлялось в моем сердце, и говорил свободно все, что приходило на ум, не зная, правильно это или неправильно, полезно или вредно, и даже не помня, кто мой учитель и мой друг. Тогда, когда я дошел до предела всего, что было внутри и вовне меня, мое зрение стало подобным моему слуху, мой слух - подобным моему обонянию, мое обоняние - подобным вкусовым ощущениям. Мое сознание стало собранным воедино, а тело - расслабленным, плоть и кости срослись воедино, я не

замечал, на что я опираюсь и где ступают мои ноги, я скитался вместе с ветром на запад и на восток, подобно листку, сорванному с дерева, или высушенной мякоти, и даже не знал, ветер ли гонит меня, или я подгоняю ветер. А теперь ты захотел стать моим учеником и, не пробыв со мной и одного года, уже обижаешься на меня. А ведь ветер не поднимет в воздух и частицы твоего тела, земля не удержит и одного сустава на твоём пальце. Как же ты собираешься ходить по воздуху и скитаться вместе с ветром?

Тут Инь Шэн устыдился так, что долго даже вздохнуть не осмеливался.

Больше он не подходил с расспросами к Ле-цзы.

Учитель Ле-цзы спросил у Гуань-иня: "Высший человек идет под водой - и не захлебывается, ступает по огню - и не обжигается, воспаряет над всем миром - и не пугается. Позвольте спросить, как этого добиться?"

- Этого добиваются не знаниями и ловкостью, а сохраняя чистоту жизненной силы, - ответил Гуань-инь. - Присядь, я расскажу тебе. Все, что обладает формой и образом, звучанием и цветом, - это вещи. Чем же отличаются друг от друга вещи и чем превосходят они друг друга? Формой и цветом - только и всего! Ведь вещи рождаются в Бесформенном и возвращаются в Неизменное. Какие могут быть преграды тому, кто это постиг? Такой человек пребывает в Неисчерпаемом и хоронит себя в Беспредельном, странствует у конца и начала всех вещей. Он бережет цельность своей природы, пестует свой дух и приводит к согласию свои жизненные силы, дабы быть заодно с творением всего сущего. Небесное в нем сберегается в целостности, духовное в нем не терпит ущерба. Как же могут задеть его внешние вещи?

Вот и пьяный, упавший с повозки, может удариться сильно, а до смерти не убьется. Тело у него такое же, как у других, а ушибется он по-особому - ведь дух его целостен. Он не знал, что едет в повозке, и не знал, что свалился с нее, мечты о жизни и страх смерти не гнездились в его груди, и вот он, столкнувшись с каким-либо предметом, не ведает страха. Если человек может стать таким целостным от вина, то насколько же целостнее может он стать благодаря Небу? Мудрый хоронит себя в небесном, и потому ничто не может ему повредить 12.

Ле Юйкоу показывал Бохуню-Безвестному свое искусство стрельбы из лука: натянул тетиву, поставил на локоть кубок с водой, пустил стрелу, а потом, не дожидаясь, когда она долетит до цели, пустил вторую, и третью. И все это время стоял не шелохнувшись, точно истукан.

- Это мастерство стрельбы при стрельбе, а не стрельба без стрельбы, - сказал Бохунь-Безвестный. - А смог бы ты стрелять, если бы взшел со мной на скалу и встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей?

Тут Безвестный взшел на высокую скалу, встал на камень, нависший над пропастью в тысячу саженей, повернулся и отступил назад так, что ступни его до половины оказались над пропастью, а потом подзвал к себе Ле Юйкоу. Тот же, обливаясь холодным потом,

упал на землю и закрыл лицо руками.

- У высшего человека, - сказал Безвестный, - дух не ведает смущения, даже если он воспаряет в голубое небо, опускается в мировую бездну или улетает к дальним пределам земли. А тебе сейчас хочется зажмуриться от страха. Искусство твое немногого стоит! 13

В роду Фань был человек по имени Цзыхуа, который любил привлекать к себе удалых людей, и его боялись в целом царстве. Он был любимцем правителя Цзинь и, хотя должности при дворе не имел, сидел справа от Трех Советников 14. Всякий, кого он удостоивал благосклонного взгляда, получал знатный титул и удел, а те, кого он по собственной прихоти оговаривал, лишались всех чинов и званий. В его доме толпилось не меньше просителей, чем в царском дворце. Цзыхуа позволял самым сильным и смелым людям в его свите обижать слабых и робких. Даже если кому-нибудь в его присутствии наносили увечье, он не обращал внимания. Так он развлекался днями и ночами, и все жители царства уже привыкли к этому.

Однажды первые удалыцы семейства Фань - Хэшэн и Цзыбо - отправились за город и заночевали в доме старого крестьянина Кая с горы Шанцю. До глубокой ночи Хэшэн и Цзыбо говорили о славе и могуществе Цзыхуа, который, дескать, может убить или подарить жизнь, озолотить или разорить по своей прихоти. Кай был бедный человек, вечно страдавший от голода и холода. Притаившись у северного окна, он подслушивал разговор гостей. Воодушевленный услышанным, он собрал еду, положил ее в корзинку и отправился к воротам Цзыхуа.

А в свите Цзыхуа состояли родовитейшие люди царства. Одетые в белый шелк, они разъезжали в колесницах с высоким передком или прохаживались по улице, поглядывая на прохожих. Увидев Кая с горы Шанцю, старого и немощного, с обветренным лицом и в ветхой одежде, они отнеслись к нему с презрением, стали толкать и бить его, похлопывать по спине, оскорблять и насмехаться над ним. А Кай не обращал на их издевательства никакого внимания, и удалыцы в конце концов исчерпали свое остроумие. Тогда они привели Кая на вершину башни, и один из них сказал в шутку:

- Кто бросится вниз, получит сотню золотых!

Все сделали вид, что поверили этому, а Кай, принявший все всерьез, поспешил прыгнуть первым. Он опустился на землю, словно парящая птица, ничего не повредив себе.

Люди Цзыхуа решили, что ему просто повезло, и не слишком удивились такому счастливому падению. Но, чтобы еще раз испытать его, кто-то указал на глубокий омут в излучине реки и сказал:

- Там на дне есть драгоценная жемчужина, кто туда нырнет, сможет достать ее.

Кай тут же бросился в воду, и, когда он снова вынырнул на поверхность, в руке он держал жемчужину. Тут впервые люди Цзыхуа призадумались, а сам Цзыхуа пожаловал ему вместе с другими шелк и мясо.

Внезапно в сокровищнице Фаней вспыхнул пожар. "Если сумеешь войти в сокровищницу и спасти мой шелк, отдам тебе все, что вынесешь!" - крикнул Цзыхуа Каю.

Тут Кай без колебания направился к сокровищнице, исчез в

пламени, а некоторое время спустя вышел из него целым и невредимым, даже сажа не оставила на нем следов.

Тут все решили, что Кай владеет Путем, и стали просить у него прощения.

- Мы не ведали, что вы обладаете Путем, и потому смеялись над вами, - сказали ему люди Цзыхуа. - Как глупы, как глухи, как слепы мы были! Позвольте же спросить у вас, в чем ваш секрет?

- Никакого Пути у меня нет, - отвечал Кай, - Я и сам не знаю, как это все у меня получилось. Но все же попробую вам кое-что рассказать. Не так давно я слышал, как двое из вас, остановившись на ночлег в моем доме, расхваливали славу и могущество Цзыхуа, который якобы может убить или подарить жизнь, озолотить или разорить по своей прихоти. Я верил этому всем сердцем, и вот почему я оказался здесь, а долгий путь показался мне коротким. Когда я пришел сюда, я думал, что все, о чем говорят здесь, - правда, и я боялся только, что вера моя будет недостаточно крепка. Я не знал, куда направляюсь, не ведал, где для меня польза, а где вред. Я просто сосредоточился на одном - вот почему для меня не существовало никаких преград. Но теперь, когда я знаю, что вы смеялись надо мной, во мне зародились тревоги и подозрения, хотя я стараюсь казаться спокойным. Оглядываясь назад, я могу считать, что для меня было большой удачей не утонуть и не сгореть заживо. Но посмею ли я снова броситься в воду или в огонь?

С тех пор удальцы Цзыхуа, встретив на дороге нищего или коновала, не осмеливались обижать их и даже выходили из коляски, чтобы поклониться им.

Услышал об этой истории Цзай Во и рассказал ее Конфуцию.

- А ты разве не знал? - ответил Конфуций. - Человек с безупречной верой способен подчинить своей воле все вещи. Он движет небо и землю, заставляет откликаться духов, охватывает собою вселенную и нигде не встречает преграды. Неужели ты думаешь, что он может только проходить через огонь и воду? Ничто не мешало Каю, даже когда он поверил в ложь. Тем более ничто не мешает ему, когда с ним будут искренни! Запомни это, юноша!

У конюшего чжоуского царя Сюаня был раб по имени Лян Ян, который был искусен в обращении со зверями и птицами. Он собирал их и держал у себя во дворе и умел укрощать самого свирепого хищника - вояка, тигра или орла. При нем самцы и самки сбивались в стаи, спариваясь без опаски; разные животные жили вместе и никогда не прогоняли и не кусали друг друга. Государь не хотел, чтобы искусство Лян Яна умерло вместе с ним, и приказал Мао Цюаню стать его учеником.

Лян Ян сказал Мао Цюаню:

- Какому искусству могу я, презренный раб, научить вас? Но я боюсь, что государь скажет, что я скрываю от вас свои секреты, а потому позвольте мне рассказать вам о том, как приручать тигров. Вообще говоря, в природе всего живого быть довольным, когда вам угождают, и сердиться, когда вам перечат. Однако же нельзя думать, что довольство и гнев возникают по чистому произволу. Зверь гневается, лишь когда идут против его желаний. Кормя тигра, я не решаюсь давать ему живого зверя, ибо он впадет в ярость, убивая

его. Я не даю ему и целую тушу, ибо он впадет в ярость, разрывая ее на части. Я слежу за тем, голоден тигр или сыт, и постигаю причины его раздраженности. Хотя тигры совсем не похожи на людей, но если они ласкаются к человеку, то это потому, что человек угождает ему, а если он бросается на человека, то это потому, что человек идет ему наперекор. А если так, то могу ли я гневать их, идя наперекор их желаниям? Но я и не потворствую им во всем. Ибо когда радость достигает предела, она сменяется гневом, а когда достигает своего предела гнев, нас вновь охватывает радость, ибо в нашей душе нет равновесия. А поскольку в своем сердце я никому не угождаю и не перечу, звери и птицы принимают меня за своего. И потому нет ничего удивительного в том, что они спокойно гуляют по моему двору, не вспоминая о лесной чаще и пустынной равнине, а когда они мирно спят в моем дворе, им не снятся высокие горы и глубокие ущелья.

Янь Хой сказал Конфуцию: "Однажды я переправлялся через глубокий поток Шаншэнь, и перевозчик управлял лодкой, словно всемогущий Бог. Я спросил его: "Можно ли научиться управлять лодкой?" "Можно, - ответил он. - Это легко может сделать хороший пловец, а если он к тому же и ныряльщик, то научится управлять лодкой, даже не видя ее в глаза". Я спросил его еще, но он не захотел говорить со мной. Позвольте спросить, что это значит?"

- Когда перевозчик сказал, что его искусству легко может научиться хороший пловец, он имел в виду, что такой пловец забывает про воду, - ответил Конфуций. - А когда он сказал, что ныряльщик может научиться его искусству, даже не видя лодку в глаза, он говорил о том, что для такого человека водная пучина - все равно что суша и перевернуться в лодке - все равно что упасть с повозки. Пусть перед ним опрокидывается и переворачивается все, что угодно, - это не поколеблет его спокойствия. Что бы с ним ни случилось, он будет безмятежен! 15

Конфуций любовался водопадом в Люйляне. Вода в нем низвергалась с высоты в тридцать саженей, река вокруг пенилась на расстоянии сорока ли. В те места не осмеливались заплывать ни рыбы, ни черепахи. Вдруг Конфуций увидел в бурных волнах плывущего человека. Подумав, что кто-то решил таким образом покончить с жизнью, он послал учеников спасти несчастного. Но в ста шагах вниз по течению незнакомец сам вышел на берег и пошел вдоль реки, распустив волосы и весело напевая. Конфуций догнал его и спросил:

- Я думал поначалу, что передо мной дух, а теперь вижу, что вы - живой человек. Позвольте спросить, есть ли у вас, великого пловца, свой Путь?

- О нет, у меня нет Пути. Я начал с того, что было мне дано от рождения, вырос в том, что угодно моей природе, и достиг зрелости в том, что является моей судьбой. Я вхожу в воду с течением, увлекающим на середину реки, и выхожу с течением, несущим к берегу. Я следую движению вод и не навязываю волнам свою волю. Вот как я удерживаюсь на плаву.

- Что значит "начать с того, что дано от рождения, вырасти в том, что угодно природе, и достичь зрелости в том, что является

судьбой"?

- Я родился на суше и чувствую себя покойно на суше - вот что значит "данное от рождения". Я вырос в воде и чувствую себя покойно в воде - вот что значит "вырасти в том, что угодно природе". И я живу так, не ведая, почему я таков, - вот что значит "достичь зрелости в том, что является судьбой" 16.

По дороге в царство Чу Конфуций вышел из леса и увидел Горбуна, который ловил цикад так ловко, будто подбирал их с земли.

- Неужто ты так искусен? Или у тебя есть Путь? - спросил Конфуций.

- У меня есть Путь, - ответил Горбун. - В пятую - шестую луну, когда наступает время охоты на цикад, я кладу на кончик своей палки шарики. Если я смогу положить друг на друга два шарика, я упущу много цикад. Если мне удастся положить три шарика, я упущу одну из десяти, а если я смогу удержать пять шариков, то поймаю всех без труда. Я стою, словно старый пенёк, руки держу, словно сухие ветки. И в целом огромном мире, среди всей тьмы вещей меня занимают только крылатые цикады. Я не смотрю по сторонам и не променяю крылышки цикады на все богатства мира. Могу ли я не добиться желаемого?

Конфуций повернулся к ученикам и сказал: "Помыслы собраны воедино, дух безмятежно-покоен..." Не об этом ли Горбуну сказано такое? 17

Один человек, живший у моря, любил чаек. Каждое утро он уходил на морской берег плавать вместе с чайками, и к нему слеталось такое множество птиц, что всех и не сосчитать. Однажды его отец сказал ему:

- Я слышал, к тебе слетаются все чайки на море. Поймай мне несколько - я тоже хочу поиграть с ними.

Когда на следующее утро тот человек пришел к морю, чайки кружились над ним, но не опускались низко.

Вот почему говорят: "Предел речи - отсутствие речей. Предел деяния - отсутствие деяний". Знание, доступное всем, - поверхностно.

Чжао Сян-цзы охотился с сотней тысяч своих людей в Срединных горах. Он поджег целый лес, поднеся огонь к высокой траве, и пожар распространился вокруг на сотни ли. Неожиданно прямо из каменной скалы вышел человек, поднимаясь и опускаясь вместе с клубами дыма. Все присутствующие подумали, что видят духа. Пройдя через пламя, словно и не замечая его, человек неспешно пошел прочь. Чжао Сян-цзы, пораженный увиденным, велел задержать человека и внимательно оглядел его. Внешность, кожа и лицо незнакомца были вполне человеческими. Его дыхание и его голос тоже были совсем как у других людей. Он спросил незнакомца, каким образом он мог жить внутри скалы и пройти через огонь.

- А что вы называете скалой и огнем? - спросил человек.

- То, откуда ты только что вышел, - это скала. А то, через что ты только что прошел, было огнем.

- Я этого не знал.

Услышал об этой истории вэйский царь Вэнь и спросил Цзы-Ся, ученика Конфуция:

- Что это был за человек?

- Я слышал, как мой учитель говорил, что человек, пребывающий в гармонии, во всем подобен другим, и ничто не может причинить ему вред или преградить ему Путь. Пройти через металл или камень, ходить по воде и огню - все это возможно.

- А почему вы сами так не поступаете?

- Я еще не способен "раскрыть сердце, прогнать мудрствование". Однако я готов рассказать вам все, что знаю об этом.

- А почему твой учитель на такое не способен?

- Мой учитель из тех людей, которые, хотя и могут делать так, могут и не делать этого.

Такой ответ пришелся по душе царю Вэню.

В царстве Чжэн жил могущественный колдун по имени Ли Сянь, который умел угадывать судьбы людей - будет ли человек жить или умрет, спасется он или погибнет, встретит или не встретит удачу, умрет ли в молодости или доживет до глубокой старости. Еще он умел предсказывать события, называя и год, и месяц, и даже день. Так велико было его искусство, что жители Чжэн, завидев его, обращались в бегство. Когда Ле-цзы увиделся с ним, ему в сердце словно хмель ударил, и он, вернувшись домой, сказал учителю Ху-цзы: "Раньше я думал, учитель, что ваш Путь - выше прочих, но теперь я знаю, что есть и еще более высокий".

- Я изучил с тобой писания о Пути, но не вникнул в существо Пути, - ответил Ху-цзы. - Постиг ли ты Путь воистину? Даже если кур много, а петуха на них нет, откуда же возьмутся яйца? Ты чрезмерно стараешься осуществить Путь в миру, завоевать доверие людей, а потому облик твой слишком выдает твои намерения. Попробуй привести его сюда, пусть он посмотрит на меня.

На следующий день Ле-цзы привел колдуна к Ху-цзы. Когда колдун вышел, он сказал Ле-цзы: "Гм, твой учитель - мертвец, ему не прожить и десятка дней. Я увидел нечто странное, увидел сырой пепел!"

Ле-цзы вошел в комнату учителя, обливаясь слезами, и передал ему слова колдуна.

Ху-цзы сказал: "Я только что показался ему в образе Земли, притаился в незыблемом, но вовеки подвижном. Ему же, верно, привиделось, что жизненной силе во мне прегражден Путь. Приведи его ко мне еще раз".

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы, а уходя, сказал Ле-цзы: "Счастье, что твой учитель встретился со мной. Ему сегодня намного лучше! Он совсем ожил! Я вижу, что жизненные силы в нем свободны". Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал: "На сей раз я предстал ему зиянием Небес. Ни имя, ни сущность в нем не гнездятся, а жизненная сила во мне исходила из пяток. Он, верно, увидел во мне это истечение силы. Приведи-ка его еще раз".

На следующий день колдун вновь пришел к Ху-цзы и, выйдя от него, сказал Ле-цзы: "Учитель твой так переменчив! Я не могу разгадать его облик. Подождем, пока он успокоится, и я снова осмотрю его". Ле-цзы передал слова колдуна учителю, и тот сказал:

"Я предстал ему Великой Пустотой, которую ничто не одолеет. И вот он узрел во мне глубочайший исток жизненных сил. Ибо и в стоячей, и в текучей воде есть темные глубины, и насчитывается их всего девять, а показал я только три. Пусть он придет еще раз".

На следующий день колдун снова пришел к Ху-цзы, но не успел он усесться на своем сиденье, как в смятении вскочил и выбежал вон. "Догони его!" - крикнул Ху-цзы ученику. Ле-цзы побежал за колдуном, да так и не догнал его. А Ху-цзы сказал: "На сей раз я показал ему свой изначальный образ - каким я был до того, как вышел из своего предка. Я предстал перед ним пустым, неосвязаемо-податливым; невдомек ему было, кто я и что я такое, вот и показалось ему, что он скользит в бездну и плывет свободно по лону вод. Поэтому он убежал от меня".

Тут Ле-цзы понял, что еще и не начинал учиться. Он вернулся домой и три года не показывался на людях.

Сам готовил еду для жены.

Свиней кормил, как гостей.

Дела мира знать не хотел.

Роскошь презрел, возлюбил простоту.

Возвышался один, словно ком земли.

Не держался правил, смотрел в глубь себя 18.

Ле-цзы отправился в царство Ци, но с полпути повернул назад и встретил на дороге Бохуня-Безвестного, который спросил его, почему он возвращается домой.

- Я испугался!

- Чего же вы испугались?

- Я ел в десятке харчевен, и в пяти мне подавали раньше всех.

- Если это все, то чего же тут страшного?

- Когда внутренняя цельность в человеке еще не окрепла, она просачивается наружу и создает вокруг него свечение, которое трогает сердца окружающих и заставляет их почитать такого человека больше собственного отца и начальника. А это уже опасно. Ведь хозяин харчевни думает только о том, чтобы продать свой рис и похлебку, далеко идущих намерений у него нет. Если человек, который получает от меня так мало, ценит меня так высоко, то как же поступит властитель десяти тысяч колесниц, который отдает все свое время царству и все свои знания управлению? Правитель Ци пожалуйет мне какую-нибудь должность и будет ожидать, что я успешно справлюсь со своими обязанностями. Вот что встревожило меня.

- Прекрасное наблюдение! - воскликнул Бохунь-Безвестный. - Но даже если вы останетесь дома, то другие люди будут докучать вам просьбами.

Некоторое время спустя Бохунь-Безвестный пришел к Ле-цзы и у дверей его дома увидел множество туфель, оставленных посетителями. Бохунь встал лицом на север, оперся на посох и прислонился к нему щекой. Постояв так немного, он вышел, не сказав ни слова. Привратник доложил об этом Ле-цзы. Тот бросился за ним вдогонку босиком, держа туфли в руке, и догнал его уже у ворот.

- Поскольку вы пришли ко мне, уважаемый, не соблаговолите ли вы дать мне наставление? - обратился Ле-цзы к Бохуню-Безвестному.

- Довольно! - ответил Бохунь-Безвестный. - Я уже сказал вам

откровенно, что другие станут докучать вам просьбами. Так оно и вышло. И дело не в том, что вы можете позволить им делать это, а в том, что вы не можете запретить им поступать так. Для чего вам общение с этими людьми, мешающее вашему спокойствию? Если вы хотите произвести впечатление, это расстроит вашу внутреннюю гармонию и не принесет добрых плодов. Никто из ваших приятелей не скажет вам ничего дельного, все их пошлые слова - словно яд. Если мы не стараемся друг друга пробудить, как мы будем мужать? 19

Ян Чжу поехал на юг и добрался до царства Пэй. Когда Лао-цзы уезжал на запад, в царство Цинь, Ян Чжу вышел за город, чтобы поприветствовать его. Лао-цзы встал посередине дороги, подняв взор к небесам, и сказал со вздохом:

- Когда-то я думал, что тебя можно чему-то научить, но сейчас я вижу, что это невозможно.

Ян Чжу ничего не ответил. Когда путники прибыли в его дом, он подал Лао-цзы полотенце, гребень и таз с водой для омовения. Сняв туфли за дверью, он на коленях подполз к Лао-цзы и сказал:

- Учитель, только что вы подняли свой взор к небесам и сказали: "Когда-то я думал, что тебя можно чему-то научить, а сейчас вижу, что это невозможно". Ваш ученик хотел попросить вас разъяснить смысл этих слов, но вы все шли вперед, и я не посмел обратиться к вам с вопросом. Теперь же осмелюсь спросить вас, в чем моя ошибка?

Лао-цзы ответил:

- Сколько высокомерия в твоем взгляде! Кто может ужиться с тобой?

Самая чистая белизна кажется чуть запачканной,

В совершенной добродетели как будто чего-то не хватает.

Ян Чжу переменился в лице и сказал: "Почтительно слушаюсь!"

Прежде Ян Чжу в каждой харчевне приветствовали и провожали жильцы, хозяин подавал ему сиденье, хозяйка подносила полотенце и гребень, сидевшие в доме уступали место на циновке, гревшиеся давали место у очага. Когда же он вернулся, постояльцы стали спорить с ним за место на циновке 20.

Ян-цзы путешествовал по царству Сун и остановился на ночлег в придорожной харчевне. У хозяина харчевни было две наложницы: одна красивая, другая уродливая. С дурнушкой он обращался почтительно, а с красавицей был груб. Когда Ян-цзы спросил о причине такого поведения, малолетний сын хозяина ответил: "Красавица думает о себе, что она красива, а мы не знаем, в чем ее красота. Дурнушка думает о себе, что она уродлива, но мы не знаем, в чем ее уродство".

- Запомните это, ученики, - сказал Ян-цзы. - Если вы будете жить мудро, но не считать себя мудрецами, вас всюду будут любить! 21

В Поднебесном мире есть Путь, благодаря которому всегда одерживают победу, и есть Путь, благодаря которому не побеждают никогда. Первый зовется слабостью, второй зовется силой. Узнать их легко, но люди не желают их знать. Поэтому древние говорили: "Сильные стараются превзойти тех, кто слабее их, а слабые желают

превзойти тех, кто сильнее их". Человек, старающийся превзойти тех, кто слабее его, оказывается в опасности, когда он встречает того, кто сильнее его. Но человеку, который желает превзойти того, кто сильнее его, ничто не угрожает. Есть изречение, гласящее: "Этим ты побеждаешь свое тело и делаешь его своим слугой; этим ты заставляешь целый мир служить тебе". Оно означает, что ты побеждаешь не других, а себя и ищешь должное применение не другим, а самому себе.

Юй Сюн сказал:

Если хочешь быть твердым, оберегай твердость мягкостью.

Если хочешь быть сильным, поддерживай силу слабостью.

Когда мягкое накапливается, появляется твердость.

Когда слабость накапливается, появляется сила.

Смотри, как это скапливается, и ты постигнешь корень всех удач и бед.

Сильные побеждают тех, кто слабее их, а когда они встречают равного,

они не имеют преимущества.

Слабые побеждают тех, кто сильнее их, и сила их неизмерима.

Лао-цзы сказал:

Если войско могучее, оно погибнет.

Если дерево сильное, оно сломается.

Мягкое и слабое - это жизнь.

Твердое и сильное - это смерть 22.

Человек может быть подобен нам обликом, но ум его может не быть подобен нашему. Или он может быть подобен нам умом и не быть подобным нам обликом. Мудрый предпочитает быть подобным умом, а обыкновенные люди любят тех, кто похож на них обликом, и избегают тех, кто на них не похож.

Всякий, чей рост достигает шести вершков, у кого руки не похожи на ноги, на голове растут волосы, а зубы спрятаны во рту, зовется "человеком", но у этого человека может быть сердце дикого зверя. Однако ж люди все равно примут его как себе подобного. Всякое существо, которое имеет крылья на спине или рога на голове, могучие клыки и острые когти, кто летает по воздуху или бежит по лесам, зовется "зверем" или "птицей", однако же у зверя и птицы тоже есть сознание, подобное человеческому. И все-таки люди не сочтут их за подобных себе, потому что обликом они отличны от людей.

Когда Желтый Владыка бился с Яньди на равнине Фань-цюань, он поставил впереди медведей, волков, леопардов и тигров, а знаменосцами у него были орлы, фазаны, коршуны и кречеты. Вот что значит подчинять зверей и птиц силой. Когда Яо поручил Кую заведовать музыкой, тот, ударяя в каменные пластины, заставлял зверей пускаться в пляс, а стоило ему сыграть на свирели мелодию Сяо-шао, как пара фениксов прилетала во дворец и исполняла танец. Вот что значит завораживать зверей и птиц музыкой. Чем же сознание птиц и зверей отличается от человеческого? Поскольку они отличаются от людей обликом и голосом, мы не знаем, как общаться с

ними, но мудрый все знает и все понимает, оттого он может привлечь к себе зверей и птиц и сделать их своими слугами.

Сознание зверей и птиц по природе подобно человеческому. Как и мы, они стремятся уберечь свою жизнь, и им нет нужды для этого учиться у человека. Самец и самка спариваются, мать и дитя тянутся друг к другу; они избегают ровных мест и селятся в недоступных местах, не любят холода и радуются теплу. Они живут стаями, передвигаются строем, детеныши держатся в середине, а взрослые - по краям; они ведут друг друга к воде и зовут друг друга, когда находят пищу. В глубокой древности люди и звери жили сообща, держались дружно. А во времена Пяти Царей и Трех Правителей животные были напуганы и потому разбежались в разные стороны. А в наш смутный век они прячутся в норах и дуплах, чтобы спасти себя.

Даже и ныне в восточной стране Цзе многие люди понимают речь животных. Такое возможно даже при наших ограниченных знаниях. Великие мудрецы древности знали обычаи всех существ в мире и понимали голоса всех зверей и птиц. Они умели призывать к себе животных и наставлять их, словно людей. Истинные мудрецы способны общаться с духами, призывать к себе людей со всех сторон света и собирать вокруг себя и птиц, и зверей, и насекомых, а это означает, что между всеми существами мироздания нет больших отличий в их сознании. Древние мудрецы знали это, а потому не обходили своими наставлениями никого из живущих в этом мире.

В царстве Сун жил человек, который очень любил обезьян и держал у себя целые обезьяньи стаи. Он мог читать мысли обезьян, и обезьяны тоже его понимали. Его семья жила впроголодь, потому что он тратил все свои доходы на обезьян. В конце концов ему стало совсем туго, и он решил давать обезьянам меньше корма. Опасаясь, что обезьяны взбунтуются, он задумал обхитрить их.

- Если я буду давать вам по три ореха утром и по четыре вечером, что вы скажете? - спросил он обезьян. Обезьяны пришли в ярость. Тогда человек сказал:

- А хватит ли вам, если я буду давать вам четыре ореха утром и три вечером?

Обезьяны были очень довольны и быстро успокоились. Точно так же умный человек обманывает глупого. Мудрый своей мудростью заманивает простаков в клетку, точь-в-точь как владелец обезьян поступает со своими животными. Ничего не меняя ни по названию, ни по сути, он умеет вызывать в других то радость, то гнев 23.

Цзи Син-цзы растил бойцовского петуха для государя. Прошло десять дней, и государь спросил: "Готов ли петух к поединку?"

- Еще нет. Ходит заносчиво, то и дело впадает в ярость, - ответил Цзи Син-цзы.

Прошло еще десять дней, и государь снова задал тот же вопрос.

- Пока нет, - ответил Цзи Син-цзы. - Он все еще бросается на каждую тень и на каждый звук.

Минуло еще десять дней, и царь вновь спросил о том же.

- Пока нет. Смотрит гневно и силу норовит показать.

Спустя десять дней государь опять спросил о том же.

- Почти готов, - ответил на этот раз Цзи Син-цзы. - Даже если

рядом закричит другой петух, он не беспокоится. Посмотришь издали - словно из дерева вырезан. Жизненная сила в нем достигла завершенности. Другие петухи не посмеют принять его вызов: едва завидят его, как тут же повернутся и убегут прочь 24.

Хуэй Ан пришел к сунскому царю Кану. Царь Кан топнул ногой, кашлянул и сказал грозно:

- Мне по душе лишь отвага и сила, я не люблю тех, кто болтает о человечности и долге. Чему можешь ты научить меня?

- Положим, ваш слуга знает способ сделать так, чтобы любой, сколь бы храбр и силен он ни был, не смог бы ударить и сразить вас, ваше величество. Хочется ли вам узнать этот способ?

- Прекрасно! Вот что я хочу знать!

- Но даже если вас не могут сразить, все же для вас сие унижительно.

Положим, я знаю способ сделать так, что никто в мире, как бы храбр и силен он ни был, даже и помыслить не смел о том, чтобы ударить вас. Положим, я знаю способ устроить так, что никто в мире и думать не будет о том, чтобы причинить вам зло. Положим, я знаю способ заставить каждого человека, мужчину или женщину, любить вас и всячески вам помогать. Все эти три способа лучше отваги и силы. Не соблаговолите ли узнать, что они такое?

- Поистине, вот что хотелось бы мне, единственному, знать!

- Как раз этому учат Конфуций и Мо Ди. Конфуций в Мо Ди стали государями, не имея царства, и управляли, не имея подданных. Все люди в мире, мужчины и женщины, стояли на цыпочках и смотрели в их сторону, вытягивая шеи, желая угодить им и уберечь от невзгод. Вы, ваше величество, владеете десятью тысячами колесниц. Если вы захотите быть таким, как эти мужи, то все люди, живущие в границах вашего царства, будут благоденствовать. Тогда вы намного превзойдете Конфуция и Мо Ди.

Царь Кан не нашелся что ответить, Хуэй Ан же не мешкая ушел.

Царь сказал людям своей свиты:

- Как ловко говорил этот гость! Мне, единственному, и возразить нечего!

Глава III ЦАРЬ МУ 25

Во времена чжоуского царя Му из страны на далеком Западе пришел кудесник, который мог проходить сквозь огонь и воду, входить в камень и металл, переворачивать горы, поворачивать реки вспять, поднимать в воздух целые города, летать в пустоте и не падать и беспрепятственно проходить через всякие твердые предметы. Не было конца всяким чудесным явлениям, которые он мог вызывать. Но он умел творить превращения не только вещей, но и в мыслях людей. Царь Му чтил его, как божество, и прислуживал ему, как господину. Он отвел ему покои в царском дворце, посылал ему мясо жертвенных животных и лучших танцовщиц, чтобы развлечь его. Но кудесник счел царские палаты слишком убогими, чтобы жить в них, блюда с царской кухни слишком грубыми, чтобы есть их, а царских танцовщиц слишком уродливыми, чтобы развлекаться с ними. Тогда царь Му построил для

него новый дворец, призвав для его строительства лучших мастеров по глине и дереву и лучших знатоков лаков и белил. К тому времени, когда башня была закончена, царская казна совсем опустела. Эта башня высотой в семь тысяч саженей возвышалась над горой Чжуннань, и ее называли "Башней, пронзающей небеса". Царь поселил в ней прекраснейших девушек из областей Чжэн и Вэй и повелел умаслить их волосы изысканными благовониями, вытянуть их густые брови, украсить их шпильками и серьгами, одеть их в тончайший холст, отороченный блестящим шелком из Ци, напудрить их лица и подчеркнуть брови, украсить нефритовыми подвесками и обрызгать их настоем из душистых трав. Он велел им исполнить мелодии "Принимаем облака", "Шесть драгоценных яшм", "Танец Девяти поклонов" и "Утренняя роса", чтобы развеселить кудесника, и поднес ему самые дорогие кушанья. Каждый месяц он подносил кудеснику драгоценные одежды, каждое утро - изысканнейшие яства. Кудесник был по-прежнему недоволен, но все же согласился жить в башне за неимением лучшего.

Спустя некоторое время он пригласил царя на прогулку. Схватившись за его рукав, царь взлетел с ним на самую вершину неба и попал в его дворец. Этот дворец был построен из золота и серебра, усыпан жемчугом и нефритом. Стоял он выше облаков и дождей, и нельзя было понять, на чем он держался. Издали он казался пышным облаком. Все, что видел там глаз и слышало ухо, обоняли ноздри и пробовал язык, было неведомо земному жителю. Тут царь и вправду уверовал в то, что сподобился услышать "совершенную музыку средоточия Небес" в Чистом Граде Пурпурной Звезды 26, где обитает Небесный владыка. Когда же он посмотрел вниз, то его собственные дворцы и террасы показались ему комьями грязи и кучами хвороста.

Царь Му прожил на Небесах, как ему казалось, двадцать или тридцать лет и ни разу не вспомнил о своем земном царстве. Тут кудесник снова пригласил его на прогулку, и они пришли в такое место, где вверху они не видели солнца и луны, а внизу не видели рек и морей. От яркого света и черных теней у царя рябило в глазах, и он не мог ничего видеть; звуки расплывались в многоголосом эхе, и царь не мог ничего слышать. Все органы его тела и все чувства в нем перемешались, мысли неслись куда-то без удержу, разум померк. Тут он стал просить кудесника вернуться обратно. Кудесник толкнул его, и он полетел куда-то в пустоту.

Очнулся он в своем дворце, а его слуги стояли рядом в ожидании приказаний. Он посмотрел вокруг: вино в чарке еще не остыло, мясо на столе еще не высохло. Когда царь спросил слуг, где он был, те ответили: "Вы только сидели на месте, поглощенный чем-то".

С тех пор царь Му был сам не свой и оправился лишь спустя три месяца. Он опять спросил кудесника о том, что произошло с ним, и тот ответил:

- Вы, ваше величество, были со мной, в странствиях духа. Для чего вам странствовать телом? Разве должно место, где вы побывали, отличаться у вашего собственного дворца? Должно ли место вашей прогулки отличаться от вашего собственного парка? Вы покойны, когда вокруг вас ничего не меняется, и волнуетесь, когда происходит нечто неожиданное и мимолетное. Но можно ли предугадать, насколько мир вокруг нас может измениться и стать

другим?

Царь был очень доволен. Он забросил государственные дела. Перестал видаться со своими советниками и танцовщицами и весь отдался мечтам о дальних странствиях. Он велел запрячь восемь лучших лошадей в две колесницы - по четыре на каждую. В царскую колесницу в середину впрягли Цветущую Рыжую и Зеленое Ухо, а по краям - Рыжую Быстроногую и Белое Подношение. Колесничим был Цзао-фу, а его помощником - Тайбин. Во вторую колесницу в середину впрягли Высокую Буланую и Рвущуюся Вперед, а пристяжными - Резвую Вороную и Дитя Гор. Колесничим был Бо Яо, а его помощником - Бэнь Жун.

Они промчались тысячу ли и прибыли в земли племени Цзюйсоу. Жители той страны поднесли царю Му кровь белого лебедя для питья, молоко коровы и кобылицы для мытья ног. То же они сделали и для колесничих и их помощников. Потом они отправились дальше и остановились на ночлег у подножия горы Куньлунь, к северу от Красной Реки. На следующий день они взобрались на гору Куньлунь, чтобы посмотреть на дворец Желтого Владыки, и насыпали холм, чтобы оставить память грядущим поколениям.

Затем он пришел погостить к Матери-Царице Запада 27 и пировал с ней над Озером Белой Яшмы. Мать-Царица Запада пела царю, а он пел ей, но слова его песни были печальны. Видя, как солнце, проделав свой дневной путь в десять тысяч ли, заходит за западную гору Янь, он сказал со вздохом:

- Увы! Я, будучи царем, презрел благочестие ради удовольствий. Разве не осудят меня за это грядущие поколения?

Как можно назвать царя Му божественным человеком! Он смог сполна насладиться своей жизнью, но все же он умер, не дожив и до ста лет. Люди полагали, что он "вознесся на небеса".

Лао Чэн-цзы учился волшебству у учителя Инь Вэня, который за три года не сказал ему ни слова. Лао Чэн-цзы пришел к учителю с извинениями и стал просить у него разрешения отбыть домой.

Учитель Инь Вэнь пригласил его в свой дом, запер двери и заговорил с ним:

- Когда-то Лао-цзы, отправляясь на Запад, обернулся и сказал мне: "Все, хранящее в себе силу жизни, все, имеющее облик, - это призрак. Все, что произведено на свет превращениями и получает свой образ от сил Инь и Ян, рождается и умирает. А изменять формы вещей благодаря знанию чисел и перемен зовется превращениями призраков". Искусство творца вещей измерить невозможно, достижения его глубоки, так что трудно постичь его работу и угадать, чем завершится она. Искусство волшебника, изменяющего облик вещей, легко увидеть, но достижения его поверхностны, а потому работа его заканчивается, едва начавшись. Только когда ты поймешь, что достижения волшебства не отличаются от череды рождений и смертей, я смогу бы обучать тебя своему искусству. И ты, и я - только призраки. Чему же тут учиться?

Лао Чэн-цзы вернулся домой и стал размышлять над словами учителя Инь Вэня. Проведя в размышлениях три месяца, он уже мог по своей воле появляться и исчезать, менять местами времена года, вызывать грозу зимой, творить лед летом, летающее делать

ползающим, а ползающее - летающим. Но он за всю жизнь никому не раскрыл секрета своего искусства, и последующие поколения так и не смогли перенять его.

Ле-цзы сказал:

- Мудрецы, умевшие поддерживать порядок в Поднебесном мире, применяли свое учение тайно, внешние же их деяния не отличались от деяний других людей. Доблести Пяти Владык и достижения Трех Царей не были необходимы вследствие их необыкновенной мудрости и мужества. Порой они достигали цели благодаря своему благотворному влиянию - кто может измерить его?

Существует восемь доказательств того, бодрствуем ли мы, и шесть способов подтвердить, не спим ли мы. Каковы эти восемь доказательств? Первое - событие, второе - действие, третье - приобретение, четвертое - потеря, пятое - печаль, шестое - радость, седьмое - рождение, восьмое - смерть. Эти восемь предъясняются нам, когда наше тело входит в соприкосновение с чем-либо. Что же такое шесть подтверждений? Первое - обычный сон, второе - тревожный сон, третье - сон, вызванный мыслями, четвертое - сон, вызванный памятью, пятое - радостный сон, шестое - страшный сон. "Эти шесть выявляются, когда дух входит в соприкосновение с чем-либо. Те, кто не понимают, отчего происходят их чувства, не догадываются о причинах событий в их жизни. А те, кто понимают, знают причины всех событий. А кто знает причины событий, никогда не будет в недоумении.

Жизненная сила в нашем теле, растекаясь или скапливаясь, возрастая или ослабевая, всегда связана с Небом и Землей и откликается различным родам вещей. Когда в вас сильно начало Инь, то вам снится, что вы плывете в пучине вод. Когда усиливается начало Ян, вам снится, что вы идете через большой огонь. Когда Инь и Ян равно сильны, вам снится, что вы убиваете или спасаете жизнь. Если днем переест, то ночью увидишь во сне, что даришь кому-то подарки, а если днем голодать, то ночью приснится, что подарки подносят тебе. Если страдать от головокружения, то во сне увидишь, что паришь в воздухе. Если на душе тяжело, тогда тебе приснится, что ты тонешь в воде. Когда во сне нечаянно ляжешь на свой пояс, то приснится змея. А если во сне тебя клюнет птица, приснится полет. Когда станет темно, снится огонь. Когда хвораешь, снится еда. После пирушки одолевает печаль, после пения и танцев - плачешь.

Ле-цзы сказал:

- Воспринятое духом - это то, что случается во сне. Воспринятое телом - это то, что происходит наяву. Поэтому то, о чем мы думаем днем, ночью мы видим во сне: так встречаются тело и дух. Вот почему, когда дух сосредоточен, мысли и сновидения сами собой рассеиваются. Скоротечные превращения всего сущего не могут объяснить те, кто доверяются только пережитому наяву, и их не могут понять те, кто доверяют только увиденному во сне. Нет, не напрасно было сказано, что настоящие люди древности забывали о себе наяву и не видели снов, когда спали!

На самом юге западного предела Земли есть страна, и где

пролегают ее границы - неведомо. Зовется она Гуман. Силы Инь и Ян там не соединяются, поэтому там нет различия между холодом и жарой. Там не светят ни солнце, ни луна, и поэтому там нет различия между ночью и днем. Люди там не едят пищи и не носят одежды, но все время спят, просыпаясь лишь раз в пятьдесят дней. Они считают действительным то, что видят во сне, и не верят тому, что видят наяву.

Страна, отстоящая на равные расстояния от всех четырех морей, зовется Срединным царством. Она простирается на юг и север от Желтой Реки и на восток и запад от горы Тайшань более чем на десять тысяч ли. Силы Инь и Ян пребывают в ней в согласии, поэтому жара и холод равномерно сменяют друг друга. Тьма и свет в ней разделяются поровну, поэтому дни и ночи сменяют друг друга. Среди ее жителей есть и умные, и глупые. Все существа Земли здесь живут и плодятся, и имеются в наличии все искусства и таланты. Чтобы надзирать за ними, есть правители и чиновники, чтобы поддерживать их в жизни, есть обычаи и законы. Слова и деяния их невозможно ни пересказать, ни сосчитать. Они спят и бодрствуют поровну, и они считают, что происходящее с ними наяву истинно, а происходящее во сне - неистинно.

На самом севере восточного предела Земли есть страна, которая зовется Фуло. Там всегда жарко из-за избытка света солнца и луны, там не произрастают лучшие злаки. Тамашние жители питаются кореньями и плодами и не умеют готовить пищу на огне. От природы они грубые и жестокие, сильные притесняют слабых. Они чтут лишь победителей и не признают справедливости. Они много бегают и редко отдыхают, всегда бодрствуют и никогда не спят.

Инь в царстве Чжоу управлял большим хозяйством. Его слуги, спешившие выполнить каждое его приказание, трудились от зари до зари. Был среди них старый, выбившийся из сил слуга, которому приходилось трудиться сверх меры. Утром он со стоном шел на работу, вечером, вконец утомившись, крепко засыпал. Погрузившись же в сон, он каждый раз видел себя правителем царства, вершащим дела государства, повелевающим народом. Он развлекался как хотел, проводя время в пирах и прогулках, глядя на празднества и представления. Его радости не было предела. Когда же он пробуждался, то снова видел себя жалким прислужником.

Когда кто-нибудь выражал ему сочувствие, видя, как он мучается, слуга отвечал:

- Жизнь человека длится сотню лет, и это время делится на дни и ночи. Днем я простой слуга и жизнь моя тяжела, зато по ночам я живу как царь. На что же мне жаловаться?

А владелец хозяйства Инь был вечно занят хлопотами. В заботах о дарованном предками наследстве он истощал силы тела и души. И каждую ночь, заснув, он видел себя во сне рабом, которого подгоняют, дают самую грязную работу, ругают и бьют. Он бредил и стонал во сне и лишь с приходом дня находил отдохновение. Опечаленный этим, Инь попросил совета у друга, и тот сказал ему:

- Имея столь высокий титул и такое богатое наследство, вы намного превосходите остальных. Когда вы видите себя во сне рабом, которого заставляют без отдыха трудиться, то это судьба воздаст

вам то, чего вы лишены. Разве можно иметь все сразу и во сне, и наяву?

Услышав совет друга, Инь перестал перегружать работой своих слуг и сократил свои хлопоты. С тех пор он почувствовал облегчение.

В царстве Чжэн жил человек, который однажды пошел в лес за хворостом и наткнулся на испуганного оленя. Он ударил оленя и убил его наповал. Опасаясь, что кто-нибудь это заметит, он спрятал оленя во рву и прикрыл его хворостом. Но от радости он даже забыл, где спрятал добычу, и решил, что все это случилось с ним во сне.

По дороге он сам себе рассказывал вслух про то, что с ним случилось. Слова его услышал некий прохожий, который пошел в указанное им место и обнаружил оленя. Когда этот прохожий пришел домой, он сказал жене:

- Какой-то дровосек во сне убил оленя, но забыл, где спрятал его, а я этого оленя нашел. Поистине тот человек видел вещий сон!

- А может, это тебе приснилось, что тот дровосек убил оленя? - возразила жена, - Откуда тут взяться дровосеку? Поскольку ты сам нашел оленя, то не лучше ли сказать, что это ты видел вещий сон?

- К чему разбираться, кому приснился этот сон? Главное, что я добыл оленя!

Дровосек тем временем вернулся домой, но никак не мог смириться с мыслью, что потерял убитого им оленя. В ту же ночь он увидел во сне и место, где он спрятал оленя, и человека, который забрал его. На следующее утро, руководствуясь своим сном, он разыскал того человека, а потом пошел к судье, требуя, чтобы ему возвратили оленя. Его отвели к главе судебного ведомства, который рассудил так:

- Если ты действительно поймал оленя, тогда ты напрасно называешь это сном. А если ты убил оленя во сне, то нельзя говорить, что это было в действительности. Тот человек на самом деле взял твоего оленя, однако ж оспаривает твое право владеть им. Его жена тоже говорит, что он во сне увидел чужого оленя, однако не желает признавать того, кто этого оленя убил. Я же могу сказать только, что в наличии имеется олень. Предлагаю вам разделить его между собою.

Об этом деле доложили правителю Чжэн, и тот сказал:

- Увы! Уж не собирается ли главный судья разделить оленя во сне?

Спросили мнение первого советника, и тот сказал:

- Я не способен понять, где тут сон, а где явь. Если вы хотите отделить в этой истории сон от яви, то вам придется позвать самого Желтого Владыку с Конфуцием. Но коль скоро ни Желтого Владыки, ни Конфуция уже нет в мире, кто же сможет разобраться в этом деле? А посему лучше согласиться с решением главного судьи.

В зрелом возрасте Хуа-цзы из Янли в царстве Сун лишился памяти. Получив подарок утром, он к вечеру забывал о нем; вручал подарок вечером, а утром уже не помнил о нем. На улице он забывал идти, дома забывал сесть. Сегодня он не помнил, что случилось с ним вчера, а на следующий день забывал, что было сегодня. Родные очень

переживали за него и пригласили гадателя, который погадал на панцире черепахи, но не дал ответа о судьбе Хуа-цзы. Тогда домашние пригласили колдуна, который прочел заклинания, но ничего не добился. Пригласили знатока ритуалов, который совершил торжественный обряд жертвоприношения, но и это не помогло. Пригласили доктора, но и тот оказался бессилён. Был там некий конфуцианский учёный из царства Лу, который утверждал, что сможет исцелить Хуа-цзы. Семья Хуа-цзы обещала ему в случае успеха отдать половину своего состояния. Конфуцианец сказал им:

- Этот недуг, конечно, нельзя разгадать по линиям на черепашьем панцире, или прогнать заклинаниями, или смягчить жертвоприношениями, или же исцелить снадобьями и иглами. Я попробую воздействовать на его сознание, изменить его мысли. Есть большая вероятность, что я его вылечу.

Тут конфуцианец раздел Хуа-цзы донага, и тот стал искать одежду; заставил Хуа-цзы голодать - и тот стал искать еду; завел его в темноту - и тот стал искать свет. Конфуцианец был очень доволен и сказал сыновьям Хуа-цзы:

- Болезнь можно вылечить. Но мое искусство передается тайно из поколения в поколение, открывать его посторонним запрещено. Я попрошу всех удалиться из комнаты больного, а сам останусь наедине с ним на семь дней.

Все повиновались, и никто не увидел, что делал тот конфуцианец. Однако же болезнь, державшаяся многие годы, отступила за одно утро.

Но, очнувшись, Хуа-цзы впал в ярость. Он порвал с женой, подверг наказанию сыновей и с копьем в руках прогнал конфуцианского учёного. Его схватили и стали допытываться, почему он так осерчал.

- Раньше, когда я ничего не помнил, я не чувствовал никаких стеснений, - ответил Хуа-цзы. - Я даже не ведал, существует ли небо или земля. А теперь я вдруг пришел в сознание, и сразу же мысли об утратах и приобретениях, радостях и печалях, любви и ненависти за двадцать или тридцать лет моей жизни опутали меня, словно клубок нитей. Неужто я не смогу больше хотя бы на миг забыть?

Услышав об этой истории, Цзы-Гун немало подивился и поведал о ней Конфуцию.

- Тебе этого не понять, - ответил Конфуций, повернулся к Янь Юаню и велел ему записать рассказанное Цзы-Гуном.

У главы семейства Пан в царстве Цинь был сын, который в детстве выделялся недюжинным умом, а возмужав, лишился рассудка: пение он принимал за плач, белое считал черным, благоухание - зловонием, сладость - горечью, а дурной поступок - добрым делом. О чем бы он ни думал, он все понимал наоборот, будь то небо или земля, четыре стороны света, вода или огонь, жара или холод. Некий человек по фамилии Ян посоветовал его отцу:

- Почему бы вам не обратиться за помощью к благородным мужам в царстве Лу 28? Среди них немало людей искусных и умелых. Возможно, они смогут вылечить вашего сына.

Отец безумного направился в Лу, но, проходя через Чэнь,

встретил Лао-цзы и рассказал ему о болезни сына.

- Откуда ты знаешь, что твой сын ненормальный? - спросил его Лао-цзы. - Ведь нынче все в Поднебесном мире заблуждается относительно того, что истинно, а что ложно, что полезно, а что вредно. Поскольку так много людей страдают этой болезнью, никто и не замечает, что все они больны. Безумия одного человека недостаточно для того, чтобы изменилась вся семья; безумия одной семьи недостаточно для того, чтобы изменилась вся деревня; безумия одной деревни недостаточно для того, чтобы изменилось все царство; безумия одного царства недостаточно для того, чтобы изменился весь мир. Но если целый мир обезумел, то как может безумие изменить его? Если бы все в мире были такие, как твой сын, то безумным считали бы не его, а тебя. Кто властен судить о радостях и печалях, звуках и цветах, запахах и вкусах, правде и неправде? Я даже не уверен, что мои слова не безумны, а уж речи благородных мужей из Лу - самые безумные в мире. Лучше тебе вернуться домой, чем тратить понапрасну деньги на лечение!

Однажды жил человек, который родился в Янь, а вырос в Чу 29. На старости лет решил он вернуться на родину.

Когда он проходил через царство Цзинь, его спутник решил подшутить над ним и, показав на стену цзиньской столицы, сказал: "Вот столица Янь". Тут янец принял торжественный вид.

Вошли они в город, и спутник яньца, указав на алтарь Земли, сказал: "Вот алтарь твоей общины". И янец растроганно вздохнул.

Потом спутник указал на какой-то дом и сказал: "Вот дом твоего отца". И у яньца из глаз брызнули слезы. А потом ему показали могилу и сказали: "Вот могила твоих родителей". И тут янец разрыдался.

Попутчик его не смог удержаться от смеха и сказал ему:

- Я просто дурачил тебя. Ведь мы - в столице Цзинь.

Янец чуть не сгорел от стыда. А когда он и в самом деле пришел в столицу Янь, увидел алтарь своей общины, отчий дом и могилы предков, то уже не был так взволнован.

Глава IV КОНФУЦИЙ 30

Конфуций жил в праздности 31. Цзы-Гун вошел к нему, чтобы прислуживать. Конфуций выглядел озабоченным. Цзы-Гун не посмел задать ему вопрос, вышел и сообщил о том, что видел, Янь Юаню.

Тут Янь Юань запел, подыгрывая себе на лютне. Конфуций услышал его пение и, как и надеялся Янь Юань, пригласил к себе.

- Чему ты радуешься в такое время? - спросил Конфуций.

- А почему учитель так озабочен?

- Прежде скажи мне о себе.

- Учитель, я слышал, как вы говорили: "Радуйтесь Небу, знайте свою судьбу, и вы не будете ведать печали". Вот я и радуюсь.

Конфуций изменился в лице, помолчал и сказал:

- Я говорил так? Ты плохо понял меня. Я сказал это только по случаю. А теперь я поправлю себя. Ты слышал только, что не ведаешь печали тот, кто радуется Небу и знает судьбу, но еще не слышал о

том, сколь велика печаль того, кто радуется Небу и знает судьбу. Я расскажу тебе об этом без утайки.

Совершенствоваться самому, не думая о том, прославишь ли ты себя своим подвигом или нет, и сознавая, что прошлое и будущее не зависят от твоих усилий, - вот что значит "не ведать печали, радуясь Небу и зная судьбу". Но прежде, когда я приводил в порядок "Песни" и "Предания", я хотел снова водворить благоденствие в Поднебесном мире и оставить его в наследство будущим поколениям. Я делал это не для того, чтобы совершенствовать себя или помочь только своему родному царству Лу. Однако же сановники Лу с каждым днем отбирали все больше власти у государя, нравы неуклонно портились, добрые чувства в людях все более ослабевали. Если мой Путь не проходит даже в одном царстве и при моей жизни, то что же говорить о всем мире и о грядущих временах? Так я впервые понял, что "Песни" и "Предания", ритуалы и музыка не помогают водворить благой порядок, однако не знал, чем можно их заменить. Вот о чем должен печалиться человек, который радуется Небу и знает судьбу.

И все же я понял, где истина. Эти "радость" и "знание" - не та радость и знание, о которых говорили древние. Радоваться без повода и знать без умысла - вот подлинная радость и подлинное знание. И тогда не будет ничего, что бы тебя не радовало, чего бы ты не знал, чего бы не свершил. К чему отбрасывать "Песни" и "Предания", ритуалы и музыку? Зачем искать что-то им на замену?

Янь Юань повернулся лицом к северу, поклонился и сказал:

- Я тоже это постиг.

Он вышел и рассказал Цзы-Гуну, и Цзы-Гун был очень изумлен.

Он вернулся к себе домой и семь дней подряд размышлял так усердно, что не мог ни спать, ни есть, и кости стали выпирать у него из кожи. Янь Юань еще раз пришел к нему с разъяснениями. Тогда Цзы-Гун вернулся к Конфуцию и до конца своей жизни не переставал играть на лютне и декламировать книги.

Вельможа из царства Чэнь, находясь с визитом в Лу, устроил доверительную встречу с Шусунем.

- В нашем царстве есть мудрец, - сказал Шусунь.

- Вы, вероятно, говорите о Конфуции? - спросил гость.

- Да, о нем.

- А откуда известно, что он мудрец?

- Я слышал от Янь Юаня, что Конфуций может отринуть разум и жить телом.

- В нашем царстве тоже есть мудрец, вы знаете об этом?

- О каком мудреце вы говорите?

- У нас есть ученик Лао-цзы, которого зовут Гуан Чэн-цзы. Он постиг Путь Лао-цзы и умеет смотреть ушами и слушать глазами.

Когда правитель Лу прослышал об этом мудреце, он очень удивился и послал знатного сановника с наказом привезти его со всеми почестями в Лу. В скором времени Гуан Чэн-цзы прибыл к его двору, и луский царь в самых вежливых выражениях стал расспрашивать гостя о его способностях.

- Вам доложили неверно, - ответил Гуан Чэн-цзы. - Я могу видеть и слышать, не пользуясь глазами и ушами, но я не могу изменить назначение глаз и ушей.

- Но это еще более удивительно. В чем же заключается ваш Путь? Мне не терпится услышать.

- Мое тело едино с моими мыслями, мои мысли едины с моей жизненной энергией, моя энергия едина с духом, а мой дух един с Небытием. Любое самое малое явление, любой самый слабый звук внятны мне независимо от того, случаются ли они за пределами Восьми пустынь или прямо под моим носом. Однако ж мне неведомо, воспринимаю ли я их своими органами чувств и конечностями, или я постигаю их сердцем и внутренними органами. Это знание возникает само собой - и только.

Правитель Лу был очень доволен. На следующий день он рассказал об этом Конфуцию, а тот улыбнулся и ничего не сказал.

Первый советник царства Сун навестил Конфуция и спросил его:

- Вы мудрец?

- Как я могу назвать себя мудрецом? Я просто человек, который много учился и имеет обширные познания.

- А были ли мудрецами Три Царя 32?

- Три Царя умели пользоваться знаниями и отвагой, а были ли они мудрецами - того я не ведаю.

- А были ли мудрецами Пятеро Владык?

- Пятеро Владык умели применять человечность и долг, а были ли они мудрецами - того я не ведаю.

- Тогда были ли мудрецами Трое Высочайших Властителей?

- Трое Высочайших Властителей умели пользоваться обстоятельствами времени, а были ли они мудрецами - того я не ведаю.

- Кого же, по-вашему, можно назвать мудрецом? - спросил в недоумении первый советник.

Конфуций изменился в лице и сказал:

- Среди людей в Западном крае есть настоящий мудрец. Он не управляет - а в мире нет беспорядка. Не говорит - а ему доверяют. Не воспитывает - а его слушаются беспрекословно. Он столь велик, что никто даже не может прославить его. Я догадываюсь, что он воистину мудр, но не знаю, прав ли я в своей догадке 33.

Тут первый советник подумал про себя: "Конфуций меня дурачит!"

Цзы-Ся спросил Конфуция:

- Что за человек Янь Юань?

- В человечности он превосходит меня.

- А что за человек Цзы-Гун?

- В красноречии он превосходит меня.

- А Цзы-Лу?

- В храбрости он превосходит меня.

- А Цзы-Чжан?

- У него манеры лучше, чем у меня.

Тут Цзы-Ся поднялся со своего сиденья и спросил:

- Но тогда почему эти четверо прислуживают вам?

- Сядь, я скажу тебе. Янь Юань может быть человечным, но не может укротить свою доброту, когда это необходимо. Цзы-Гун может быть красноречив, но не может придержать свой язык, когда это необходимо. Цзы-Лу может быть храбрым, но не умеет беречь себя. Цзы-Чжан может быть величав по виду, но не может держаться

дружески в компании. Даже если бы я мог приобрести достоинства всех четверых в обмен на мои собственные, я бы не сделал этого.

После того как Ле-цзы обучился у Ху-цзы и сдружился с Бохунем-Безвестным, он поселился в Южном Предместье. Множество людей, желавших стать его учениками, поселились поблизости. Число их росло с каждым днем, так что их и сосчитать не успевали. Однако Ле-цзы все полагал, что их недостаточно, и каждый день затевал с ними споры, выслушивая доводы каждого. Двадцать лет прожил он по соседству с Наньго-цзы, но они не ходили друг к другу в гости, а встречаясь на улице, делали вид, что не замечают друг друга. Ученики же думали, что между ними существует вражда.

Однажды какой-то пришелец из царства Чу спросил Ле-цзы: "Почему вы, уважаемый, и Наньго-цзы чуждаетесь друг друга?"

- У Наньго-цзы лицо полное, а вот ум пустой, - ответил Ле-цзы.
- Его глаза ничего не видят, его уши ничего не слышат, его рот ничего не говорит, его поза никогда не меняется. О чем мне с ним говорить? Однако ж я готов пойти вместе с вами поглядеть на него.

С ними пошли еще сорок учеников. Тут они увидели, что Наньго-цзы и вправду был страшен, как злой дух, и разговаривать с ним не доставляло удовольствия. Когда же они взглянули на Ле-цзы, то увидели, что душа его словно покинула тело, и говорить с ним тоже не было никакой возможности.

Внезапно Наньго-цзы показал на какого-то человека в самом конце свиты Ле-цзы и заговорил с ним так, словно перед ним стоял мудрейший и сильнейший муж. Все очень удивились этому и на обратном пути только о том и говорили. Но Ле-цзы сказал им:

- Тут нет ничего удивительного. Тот, кто постигает смысл, ничего не говорит; тот, кто обрел знание, тоже ничего не говорит. Но говорить посредством молчания - тоже значит говорить, знать посредством незнания - тоже значит знать. Не должно быть ни речи, ни молчания, ни знания, ни незнания. Однако же и это тоже речь, тоже знание. Тогда не будет ничего несказанного и ничего непознанного. И в этом не будет ни речи, ни знания. Только и всего. Чему же вы изумлялись?

Поначалу Ле-цзы любил путешествовать. Ху-цзы спросил его:

- Что же вам нравится в странствиях?

- Удовольствие от странствий в том, что ты все время видишь перед собой что-то новое, - ответил Ле-цзы. - Другие люди отправляются в путешествие, чтобы полюбоваться видами, а я путешествую для того, чтобы созерцать превращения вещей. Есть странствия и странствия, и нужно еще поискать того, кто сможет разъяснить различие между ними!

- Но разве вы путешествуете не так, как другие? Разве тут есть какое-то отличие? Все, что мы видим перед собой, непрерывно изменяется. Вы наслаждаетесь созерцанием перемен вокруг вас и не замечаете, что меняетесь сами. Вы увлекаетесь странствиями во внешнем мире и не знаете, что такое созерцание внутреннего. Во внешних странствиях мы ищем то, чего нам не хватает вовне, а посредством внутреннего созерцания мы постигаем изобилие внутри себя. Первое - это несовершенный способ путешествия, а второе -

совершенный.

С тех пор Ле-цзы больше никуда не выезжал со двора, решив, что он и понятия не имел о том, что такое настоящее путешествие. Ху-цзы сказал ему:

- Какое это совершенство - странствия! В совершенном странствии мы не знаем, куда направляемся; в совершенном созерцании мы не знаем, на что смотрим. Посетить все уголки мира без исключения, осмотреть все виды мира - вот что я называю совершенным путешествием. Вот почему я говорю: "Какое это совершенство - странствия!"

Лун Шу сказал врачевателю Вэнь Чжи:

- Ты постиг все тонкости своего искусства. Я нынче хвораю, можешь ли ты вылечить меня?

- Только прикажите, - ответил Вэнь Чжи. - Но позвольте спросить, каковы признаки вашей болезни?

- Я не считаю для себя почетом, если в округе меня хвалят, и не считаю позором для себя, если все люди в царстве осуждают меня. Я не радуюсь, если достигаю успеха, и не переживаю, если терплю неудачу. Я равнодушно взираю на жизнь и смерть, богатство и бедность, на людей и свиней, на себя и других. В родном доме живу как на постоялом дворе, на соседей смотрю как на дикарей из дальних стран. Меня нельзя прельстить чином или наградой, нельзя запугать наказанием и поборами, нельзя изменить благоденствием или смутой, выгодой или убытком, нельзя взволновать радостями или печалью. Из-за этого я не могу служить государю, ладить с родственниками и друзьями, наставлять жену и детей, повелевать слугами. Что это за болезнь? Какое средство поможет исцелиться от нее?

Тут Вэнь Чжи попросил Лун Шу встать спиной к свету, а сам отошел назад и издали осмотрел Лун Шу. Потом он сказал:

- Н-да, я вижу ваше сердце. Его пространство величиною с вершок совершенно пусто - вы почти мудрец! Шесть отверстий в вашем сердце соединены друг с другом, седьмое же закупорено. Не потому ли вы думаете, что быть мудрецом - это болезнь? Мое несовершенное искусство бессильно помочь вам.

Ни от чего не происходит и существует вечно - таков Путь. Что живет в жизни и не погибает, даже окончившись, - это постоянство. Принять смерть из-за жизни - это несчастье. Иметь причину существования и постоянно умирать - это тоже Путь. Умереть, когда приходит смерть, и, следовательно, окончить свое существование даже прежде срока - это тоже постоянство. Обрести жизнь из-за смерти - это счастье. Поэтому жизнь, которая ничему не служит, тоже зовется Путем. А обрести конец, пользуясь Путем, тоже зовется постоянством. Бывает, что Путем зовется извлечение пользы из смерти, а постоянством - обретение смерти благодаря Пути. Только заурядные люди поют от радости, когда кто-то рождается, и рыдают, когда кто-то умирает.

Глаз вот-вот ослепнет, если он может разглядеть даже кончик волоска.

Ухо вот-вот оглохнет, если оно может расслышать даже полет комара.

Язык вот-вот перестанет ощущать вкус, если он может отличить воду из реки Цзы от воды из реки Шэн.

Нос вот-вот утратит обоняние, если он может отличить запах гари от запаха гнили.

Ноги вот-вот отнимутся, если человек бежит быстро.

Разум вот-вот помутится, если он ясно отличает истину от лжи.

А все дело в том, что вещи не перейдут в свою противоположность, если не достигнут предела.

В царстве Чжэн было много достойных мужей в Пуцзэ и много искусных мужей в Восточном квартале. Когда Байфэн, один из учеников Ле-цзы в Пуцзэ, шел по Восточному кварталу, ему повстречался Дэн Си. Дэн Си оглядел шедших за ним учеников и сказал:

- Что вы скажете, если я заставлю людей, идущих нам навстречу, поплясать для нас?

- Мы хорошенько повеселимся, - ответили ученики. Тогда Дэн Си сказал Байфэну: "Знаете ли вы разницу между тем, кого кормят, как отца, и тем, кого кормят, как пса? Такие существа, как собака или свинья, не могут прокормиться сами, поэтому люди держат их при себе и используют их для своих нужд. Если люди, подобные вам, хорошо одеваются и вкусно едят, то это заслуга властей предрежащих. Вот вы, сгрудившиеся в кучу, молодые и старые, возле кухни, - чем отличаетесь вы от собак и свиней?"

Байфэн не ответил, но один из его учеников выступил вперед и сказал:

- Не слышали ли вы о том, как много умельцев в Ци и Лу? Некоторые из них искусны в обработке глины и дерева, другие искусны в литье металла и выделке кож. Одни умеют командовать войском, другие - приносить жертвы на алтарь предков. Всякие таланты имеются в избытке. Но они не могут отдавать друг другу приказы и друг друга поучать. Те, кто назначают их на должности, не имеют их знаний, те, кто повелевают ими, не имеют их способностей, однако же благодаря им знания и способности находят достойное применение. А мы как раз и даем советы властям предрежащим. Чем же вам гордиться?

Дэн Си не нашел что сказать и, бросив взгляд на своих учеников, быстро удалился.

Правитель удела Гуньи прославился среди знатных мужей своей силой. Правитель Танци доложил о нем чжоускому царю Сюаню, и тот пригласил его ко двору со всеми почестями. Когда правитель Гуньи прибыл, царь оглядел его и нашел, что он слишком хрупок. В сердце его закрались сомнения, и он спросил:

- Какова твоя сила?

- Силы вашего слуги хватит на то, чтобы сломать лапку весеннего кузнечика и перебить крылышко осенней цикады.

- У моих силачей, - сказал разгневанно царь, - достаточно силы, чтобы разорвать носорога или тащить за хвост сразу девять буйволов! И все же они мне кажутся слабыми. Как же ты смог

прославиться своей силой в целом мире?

- Вы, ваше величество, задали прекрасный вопрос. Я вам расскажу все по порядку. Ваш слуга учился у Шанцю-цзы, с которым не мог сравниться ни один силач в целом мире. Однако его собственные родители ничего не знали об этом, ибо он никогда не показывал свою силу. Я служил ему, не жалея жизни, и он поведал мне:

Все хотят узреть невиданное;

Смотри на то, на что другие не глядят.

Все хотят овладеть недоступным;

Умей делать то, чего другие не умеют.

А посему тот, кто хочет развивать свое зрение, начинает с того, что смотрит на повозку с хвостом. Тот, кто хочет развивать свой слух, начинает с то/о, что слушает колокольный звон. То, что не составляет трудности внутри, будет нетрудным и снаружи. Сильный человек не встречает трудностей вовне себя, поэтому о нем знают только в его собственной семье.

Если мое имя получило известность среди правителей уделов, то лишь потому, что я не послушался учителя и показал свою силу. Однако ж прославился я не потому, что горжусь своей силой, а потому, что умею при менять ее. Разве это не лучше, чем гордиться своей силой?

Царевич Моу с горы Чжуншань был самым талантливым из сыновей вэйского государя. Он не интересовался государственными делами, зато любил разговаривать с учеными людьми и больше всех любил философа Гунсунь Луна из царства Чжао. Люди, подобные Юэчжэн Цзыюю, смеялись над ним, и однажды царевич Моу спросил Цзыюя:

- Почему ты смеешься над моей любовью к Гунсунь Луну?

- Гунсунь Лун из тех людей, которые в учении не имеют наставника, а в жизни не имеют друга, - ответил Цзыюй. - Говорит он красиво, да глубины в его словах нет, ни к одной школе не примыкает, любит все странное и сочиняет нелепости, стараясь запутать людей и победить в споре. Ему под стать такие, как Хань Тан.

- Зачем говорить так несправедливо о Гунсунь Луне? - возразил сердито царевич Моу. - Где доказательства твоей правоты?

- Я смеюсь над тем, как Гунсунь Лун обхитрил Кун Чуаня. Он сказал, что у хорошего стрелка острие последующей стрелы попадает в оперение предыдущей, одна стрела другую настигает и направляет в полете. И когда первая стрела достигает цели, вторая вонзается ей в оперение, а за нею следующая, так что со стороны кажется, будто лучник выпустил одну стрелу. Кун Чуань очень тому удивился, а Гунсунь Лун добавил, что так бывает еще не у самого лучшего стрелка. Вот Хун Чао, ученик Пэн Мэна, однажды рассердился на жену и решил поугадать ее. Он взял большой лук, который зовут Вороньим Ключом, вставил в него стрелу из циского бамбука с вэйским оперением и выстрелил ей прямо в глаз. Стрела коснулась ее глаза так мягко, что жена даже моргнуть не успела и упала на землю, не подняв пыли. Позвольте спросить, станет ли умный человек говорить такое?

- Слова мудрого, конечно, недоступны пониманию глупцов. Если острие последующей стрелы касается оперения предыдущей, то

происходит так потому, что стрелок каждый раз спускает стрелу совершенно одинаково 34. А если стрела касается глаза и тот даже не моргает, то это потому, что сила стрелы была исчерпана.

- Ты - ученик Гунсунь Луна и не можешь не приукрашивать его недостатки. Я расскажу тебе о самом постыдном случае. Вот что сказал Гунсунь Лун, когда захотел посмеяться над правителем Вэй:

Когда есть мысли, нет разума.

Если на что-то указываешь - значит, это не существует.

Стараясь что-то понять, делаешь это непонятным.

Тень летящей птицы не движется.

Волос выдержит натяжение в тысячу пудов.

Белая лошадь - не лошадь.

У теленка-сироты никогда не было матери 35.

Невозможно и перечислить все примеры его издевательств над разумными понятиями и здравым смыслом.

- Но ты считаешь эти высказывания неразумными только потому, что сам их не понимаешь. На самом деле ты сам ведешь себя неразумно. Слушай же:

Если нет мыслей, то разум в единстве.

Когда ни на что не указываешь, все существует.

Что исчерпает вещи, существует вечно.

"Тень летящей птицы не движется": объяснение в том, что она замещается.

"Волос выдержит натяжение в тысячу пудов" - когда силы сжатия и растяжения уравниваются друг друга.

"Белая лошадь - не лошадь" - ибо имя существует отдельно от формы.

"У теленка-сироты никогда не было матери" - потому что, когда у него была мать, он не был сиротой.

- Ты думаешь, что все изрекаемое устами Гунсунь Луна - сладчайшая песнь? Ты пойдешь за ним, даже если он будет исторгать звуки через другое отверстие?

Царевич Моу замолчал надолго, а потом собрался уходить, сказав:

- Дозволь через несколько дней еще раз прийти и побеседовать с тобой.

Яо правил Поднебесной пятьдесят лет и не знал, порядок в ней или беспорядок, поддерживает его народ или не поддерживает. Он спросил об этом людей из свиты - и те тоже не знали, спросил гостей, приехавших ко двору, - и те тоже не знали, спросил людей на полях - и те тоже не смогли ответить. Тогда Яо пошел бродить переодетым по дорогам и услышал, как мальчик пел песенку:

Поставили нас, чтобы вскармливать народ

И каждый предела достиг.

Ничего не ведая, ничего не помня,

Следуем правилам царственных предков.

Яо, обрадовавшись, спросил его:

- Кто научил тебя так петь?

- Я слышал эту песню от знатных мужей.

Тогда Яо спросил об этой песенке своих сановников, но те знали только, что она пришла из глубокой древности. Яо вернулся в свой дворец, призвал Шуня и отрекся от престола. Шунь не стал из

вежливости отказываться и принял отречение.

Гуань Инь-цзы сказал:

Если в себе не имеешь, где пребывать,
Все вещи откроются тебе.
Будь текуч, как вода.
Будь покоен, как зеркало.
Откликайся, словно эхо 36.

Поэтому Путь подобен всем вещам. Вещи могут идти против Пути, но Путь не может идти против вещей. Тот, кто умеет жить в согласии с Путем, не смотрит глазами, не слушает ушами, не думает умом. А тот, кто хочет постичь Путь посредством зрения и слуха, чувств и знания, не достигнет желаемого.

Всматривайся в него впереди -
И он окажется позади.
Пользуйся им - и он заполнит весь мир;
Пренебрегай им - и никогда не отыщешь его.

Никакая мысль не может сделать Путь несуществующим, и никакое отсутствие мысли не может сделать Путь существующим. Постигнет его лишь тот, кто познает его в безмолвии и даст ему созреть естественно.

Знать, не питая страсти, и свершать, ничего не делая, - вот истинное знание и истинное деяние. Отбрось невежество - и как сможешь ты питать страсть? Отбрось суетность - и как сможешь ты погрязнуть в делах? А быть подобным кому грязи или куче пыли - не есть естественность, даже если ничего не делать.

Глава V

ВОПРОСЫ ТАНА 37

Иньский Тан спросил Цзи из рода Ся:

- Всегда ли существовали вещи?
- Если когда-то не было вещей, откуда взяться вещам сейчас?

Согласитесь ли вы, если люди будущих поколений скажут, что в наше время не было вещей?

- В таком случае есть ли у вещей "прежде" и "потом"?
- Конец и начало всех вещей

Не имеют одной точки отсчета.

Конец одного - это начало другого.

Откуда нам знать, что было прежде всего?

Но о том, что пребывает вне вещей и что случилось прежде всех событий, я не ведаю.

- В таком случае есть ли конец восьми сторонам вселенной, зениту и надиру?

- Этого я не ведаю.

Но Тан настойчиво повторял свой вопрос, и Цзи продолжил:

- Что отсутствует - то беспредельно, а что присутствует - имеет предел. Откуда это известно?..38 Однако же нет ничего бесконечного за пределами того, что бесконечно, и ничего неисчерпаемого в том, что неисчерпаемо 39. Нет границы, но нет и безграничного. Нельзя ничего исчерпать, но и нет ничего неисчерпаемого. Вот почему мы знаем, что есть безграничное и неисчерпаемое, но не знаем, могут

ли они быть ограничены и исчерпаны.

- Что же находится за пределами четырех морей?

- То же, что и в Срединном царстве.

- А как это доказать?

- Я ездил на восток до области Ин: люди там были такие же, как здесь. Когда я спросил, что находится на восток от Ин, то оказалось, что там было то же, что и в Ин. Я ездил на запад до области Бинь: люди там были такие же, как здесь. И когда я спросил, что находится на запад от Бинь, то узнал, что там было то же, что и в Бинь. Вот откуда можно заключить, что четыре моря, четыре предела света и четыре края земли ничем не отличаются от того, что есть здесь. А посему все содержит в себе нечто меньшее, а само помещается в чем-то большем, которое не имеет ни конца, ни предела. Небо и Земля содержат в себе все сущее и сами содержатся в чем-то, что вмещает в себя и тьму вещей, и Небо с Землею, а потому не имеет ни конца, ни предела. Да и как я могу знать, нет ли за пределами Неба и Земли еще больших Небес и Земли? Вот чего я тоже не ведаю.

Получается, что Небо и Земля - такие же вещи, как и то, что они содержат в себе. А каждая вещь по-своему несовершенна. Поэтому в старину Нюйва сплавляла камни пяти цветов, чтобы заделать провалы в небесах, и отрубила лапы у гигантской черепахи, чтобы подпереть края небес. Потом, когда Гунгун бился с царем Чжуаньсюем за власть в Поднебесной, он в ярости ударился о гору Щербатую и сломал Небесный столп, порвал небесную сеть. По этой причине небо накренилось на запад, и солнце, луна и звезды движутся в западном направлении. Земля же накренилась на восток, так что все реки текут в восточном направлении.

- Существуют ли вещи большие и малые, длинные и короткие, одинаковые и разные? - спросил опять Тан.

- К востоку от Бохая, на расстоянии в неведомо сколько тысяч ли, есть в Великом океане пропасть воистину бездонная. Зовется она "Входом в Пустоту". В нее стекаются все воды Восьми пределов света. Девяти областей и Небесной Реки 40. Внутри нее есть пять гор, названия которым Дайюй, Юаньцзяо, Фанху, Инчжоу и Пэнлай. Горы эти достигают в высоту тридцати тысяч ли и столько же насчитывают в окружности. Плато на их вершинах имеет в ширину девять тысяч ли. Расстояние между горами составляет тридцать тысяч ли, но они считаются близкими соседями. Башни и террасы там из яшмы и золота, звери и птицы - из белого шелка, там растут целые рощи деревьев из жемчуга и кораллов, цветы и плоды источают дивный аромат, и те, кто вкусят их, никогда не состарятся и не умрут. Живут там бессмертные мужи, которые днем и ночью летают в несчетном количестве с одной горы на другую. Однако же горы те не имеют основания, поэтому они поднимаются и опускаются вместе с волнами океана и ни единого мига не стоят спокойно. Бессмертные были этим весьма недовольны и пожаловались Верховному владыке. Владыка испугался, что они уйдут на Запад и он лишится обители мудрейших душ, поэтому он велел Юйцяну послать пятнадцать огромных черепах поддерживать горы на своих головах, заступая на эту службу в три смены, а каждая смена длится шестьдесят тысяч лет. С тех пор горы стояли неподвижно.

Однако же в царстве Драконьего Князя жил великан, который всего лишь за несколько шагов достиг этих пяти гор. Закинул удочку и на один крючок поймал сразу шесть черепах, взвалил их себе на спину и ушел. Там он обжег их панцири для того, чтобы гадать по ним. Тут две горы, Дайюй и Юаньцзяо, уплыли на север и затонули в великом океане, а с ними отнесло и несчетное множество небожителей. Бог очень рассердился и особым указом урезал территорию царства Драконьего Князя и укоротил рост его жителей. Но во времена Фуси и Шэньнуна люди в той стране все еще достигали в высоту нескольких сотен локтей.

В четырехстах тысячах ли к востоку от Срединного царства находится царство Цзяояо, где люди не бывают выше вершка с половиною. Далеко на севере живут люди, которые зовутся чжэн, и рост их не превышает девяти дюймов. К югу от царства Чу растет дерево минлин, для которого пятьсот лет - как одна весна, а еще пятьсот лет - как одна осень. В старину же водилось дерево чунь, для которого весна и осень жизни насчитывали по восемь тысяч лет. А вот в навозе растет гриб, который рождается утром и умирает вечером. Весною и летом есть комары, которые рождаются, когда идет дождь, и умирают, когда выглядывает солнце. К северу от Крайнего Севера есть океан, зовущийся Небесным Озером. В нем живет рыба, которую зовут Кунь, и в длину она достигает неведомо сколько ли. И есть птица, имя ей Пэн, чьи крылья - как тучи, нависшие в небе, а туловище - им соответствующее. Кто в мире знает про эти существа? Великий Юй видел их во время своих странствий, Бои знал о них и дал им имена, Ицзянь слышал про них и записал слышанное.

На берегах Великой Реки рождаются мелкие насекомые, зовут их "цзяомин". Они летают роем и гнездятся на ресницах у комаров, не соприкасаясь друг с другом. Прилетают на ночлег и улетают, а комар даже не чувствует этого. Ли Чжу и Цзы-Юй, протерев глаза и подняв брови, разглядывали их среди бела дня, но не могли их рассмотреть. Чи Юй и учитель музыки Куан, прочистив уши и склонив голову, слушали их по ночам, но не могли расслышать. Только Желтый Владыка и Жун Чэн-цзы, когда они жили на горе Кунтун, воздерживаясь от пищи три месяца, так что их сердца остыли, а тела высохли, смогли открыть свое духовное зрение и увидели их огромными, как вершины горы Суншань; они научились внимать токам жизненной энергии - и жужжанье послышалось им раскатами грома.

В царствах У и Чу растет огромное дерево, которое зовется помелон. Это вечнозеленое дерево, которое не увядает зимой; оно родит красные плоды, кислые на вкус, а кто съест их кожуру или выпьет их сок, излечится от удушья. В области Цичжоу его очень ценят, но когда его посадили в землях к северу от реки Хуай, оно превратилось в карликовый мандарин. Черный дрозд не перелетает через реку Цзи. Барсуки погибают, если их перевезти через реку Вэнь. Таково значение дыхания земли.

Хотя облик и характеры разных существ неодинаковы, природа их едина. Никто из них не может заменить другого, все с рождения обладают полнотой жизненных свойств, и каждый располагает всем, в чем нуждается. Как мы можем знать, велики они или малы, длинны или коротки, похожи или различны?

Две горы, Тайхан и Ванью, достигают семисот ли в окружности и вздымаются ввысь на десять тысяч сажен. Когда-то они стояли к северу от Цзичжоу и на юг от Хэяна. У подножия этих гор жил человек по прозвищу Простак с Северной Горы, и было ему уже девяносто лет. Очень было досадно Простаку всякий раз, когда он отправлялся по делам и возвращался домой, обходить большую гору на севере. Собрал он свою семью на совет и сказал:

- Давайте, не жалея сил, сроем эту преграду, чтобы было нам удобно уходить от юга Юйчжоу до южного берега реки Хань!

Все согласились, и только жена засомневалась:

- Тебе не под силу скрыть даже маленький холмик, а что говорить о Тайхан и Ванью! Да и куда ты денешь столько земли и камней?

- Будем сбрасывать их в залив Бохай, севернее Иньту.

И вот Простак вместе со всеми своими детьми и внуками отправился на работу, и стали они дробить камни, рыть землю и относить ее корзинами в море. Сын соседки, вдовы из рода Цзинчэн, у которого только что выпали молочные зубы, тоже прибежал им помогать.

Простак не возвращался домой до тех пор, пока на смену зиме не пришла летняя жара. Некий человек по прозвищу Умник с Излучины Реки стал смеяться над Простакон и отговаривать его:

- Глупец! Да разве можешь ты, одряхлевший от старости, уменьшить гору хотя бы на волосок? Разве ты справишься с такой массой земли и камней?

Простак с Северной Горы вздохнул и ответил:

- Где уж тебе, твердолобому, понять это! Ума у тебя даже меньше, чем у моего младшего внука. К чему мне горевать о том, что я сам не успею кончить работу? Когда я умру, мое дело продолжат сыновья и внуки, а потом у них тоже народятся дети, а те тоже будут иметь детей, и так без конца. Мои потомки будут жить здесь всегда, а гора не станет больше.

Умнику с Излучины Реки и возразить было нечего.

Дух горы - из тех, что носят на себе змей, - услышал речи Простака, испугался, что тот не отступится, и доложил обо всем Верховному Владыке. Растрогало Владыку усердие Простака, и приказал он двум сыновьям Куаэра перенести на спине горы: одну на восток от области Шао, другую - на юг от области Юн. И с той поры от юга Цзич-жоу до южного берега реки Хань уже не было преград.

Куафу, не соразмерив своих сил, захотел догнать солнце и гнался за ним до самой долины Юй 41. Тут его замучила жажда, и он отправился пить из Желтой Реки и реки Вэй. Однако жажду свою он не смог утолить и помчался на север пить из Великих Болот, но от жажды умер по дороге. Посох, брошенный им, впитал его кровь и плоть, и из него вырос Дэнский лес, и лес этот разросся на тысячи ли.

Великий Юй сказал:

- В пределах Шести полюсов и внутри Четырех морей все освещается солнцем и луной, меряется звездами и планетами, упорядочивается четырьмя временами года, а управляется звездой

Тайсуй 42. Все в мире рождается духовной силой, но каждая вещь имеет свою особую форму и свой срок бытия. Только мудрый может постичь их Путь.

Цзи из рода Ся сказал:

- Но есть и вещи, которые не нуждаются в духовной силе для того, чтобы родиться, не нуждаются в Инь и Ян, чтобы обрести форму, и не нуждаются в солнце и луне, чтобы проявить себя. Они умирают рано, не нуждаясь в палаче, и живут долго, не нуждаясь в присмотре. Они не нуждаются в злаках, чтобы питать себя, и не нуждаются в шелках, чтобы одеваться, не нуждаются в лодках и экипажах, чтобы передвигаться. Их Путь - быть самими по себе, и его не могут постичь даже мудрецы.

Когда Юй укрощал потоп, он заблудился и пришел по ошибке в страну на северном берегу Северного моря, неведомо сколько тысяч ли от Срединного царства. Звали ту страну Край Севера, а где были ее пределы - неведомо. В той стране не бывает ни ветра, ни дождя, ни инея, ни росы, там не рождаются птицы и звери, насекомые и рыбы, травы и деревья. Всюду простирается там голая равнина, окруженная со всех сторон горами, а в середине царства стоит гора, которую зовут Кувшин-гора, ибо по форме она похожа на сосуд для вина с узким горлышком. С этой горы, разделяясь на четыре ручья, стекают воды горного источника, которые орошают всю страну до последнего уголка.

Там климат мягкий и не бывает моровых болезней. Люди по природе добрые и радушные не ссорятся и не соперничают друг с другом, у них нежные сердца и мягкие кости, они не знают гордыни или зависти. Старые и малые у них равны, и нет у них ни правителей, ни подданных. Мужчины и женщины общаются свободно, без сватов и свадебных подарков. Живя у воды, они не имеют надобности пахать землю и сеять, ткать и носить одежды, ибо воздух там всегда теплый. Они живут по сто лет, никогда не болея и не умирая преждевременно. А потому люди размножаются там в изобилии, живя в счастье и веселье, не ведая дряхлости и старости, печалей и горя. По природе своей они любят музыку и, взявшись за руки, поют по очереди день напролет, не прерываясь. Когда же проголодаются и устанут, пьют из Божественного Источника, и силы их тотчас же восстанавливаются. А если выпьют слишком много, то пьянеют и лишь спустя десять дней приходят в себя. Стоит им искупаться в этом Божественном Источнике - и кожа их становится свежей и гладкой, и она источает благоухание целых десять дней.

Странствуя на Севере, чжоуский царь Му побывал в этом царстве и на три года забыл о возвращении. Когда же он вернулся в свой дворец, то все время тосковал об этой стране, а потому стал раздражительным и забывчивым, не ел мяса и не пил вина, не призывал к себе наложниц и пришел в себя лишь через несколько месяцев.

Гуань Чжун уговаривал циского царя Хуань-гуна во время путешествия в Ляокоу посетить и то царство. Он уже почти убедил царя, но тут вставил свое слово Си Пэн.

- Как можно слушаться почтенного Чжуна? - сказал Си Пэн. - Ведь вам придется оставить обширное и цветущее царство Ци, прекрасные

горы и реки, пышные рощи, благочестивые обряды и празднества, изящные одежды и головные уборы, прелестных наложниц и преданных советников! Скажите слово - и миллионы воинов предстанут перед вами. Махните рукой - и прочие царства падут к вашим ногам. Для чего вам мечтать о какой-то другой стране, уходить от алтарей предков и селиться среди варваров? Да почтенный Чжун совсем ума лишился!

И Хуань-гун раздумал ехать, а слова Си Пэна передал Гуань Чжуну.

- Си Пэну этого, конечно, не понять, - ответил Гуань Чжун. - Боюсь, нам никогда и не найти дорогу в ту страну. Но зачем так радеть о богатствах Ци? Зачем обращать внимание на слова Си Пэна?

Люди южных стран бреют головы и ходят нагими. Люди северных стран носят на голове повязки и одеваются в меха. Люди Срединных царств носят шапки и халаты. Все, что производится во всех Девяти областях землепашцами или торговцами, охотниками или рыболовами, все меха для зимы и холсты для лета, все лодки для воды и повозки для суши добыты без слов, в соответствии с естественными потребностями.

К востоку от царства Юэ лежит страна Чжэму. Когда там рождается первый ребенок, его тут же съедают, говоря, что это сделает плодотворной его мать. А когда умирает дед, они уносят на спине бабушку, говоря: "С женой духа нельзя жить в одном доме". К югу от Чу лежит страна Ицуй. Когда там умирает родитель или родственник, они будут считать, что не исполнили своего сыновнего долга, если не соберут много хвороста и не сожгут покойного. И когда дым от костра поднимается к небесам, они говорят, что дух покойного вознесся на Небо. Существуют государственные законы и народные обычаи, и удивляться их странности не следует.

Конфуций, странствуя на востоке, увидел двух мальчиков, которые о чем-то спорили, и спросил их, что было причиной их спора. Первый мальчик сказал:

- Я считаю, что солнце ближе к людям, когда встает из-за горизонта, и дальше всего, когда стоит над головой, а он считает, что солнце дальше, когда оно восходит, и ближе, когда висит над головой. Но ведь когда солнце встает, оно велико, как балдахин над колесницей, а когда оно стоит над головой, оно лишь с тарелку величиной.

Тут в разговор вмешался другой мальчик:

- Но ведь когда солнце только поднимается из-за горизонта, воздух холодный, а когда оно стоит над головой, от него так и пышет жаром. Разве не означает это, что оно ближе к нам днем, а не утром?

Конфуций не знал, как рассудить их спор, и мальчики посмеялись над ним: "Кто сказал, что вы многомудрый муж?"

Приведение к равновесию - высший закон Поднебесного мира, и он относится ко всему, что существует в нем. Что такое равновесие? Натяни волос и прилагай к нему силы сжатия и растяжения

равномерно. Сожми слишком сильно, растяни слишком слабо - и волос порвется. А если эти силы будут в равновесии, то ничто способное порваться не порвется 43. Люди сомневаются в этом, но были и такие, которые поняли эту истину.

Чжан Хэ смастерил удочку с леской из одной шелковой нити кокона, крючком из ости колоса, удилищем из цзинского бамбука, приманкой из разрезанного рисового зернышка и поймал рыбу величиной с целую повозку. Даже в стремнине глубиной в сотню сажень крючок не распрямлялся, удилище негнулось, а леска не рвалась. Услыхал об этом чуский царь, удивился и, призвав Чжан Хэ к себе, спросил, какая была тому причина.

- Ваш слуга слышал, как мой покойный отец рассказывал о том, как Пу Цзюй-цзы стрелял из лука привязанной стрелой. Лук был слабый, а привязанная стрела - тонкая. Стрелу он пускал с попутным ветром и поражал сразу пару черных журавлей, летевших по краю темной тучи, ибо собирал волю воедино и действовал плавно. Вот и я учился ловить рыбу, подражая ему, и за пять лет постиг это искусство. Когда я приближаюсь с удочкой к реке, в сердце у меня нет никаких посторонних мыслей, я думаю только о рыбе. Когда я закидываю удочку и погружаю в воду крючок, моя рука движется не слишком быстро и не слишком медленно, и ничто ей не мешает. Когда рыба видит приманку на моем крючке, эта приманка похожа на затонувшую пылинку или кусочек пены, а потому глотает ее без колебаний. Так я способен одолеть тяжелое легким, а силу - слабостью. Если ваше величество сможет таким же образом управлять царством, он смог бы одной рукой привести в движение целый мир. Разве это было бы трудно для вас?

- Замечательно! - воскликнул чуский царь.

Гун Ху из Лу и Ци Ин из Чжао заболели и попросили Бянь Цяо исцелить их. Бянь Цяо взялся их лечить, а когда они выздоровели, сказал:

- Вы страдали от недуга, который проник в вас извне, и этот недуг можно исцелить лекарствами и иглами. Но у вас есть еще недуги, которые родились вместе с вами и выросли вместе с вашим телом. Не хотите ли вы, чтобы я исцелил их тоже?

- Мы хотели бы сначала узнать, что это за недуги?

- Твои помыслы превосходят твою энергию, - сказал Бянь Цяо, обращаясь к Гун Ху. - Поэтому ты силен в составлении планов, но слаб в их выполнении. А у Ци Ина энергия превосходит помыслы, поэтому он редко думает заранее и часто страдает из-за своих необдуманных действий. Если я переставлю ваши сердца, то вы оба выиграете от того, что ваши умственные способности и жизненная энергия уравниваются.

Тут Бянь Цяо дал им выпить вина с дурманом, и они оба стали словно мертвыми на три дня. Он разрезал у каждого грудь, вытащил сердца, поменял их местами и приложил чудесное снадобье. Очнувшись, они почувствовали себя совсем как прежде и отправились по домам.

Но вышло так, что Гун Ху пришел в дом Ци Ина, а жена Ци Ина его не признала. Ци Ин же пришел в дом Гун Ху, и жена Ци Ина тоже его

не признала. Семьи стали судиться друг с другом и попросили Бянь Цяо рассудить их тяжбу. Бянь Цяо объяснил, как было дело, и тогда спор прекратился.

Когда Ху Ба играл на лютне, птицы пускались в пляс, а рыбы начинали резвиться в воде. Прослышав об этом, Вэнь из царства Чжэн бросил семью и пустился в странствия учеником при наставнике музыки Сяне. Три года он трогал струны, настраивая лютню, но ни разу не доиграл мелодию до конца.

- Тебе лучше вернуться домой, - сказал ему однажды наставник Сян.

Вэнь отложил в сторону лютню, вздохнул и ответил:

- Не то чтобы я не мог настроить струны или закончить мелодию. Я думаю не о струнах, и то, что я стараюсь исполнить, - не ноты. Если я не постигну это в моем сердце, то инструмент не откликнется моим чувствам. Вот почему я не смею исполнять музыку. Позвольте мне остаться с вами еще немного. Может быть, я смогу достичь большего.

В скором времени он снова увиделся с наставником Сяном.

- Как продвигается твое учение? - спросил наставник Сян.

- Я нашел то, что искал. Позвольте показать вам, - ответил Вэнь.

На дворе стояла весна, а он коснулся осенней ноты "шан" и вызвал полутон восьмой луны 44. Тут повеял прохладный ветерок, созрели злаки в полях и плоды на деревьях. Когда пришла осень, он коснулся весенней струны "цзяо", вызвав полутон второй луны, и вдруг подул теплый ветер, а травы и деревья расцвели. Летом он ударил по зимней струне "юй", вызвав полутон одиннадцатой луны, и вдруг похолодало, повалил снег, а реки и озера оделись льдом. Когда пришла зима, он ударил по летней ноте "чжэн", вызвав полутон пятой луны, и солнце стало жарко палить с небес, так что лед вокруг тотчас растаял. Заканчивая мелодию, он коснулся ноты "гун" вместе с четырьмя остальными. И тут поднялся благоприятный ветер, поплыли счастливые облака, выпала сладкая роса и забили свежие ключи.

Наставник Сян погладил рукой грудь, притопывая ногой, сказал:

- Как замечательно ты играешь! Даже наставник музыки Куан, исполняющий мелодию цинцзяо, и Цзоу Янь, играющий на свирели, не смогли бы ничего к этому добавить. Один взял бы свою лютню, другой - свирель, и оба последовали бы за тобой!

Сюэ Тань учился пению у Цинь Цина. Не постигнув искусства до конца, он решил, что ему больше нечему учиться, поэтому он пришел проститься с учителем перед отъездом домой. Цинь Цин не стал удерживать ученика, но, провожая его, запел на перекрестке дорог в предместье так трогательно, что вокруг затрепетали деревья и в небе застыли облака. Тут Сюэ Тань извинился за свой легкомысленный поступок и попросил разрешения остаться. Больше он и думать не смел о том, чтобы покинуть учителя.

А Цинь Цин повернулся к своему другу и сказал:

- Когда-то женщина по имени Э из царства Хань поехала на восток, и в Ци у нее кончилась провизия. Она въехала в столицу Ци

через Ворота Согласия и за угощение спела. Когда она ушла, звуки ее голоса еще три дня наполняли своды дома, и прохожие думали, что она все еще там.

Как-то она проезжала мимо постоянного двора, и хозяин оскорбил ее. Тут Хань Э протяжно запела печальную песнь, и все услышавшие ее, молодые и старые, стали скорбно глядеть друг на друга, по щекам их потекли слезы, и целых три дня они не могли есть. Они пошли за ней, привели ее обратно, и она опять долго пела им. Но на сей раз слушатели стали прыгать от радости и хлопать в ладоши, забыв, что прежде они печалились. А потом они щедро наградили ее. Вот почему жители квартала у Ворот Согласия еще и сейчас отличные плакальщики на похоронах, ибо они помнят пение женщины Э.

Боя хорошо играл на лютне, а Чжун Цзыци отлично умел слушать. Боя играл на лютне, воображая, что взбирается на высокую гору, а Чжун Цзыци говорил: "Прекрасно! Как высока гора Тайшань!"

Когда Боя представлял себе водный простор, Чжун Цзыци говорил: "Прекрасно! Как широки Желтая Река и Великая Река!"

И что бы ни приходило на ум Боя, Чжун Цзыци тут же постигал своим сердцем.

Боя гулял по северному склону горы Тайшань. Внезапно разразилась гроза, и он укрылся под скалой. Его охватила печаль, он взял в руки лютню и стал играть на ней. Сначала он сочинил мелодию нескончаемого дождя, потом - звучание горного обвала. И что бы он ни играл, Чжун Цзыци понимал его мысли. Потом Боя отложил свою лютню и сказал:

- О, как прекрасно ты слушаешь! Все, что ты чувствуешь, наполняет и мое сердце. Куда могут скрыться мои мысли?

Когда чжоуский царь Му совершал свой царский выезд в западные области, он миновал Куньлунь, но не достиг горы Янь. По дороге назад, не успев въехать в Срединное царство, он встретил некоего ремесленника по имени Яньши.

- Что ты умеешь? - спросил его царь.

- Пусть ваше величество приказывает. Однако ж ваш слуга уже сделал кое-что и надеется, что ваше величество соблаговолит взглянуть.

- Принеси это завтра, мы поглядим вместе, - велел царь.

На следующий день Яньши попросил аудиенции у царя. Тот велел впустить его и спросил:

- Кого это ты привел с собой?

- Ваш слуга сделал его сам, и он умеет делать разные вещи.

Царь Му с удивлением посмотрел на этот манекен: тот ходил, глядя то вниз, то вверх - точь-в-точь как человек. Когда мастер коснулся рукой его щеки, он красиво запел; стоило мастеру хлопнуть в ладоши - и он пустился в пляс. Он показал множество разных номеров - какие только желал царь. Царь же решил, что перед ним действительно человек, и смотрел на его представление вместе со своим ближайшим советником Шэнь Цзи и наложницами.

Под конец манекен подмигнул окружающим царя женщинам и поманил их к себе. Царь очень рассердился и хотел казнить Яньши на месте. А мастер, испугавшись, тут же разобрал манекен на части и показал

их царю. Этот манекен был сделан из кожи и кусков дерева, скрепленных клеем, покрытых лаком и раскрашенных в белый, черный, красный и синий цвета. Царь внимательно все осмотрел: внутри были печень, селезенка, сердце, легкие, почки, кишки, желудок, снаружи - мускулы, кости, сочленения, кожа, зубы, волосы - все искусственное, но совсем как настоящее. Когда же все эти части мастер соединил вновь, искусственный человек стал таким, как прежде. Царь попробовал вынуть из него сердце - и человек не смог говорить. Из манекена вынули печень - и он не смог видеть; из него вынули почки - и он не смог ходить. Царь остался очень доволен и, вздохнув, сказал:

- Значит, человек своим искусством может сделать то же, что и сам Творец вещей!

Он велел погрузить искусственного человека на повозку и взял его с собой.

Осадная лестница Гуншу Баня, достигавшая облаков, и летающий змей Мо Ди казались им высшим достижением человеческого искусства. Но когда их ученики Дунмэнь Цзя и Цинь Гули прослышали о мастерстве Яньши и рассказали о нем своим учителям, те до самой смерти больше не осмеливались хвастаться своими достижениями и всегда носили с собой отвес и циркуль.

В старину Гань Ин был непревзойденным стрелком из лука. Лишь натянет свой лук - и звери ложатся, а птицы падают наземь. У Гань Ина был в учениках Фэй Вэй, который своим искусством даже превзошел учителя. А у Фэй Вэя искусству стрельбы учился Цзи Чан. Фэй Вэй сказал ему:

- Ты должен научиться не моргать, прежде чем начнешь рассуждать об искусстве стрельбы.

Цзи Чан пошел домой, лег под ткацкий станок своей жены и стал глядеть, как снует челнок. Спустя два года он уже не моргал, даже если его кололи в глаз шилом.

Цзи Чан доложил Фэй Вэю о своем достижении, и тот сказал:

- Этого еще недостаточно. Тебе нужно еще научиться смотреть, а уж потом можно и стрелять. Научись видеть малое как большое, смутное - как ясное, а потом приходи.

Чан повесил у окна вошь на волосе яка и, повернувшись лицом к югу, стал на нее смотреть. Через десять дней вошь стала на его глазах увеличиваться в размерах, а через три года он уже видел ее огромной, как тележное колесо, остальные же предметы были для него величиной с холм или гору. Взял он лук, украшенный яньским рогом, вложил в него стрелу пэн, выстрелил и пронзил сердце вши, а волос даже не порвался.

Доложил он об этом Фэй Вэю, и тот ударил себя в грудь, топнул ногой и воскликнул:

- Теперь ты постиг искусство!

После того как Цзи Чан постиг искусство Фэй Вэя, он решил, что теперь лишь один человек в мире может соперничать с ним в мастерстве, и тогда он задумал убить Фэй Вэя. Они сошлись в чистом поле и стали друг в друга стрелять, но их стрелы сталкивались в воздухе и падали на землю, даже не поднимая пыли. Но тут у Фэй Вэя кончились все стрелы, а у Цзи Чана оставалась еще одна. Цзи Чан

пустил ее, но Фэй Вэй отразил ее колючкой с кустарника.

Тут оба мастера заплакали, отбросили луки, отвесили друг другу низкий поклон и попросили считать друг друга отцом и сыном. Каждый поранил себе руку и поклялся на собственной крови никому не передавать свое искусство.

Отца колесничего Цзао звали Тайдоу. Когда Цзао начал учиться у него искусству управления колесницей, он держался крайне учтиво, но в течение трех лет Тайдоу ничего не говорил ему. Он даже стал держаться с ним еще сдержаннее, но в конце концов дал ему такое наставление:

- В старинной песне говорится:

Сын хорошего лучника

должен начать с плетения корзин.

Сын хорошего кузнеца

должен начать с шитья одежд.

Сначала посмотри, как я бегаю. Сможешь бегать, как я, тогда сможешь держать в руке шесть пар вожжей, управлять шестеркой коней.

- Буду повиноваться любому вашему приказу.

Тут Тайдоу поставил ряд столбов, удаленных друг от друга ровно на столько, чтобы можно было прыгнуть с одного на другой, и стал бегать по ним туда и сюда и ни разу не оступился.

Цзао стал повторять за ним и через три дня овладел его искусством.

- Да ты у меня способный! - воскликнул Тайдоу. - Быстро все сообразил! Управлять колесницей - это то же самое. Когда ты бежал, ты откликался умом на то, что чувствовал в ногах. Если применить это к управлению колесницей, то это значит, что ты должен управлять вожжами там, где они соединяются с удилами, натягивай их и ослабляй их в зависимости от угла губ коней. Должная мера в движениях опознается умом, а осуществляется руками. Внутри постигаешь сердцем, вовне пребываешь в согласии с бегом коней. Так ты сумеешь бросать коней вперед или отводить их назад, словно по отвесу, делать повороты и описывать круг, словно по угломеру и циркулю. Тогда силы коней хватит на любой путь, как бы труден и далек он ни был, и ты воистину овладеешь искусством.

Если поводья будут двигаться в согласии с удилами, руки будут действовать в согласии с поводьями, а сердце будет в согласии с руками, тогда ты будешь видеть и без помощи глаз и гнать коней, не подхлестывая их кнутом. Храня безмятежность в сердце, блюдя правильную позу, не спутывая в своей руке шесть пар вожжей, ты сможешь направлять все двадцать четыре копыта своих коней туда, куда хочешь, водить их по кругу, бросать вперед или поворачивать вспять. Тогда твоя колесница проедет везде, где только поместится ее ось и может ступить копыто коня. И тебе будет удобно ездить всюду - даже по отвесным горам и глубоким ущельям, равнинам и топям. Вот все, чему я могу научить тебя. Запомни же сие!

Вэй Хэймао втайне ненавидел Цю Бинчжана и убил его. Сын убитого по имени Лайдань искал случая отомстить убийце. Лайдань был силен духом, но слаб телом. Рис он ел, пересчитывая зернышки, и даже

против ветра не мог ходить. Хотя гнев переполнял его, он не мог поднять оружие, чтобы отомстить за отца. Но он считал позором для себя прибегать к чужой помощи и поклялся убить Вэй Хэймао собственными руками. А Вэй Хэйлуань отличался свирепым нравом и необыкновенной силой, крепкими мускулами и костями, твердой кожей и плотью, каких не сыщешь среди людей. Он мог подставить шею под меч и принять на грудь летящую стрелу - и меч гнулся, стрела отскакивала, а на теле не оставалось даже царапины. Зная свою силу, он смотрел на Лайданя как на цыпленка.

Друг Лайданя Шэнь То сказал ему:

- Ты ненавидишь Вэй Хэймао, ведь он оскорбляет тебя так, что стерпеть невозможно. Как же ты собираешься поступить?

- Я хотел бы услышать твой совет, - ответил Лайдань.

- Я слышал, что дед Кун Чжоу из царства Вэй добыл драгоценные мечи иньского царя. Даже маленький мальчик, имея при себе один такой меч, способен дать отпор целому войску. Почему бы нам не попросить их?

И вот Лайдань отправился в Вэй и пришел к Кун Чжоу. Прежде чем высказать свою просьбу, он поприветствовал Кун Чжоу с вежливостью слуги и предложил ему в дар свою жену и детей.

- У меня есть три меча, - ответил Кун Чжоу. - Ты можешь взять любой, но ни один из них не может убить кого угодно. Позволь сначала рассказать о них. Первый зовется "хранящий Свет". Смотри на него - и не увидишь, взмахни им - и не поймешь, где он. Когда им рубишь врага, тот даже не замечает, как меч проходит сквозь него. Второй меч называется "принимающий Тень". Если всматриваться в него в час утренних сумерек, как раз перед рассветом, или повернувшись спиной к солнцу, можно разглядеть нечто, но понять, что это меч, - невозможно. Третий меч зовется "закаленный Ночью". Днем видна его тень, но не его блеск, ночью можно видеть его блеск, но не видно его формы. Коснувшись тела, он рассекает его с треском, но рана тут же затягивается; враг чувствует боль, но на лезвии не остается крови. Эти три сокровища хранились в нашей семье тринадцать поколений, и никто ни разу не воспользовался ими. Их держали в ларце, с которого даже печать не снята.

- И все же осмелюсь попросить у вас последний, - сказал Лайдань.

Тут Кун Чжоу вернул ему его жену и детей, постился с ним семь дней и вечером седьмого дня, преклонив колена, вручил ему третий меч. Лайдань дважды простерся ниц, взял меч и поспешил домой.

И вот Лайдань с мечом в руке отправился к Вэй Хэймао. Улучив момент, когда Вэй Хэймао лежал пьяный у окна в своем доме, он трижды рассек его мечом от шеи до пояса, а тот даже не проснулся.

Лайдань решил, что Вэй Хэймао мертв, и побежал прочь, но у ворот встретил сына Вэй Хэймао и трижды рубанул его, рассекая воздух. Сын Вэй Хэймао только спросил с улыбкой:

- Почему ты так странно махнул рукой?

Лайдань понял, что этим мечом нельзя убить человека, и, тяжело вздыхая, пошел домой.

Когда Вэй Хэймао проснулся, он крикнул сердито жене:

- Ты оставила меня, пьяного, непокрытым. Теперь у меня ломит поясницу!

А его сын сказал:

- Недавно приходил Лайдань, встретился со мной в воротах, трижды махнул на меня рукой, и у меня тоже зануло все тело, а конечности онемели. Он одолел нас!

Когда чжоуский царь Му пошел походом на западное племя жун, те поднесли ему железный кинжал и холст, не сгорающий в огне. Кинжал был длиной в один вершок и восемь дюймов, красного цвета, сделан был из закаленной стали и резал яшму, точно глину. А холст, когда его нужно было постирать, бросали в огонь, отчего он принимал цвет огня, а вся грязь с него сходила. Вынув из огня, его стряхивали, и он становился белым как снег.

Наследник престола думал, что таких вещей в мире не существует и рассказы о них - чистый вымысел. А Сяо Шу сказал:

- Как самонадеян Хуан-цзы! Как упрям в своих заблуждениях!

Глава VI

СИЛА И СУДЬБА 45

Сила сказала Судьбе:

- Разве могут твои заслуги сравниться с моими?

- Какие же у тебя заслуги перед вещами и в чем они превосходят мои? - спросила Судьба.

- Я, Сила, способствую долголетию или недолговечности, успеху или неудаче, знатному или низкому положению, богатству или бедности.

- Пэнцзу умом не превосходил Яо или Шуня, однако же прожил восемь сотен лет, - ответила Судьба. - Янь Юань был отнюдь не менее способным, чем большинство людей, а умер восемнадцати годов от роду. Конфуций не уступал в добродетели владыкам уделов, а они заставили его терпеть нужду на рубеже царств Чэнь и Цай. Иньский царь Чжоу отнюдь не превосходил благонравным поведением трех казненных им советников 46, однако же восседал на троне. Цзи Чжа не имел знатного титула в У, Тянь Хэн захватил власть в царстве Ци. Бои и Шуци умерли с голоду на горе Шоуян, а семейство Цзи было богаче Чжань Циня. Если все это в твоей власти, то почему ты дала одному долгую жизнь, а другому - короткую, почему позволила негодяю торжествовать, а добродетельному мужу - терпеть неудачу, дурному человеку - богатеть, а хорошему - жить в нищете?

- Если дело обстоит так, как ты говоришь, то у меня действительно нет заслуг. Но тогда не ты ли управляешь вещами в этом мире?

- Хоть я и зовусь Судьбой, могу ли я управлять чем-либо? - ответила Судьба. - Прямое я подталкиваю, кривое сдерживаю. Долгая или короткая жизнь, неудача или успех, высокое или низкое положение, богатство и бедность случаются сами собой. Что я могу знать об этом?

Бэйгун-цзы сказал Симэнь-цзы:

- Мы с тобой ровесники, однако люди помогают тебе. Мы из одного рода, но люди уважают тебя. Мы выглядим одинаково, но люди любят тебя. Мы говорим одинаково, но люди слушают тебя. Мы действуем

сообща, но люди доверяют тебе. Если мы вместе поступим на службу, то повышение получишь ты. Если мы вместе будем пахать землю, то разбогатеешь ты. Если мы будем вместе торговать, то выгода достанется тебе. Я одеваюсь в грубый холст, живу в соломенной хижине и хожу пешком, а ты носишь узорчатую парчу, ешь лучшее просо и мясо, живешь в доме с высокими стропилами и едешь в колеснице, запряженной четверкой лошадей. Дома ты пренебрегаешь моим обществом, при дворе не скрываешь своего высокомерного отношения. Прошло уже много лет с тех пор, как мы не ходим друг к другу в гости и не выезжаем вместе на прогулку. Не потому ли, что, по твоему мнению, встречи со мной - ниже твоего достоинства?

- Я и сам не понимаю, в чем тут дело, - ответил Симэнь-цзы. - Но что бы мы ни предпринимали, ты терпишь неудачу, а я добиваюсь успеха. Не говорит ли это о том, что мне дано больше, чем тебе? Однако же тебе хватает дерзости заявлять, что ты во всем подобен мне.

Бэйгун-цзы не нашел что ответить и отправился домой в раздумье. По дороге он встретил Дунго-цзы, и тот спросил его:

- Куда это ты идешь такой согбенный, такой пристыженный?

Бэйгун-цзы рассказал ему обо всем.

- Я помогу тебе поправить дело, - сказал Дунго-цзы. - Пойдем-ка к нему вместе.

Дунго-цзы попросил Симэнь-цзы объяснить, отчего он так унижил Бэйгун-цзы, и тот повторил то, что уже говорил Бэйгун-цзы.

- Когда ты говоришь, что вам дано неодинаково, ты имеешь в виду лишь различие в природных дарованиях, - сказал в ответ Дунго-цзы.

- Я же говорю сейчас о различии другого рода. Бэйгун-цзы одарен добродетелью, но обделен удачей, ты одарен удачей, но обделен добродетелью. И то и другое дается не людьми, а Небом, однако ты гордишься тем, что одарен удачей, а Бэйгун-цзы стыдится того, что одарен добродетелью. А это означает, что вы оба не понимаете естественного положения вещей.

- Довольно, уважаемый! - воскликнул Симэнь-цзы. - Я больше не буду так говорить!

Когда Бэйгун-цзы возвратился домой, одежда из грубого холста стала казаться ему такой же теплой, как шуба из лисьего меха, обыкновенные бобы - столь же вкусными, как рис и просо, его соломенная хижина - красивой, как дворец, его грубая арба - изящной, как экипаж с узорами. До конца своих дней он был безмятежен, не задумываясь о том, кто на свете знатнее его, а кто нет.

Гуань Чжун и Баошу Я были добрыми друзьями и вместе жили в царстве Ци. Гуань Чжун служил царевичу Цзю, а Баошу Я - царевичу Сяобо. Циский царь был щедр, и дети царских наложниц пользовались его милостями наравне с детьми царицы. Многие опасались смуты, и царевич Цзю бежал в Лу, сопровождаемый Гуань Чжуном и неким Шао Ху, а царевич Сяобо бежал в Цзюй, и Баошу Я последовал за ним.

Позднее царский внук Учжи поднял мятеж, в царстве не стало государя, и оба царевича вступили в борьбу за престол.

Сражаясь с Сяобо на дороге в Цзюй, Гуань Чжун попал ему стрелой в пряжку халата. Когда же Сяобо взойшел на престол в Ци под именем

Хуань-гуна, он заставил людей Лу убить своего брата Цзю. Шао Ху по этой причине покончил с собой, а Гуань Чжуна заточили в темницу.

Тут Баошу Я сказал Хуань-гуну:

- Гуань Чжун - талантливый муж, он способен управлять царством.
- Он - мой враг, и я хочу его смерти, - ответил Хуань-гун.
- Я слышал, что мудрый правитель ни к кому не питает личной вражды. Кроме того, человек, доказавший свою преданность господину, непременно будет и преданным советником царя. Если вы хотите стать первым среди владык мира, то вам без него не обойтись.

Царь призвал Гуань Чжуна, и лусцы отпустили его в Ци.

Баошу Я вышел встречать его за городские ворота и сам освободил от оков. Хуань-гун оказал ему радушный прием и пожаловал самый высокий чин, так что Баошу Я стал служить под началом Гуань Чжуна. Так Гуань Чжун стал править царством Ци и получил от государя титул Отец Чжун. В скором времени Хуань-гун стал самым могущественным в мире государем.

Однажды Гуань Чжун, вздохнув, сказал:

- В молодости, когда мне жилось нелегко, я торговал вместе с Баошу. Когда мы делили выручку, я брал себе большую часть, но Баошу, зная о моей бедности, не считал меня жадным. Я задумал одно дело для Баошу, но потерпел неудачу. Однако он не счел меня глупцом, ибо знал, что бывают неблагоприятные обстоятельства. Трижды меня призывали на службу, и все три раза я был изгнан с нее, но Баошу не счел меня бездарным, ибо знал, что мой час еще не настал. Три раза я участвовал в сражениях и каждый раз показывал врагу спину, однако Баошу не счел меня трусом, ибо знал, что я должен заботиться о престарелой матери. Когда убили царевича Цзю, а Шао Ху покончил с собой, я предпочел смерти позор тюремного заключения, но он не счел меня бесчестным человеком, ибо знал, что я равнодушен к мелким почестям и озабочен лишь тем, что еще не прославил свое имя в целом мире. Отец и мать меня родили, но знает меня один лишь Баошу Я!

Вот так Гуань Чжун и Баошу Я прославили себя своей крепкой дружбой, а Сяобо прославился своим умением привлекать к себе мудрых советников. Но на самом деле они не были искусны ни в дружбе, ни в искусстве отбора служилых людей. И это не означает, что кто-то другой превосходил их в дружбе или в отборе способных людей. Нельзя сказать, что Шао Ху лучше других умел жертвовать своей жизнью, - просто он не мог поступить иначе. Нельзя сказать, что Хуань-гун лучше других умел привлекать к себе достойных мужей, - просто он не мог поступить иначе.

Когда Гуань Чжун всерьез захворал, Хуань-гун пришел к нему и сказал:

- Может быть, ты вот-вот умрешь, пришло время говорить начистоту. Если тебя не станет, кому я должен передать бразды правления?

- А кого бы вы хотели видеть вместо меня?

- Можно ли заменить тебя Баошу Я?

- Нет, нельзя. Человек он необыкновенно целомудренный и честный и всех, кто ему уступает в добродетели, даже за людей не считает. Стоит ему услышать о том, что кто-то совершил промах, и он не

забудет это ему до конца жизни. Если ему доверить управление царством, он причинит обиду и государю, и народу. В скором времени вам захочется наказать его.

- А кого бы ты предложил на свое место?

- Если у вас нет никого на примете, я бы рекомендовал Си Пэна. Он такой человек, что государь даже не будет его замечать, а народ не станет против него бунтовать. Он стыдится того, что еще не сравнился доблестями с Желтым Владыкой, и печалится о тех, кто хуже него.

Кто делится с людьми благодатью жизни - тот мудрец.

Кто делится с людьми богатством - тот достойный муж.

Тот, кто кичится своим умом, никогда не завоюет сердца людей.

Тот, кто, будучи мудр, умаляет себя, всегда привлечет к себе других.

Си Пэн не захочет знать все о царстве. Он не захочет видеть все в собственном доме. Если у вас нет никого на примете, возьмите лучше Си Пэна.

Это не значит, что Гуань Чжун был предубежден против Баошу Я и оказывал милость Си Пэну. Он просто не мог относиться к ним иначе. Бывает так, что кого-то мы поначалу привечаем, а потом отвергаем или, наоборот, сначала отвергаем, а потом привечаем. Наши пристрастия не от нас зависят, а от обстоятельств.

Дэн Си высказывал суждения, противоречащие друг Другу, а потом выдвигал бесчисленные доказательства их истинности. Когда Цзы-Чань был первым советником в царстве Чжэн, Дэн Си написал свод законов на бамбуковых планках, и государь выразил свое согласие. Потом он стал обличать ошибки Цзы-Чаня, и Цзы-Чань согласился с ним. Но вдруг Цзы-Чань велел его схватить и казнить.

Это все не означает, что Цзы-Чань нарочно принял законы Дэн Си, что Дэн Си заставил его признать свою вину или что Цзы-Чань нарочно казнил Дэн Си. Просто эти события не могли не случиться - только и всего.

Родиться вовремя и умереть вовремя - вот благословение Неба. Не жить, когда время жить, и не умереть, когда время умирать, - вот наказание Неба. Некоторые рождаются и умирают в нужное время, а некоторые живут и умирают, когда не время жить или умирать. Однако ни мы сами, ни другие люди не вольны давать нам жизнь, когда мы рождаемся, или посылать нам смерть, когда мы умираем. И то и другое определено Судьбой, и человеческое разумение не способно постичь это. Посему сказано:

Непостижимо, сменяясь до бесконечности,

Они идут сами собою Небесным Путем.

В равновесии нескончаемый круг

Вращается сам собою Небесным Путем.

Земля и Небо не могут этому помешать,

Мудрецы всех времен не могут это отрицать.

Духи и демоны не могут это обмануть.

Быть самим собой, как они есть, -

Вот что влечет их вперед,

Что дает им жизнь, дает им покой.

Провожает в конце и встречает в начале.

Друг Ян Чжу Цзи Лян заболел, и на десятый день ему стало совсем плохо. Его сыновья стояли вокруг, рыдая и умоляя его послать за лекарем.

- Как глупы мои дети! - сказал Цзи Лян, обращаясь к Ян Чжу. - Не споешь ли ты им песню в поучение?

И Ян Чжу запел так:

Что даже Небу неведомо,

Как поймет человек?

Добро не от Неба исходит,

Не человек творит зло.

Точно ли ты и я не знаем?

Точно ли знают колдуны и врачи?

Сыновья Цзи Ляна ничего не поняли и пригласили-таки трех лекарей.

Одного звали Чжао, второго - Юй, а третьего - Лу. Они стали щупать пульс больного и определять его болезнь.

Лекарь Чжао сказал Цзи Ляну:

- В вас жар и холод, пустое и наполненное не находятся в равновесии. Болезнь ваша от неправильного питания, чрезмерного увлечения женщинами и утомительных забот, а не от Неба или духов. Хотя она и тяжела, а вылечить ее можно.

- Это заурядный лекарь! - воскликнул Цзи Лян. - Пусть уходит прочь!

Лекарь Юй сказал:

- Когда вы еще были в утробе, у вашей матери было слишком мало жизненной энергии, а после того, как вы родились, у вашей матери было слишком много молока. Болезнь ваша возникла не за один день. Она накапливалась постепенно, и исцелиться от нее нельзя.

- Хороший врач! - сказал Цзи Лян. - Пусть останется на обед.

Лекарь Лу сказал:

- Болезнь ваша не от Неба, не от людей и не от духов. С тех самых пор, когда вы получили жизнь и тело, вы знали, что это за сила, которая управляет ими. Разве можно помочь вам целебными травами и камнями?

- Вот великий лекарь! - воскликнул Цзи Лян. - Одарите его щедро.

А в скором времени болезнь Цзи Ляна прошла сама собой.

Тот, кто ценит жизнь, все равно не может ее сохранить. Тот, кто заботится о своем теле, все равно не может ему помочь. Жизнь не станет короче, если ее не ценить. Телу не станет хуже, если о нем не заботиться. А потому те, кто ценят жизнь, часто теряют жизнь, а те, кто жизнь не ценят, часто не умирают; те, кто заботятся о теле, часто не приносят себе пользы, а те, кто о теле не заботятся, часто не причиняют себе вреда.

Нам кажется, что жизнь повинуется нашим желаниям, а на самом деле это не так. Жизнь и смерть, польза и вред существуют сами по себе.

Юй Сюн сказал Вэнь-вану:

- К тому, что само по себе длинно, ничего не прибавишь. От

того, что само по себе коротко, ничего не отнимешь. Гадать об удаче - никчемное дело.

Лао-цзы сказал Гуань Иню:

- Когда Небо ненавидит кого-то, кто узнает причину?⁴⁷

Это означает, что бессмысленно гадать о воле Неба и о своих удачах или неудачах.

Ян Бу спросил своего старшего брата Ян Чжу:

- Что можно сказать про двух людей, которые и речью, и способностями, и внешностью похожи друг на друга, как близнецы, а возрастом, заслугами, положением, вкусами различны, как отец и сын?

- У древних, - ответил Ян Чжу, - была поговорка, гласившая: "Все, что случается само по себе и чего мы знать не можем, - все это от судьбы". Все, что происходит по неведомой, непостижимой для нас причине, независимо от того, действуем ли мы или не действуем, что приходит сегодня, а завтра уходит, - все это судьба. Для того, кто верит в судьбу, нет разницы между долгой жизнью и короткой; для того, кто верит в естественный закон всех событий, нет ни истины, ни лжи; для того, кто верит своему сердцу, нет ни хвалы, ни хулы; для того, кто верит в свою природу, нет ни опасности, ни безопасности. Стало быть, нет ничего, чему бы он доверял или не доверял. Он живет лишь подлинностью. От чего же он должен бежать, к чему стремиться, чему радоваться и чему огорчаться? Что же он должен делать и чего не делать?

В книге Желтого Владыки говорится, что высший человек в покое подобен мертвому, а в движении подобен машине. Он не знает, почему покоится или не покоится, движется или не движется. Его внешность и чувства не меняются от того, что люди на него смотрят или не смотрят. Одиноким он приходит, одиноким уходит, одиноким выходит, одиноким входит. И что может сдержать его?

Четыре человека: Хитрец и Грубиян, Соня и Драчун - вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал лишь своим наклонностям, и до самой смерти никто из них ничего не знал про другого. Ибо каждый из них считал себя самым умным.

Четыре человека: Ловкач и Простак, Нахал и Блюдолиз - вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не открылся другому. Ибо каждый из них считал себя самым искусным.

Четыре человека: Плут и Правдолюбец, Заика и Ругатель - вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не объяснился с другим. Ибо каждый из них считал себя самым талантливым.

Четыре человека: Притворщик и Простофиля, Нахал и Скромник - вместе странствовали по свету. Каждый из них следовал своим наклонностям, и до самой смерти никто из них не указал на недостатки другого. Ибо каждый из них считал свое поведение безупречным.

Вот так живут люди. Облик их неодинаков, но все они идут путем,

уготовленным для них Судьбой.

Частичный успех похож на успех, но все-таки это - не успех. Частичная неудача похожа на неудачу, но все-таки это - не неудача. А посему заблуждения проистекают из видимости подобия. Различие же между настоящим и кажущимся крайне смутно. Но тот, кто ведает об этом различии, не страшится опасностей вокруг и не радуется удовольствию в себе. Такой человек когда нужно действует, когда нужно - бездействует, но всей его мудрости недостаточно для того, чтобы знать, почему это так.

Тот, кто верит в судьбу, не делает различия между миром вокруг и собой. Тот, кто делает различие между миром и собой, знает даже меньше, чем тот, кто, закрыв глаза и заткнув уши, становится спиной к городской стене и лицом ко рву, ведь он не падает. Поэтому говорят: "жизнь и смерть зависят от судьбы, богатство и бедность зависят от времени". Тот, кто противится смерти в раннем возрасте, не ведает судьбы. Тот, кто ропщет на бедность и неудачи, не знает времени. А тот, кто не знает страха смерти и не печалится в бедности, знает судьбу и умеет жить в согласии с временем.

Многоснающий, рассчитывающий пользу и вред, оценивающий истину и ложь, вникающий в настроение других, терпит неудачу не реже, чем добивается успеха. Малознающий, который не делает всего этого, добивается успеха не реже, чем терпит неудачу. Разве есть различие между теми, кто высчитывают, оценивают и вникают, и теми, кто не делают этого? Только тот, кто, не меряя ничего, умеет измерить все, будет целостен и не будет иметь изъяна. Но так происходит не потому, что он знает о своей цельности или ущербности, - и то и другое существует само по себе.

Циский царь Цзин гулял на Бычьей горе. Посмотрев на север, где виднелись вдали стены его столицы, он сказал со слезами на глазах:

- Как прекрасен мой город! Как величав он! Отчего же на глазах у меня слезы? Почему я должен буду когда-нибудь навсегда покинуть этот град? Если бы с древних времен не было бы смерти, я бы ни за что не ушел отсюда!

Ши Кун и Лянцю Цзюй разрыдались вслед за государем и молвили:

- Ваши слуги благодаря великой щедрости вашей имеют счастье питаться высохшим мясом и грубым зерном, ездить на простой телеге, запряженной клячей. Если уж мы не хотим умирать, то что уж говорить о нашем господине!

Только один Янь-цзы молча стоял и улыбался. Царь вытер слезы, повернулся к Янь-цзы и спросил:

- Сегодня у нас получилась грустная прогулка. Кун и Цзюй рыдали вместе со мной. Отчего же ты улыбаешься?

- Если бы добродетелью можно было продлевать жизнь, то ваши предки Тай-гун и Хуань-гун жили бы вечно. Если бы отвагой можно было продлевать жизнь, тогда Чжуан-гун и Лин-гун жили бы вечно. А если бы эти государи были живы и сегодня, то вы, мой повелитель, сейчас стояли бы посреди поля в соломенной накидке и бамбуковой шляпе и думали бы только о ваших тяготах. Разве нашлось бы у вас тогда время думать о смерти? Ибо как же вы, повелитель, смогли взойти на царский трон? Потому только, что предки ваши занимали

его один за другим, пока не пришла ваша очередь. И плакать по этой причине недостойно вас. Я вижу перед собой лишь недостойного государя и льстивых слуг. Вот почему я улыбался.

Цзин-гун устыдился своего поступка, и в знак раскаяния он осушил винную чару, да и советников своих тоже заставил выпить "покаянную чарку".

В Вэй жил человек по прозвищу У с Восточных ворот, который не горевал, когда у него умер сын. Жена спросила его:

- Почему вы не горюете о смерти сына? Ведь вы любили его больше всех на свете!

- Для чего мне горевать, - ответил У с Восточных ворот. - Когда-то у меня не было сына, и я совсем не горевал. А теперь у меня, как и прежде, снова нет сына - только и всего.

Землепашец поспешает за временами года, купец гонится за барышом, мастера торопятся овладеть новыми ремеслами, а служилые люди рвутся к власти - к этому вынуждают их обстоятельства. Но у землепашцев бывают наводнения и засухи, у купцов - доходы и убытки, у мастеровых - удачи и неудачи, а у служилых людей - поражения и победы. Таково действие Судьбы.

Глава VII ЯН ЧЖУ 48

Ян Чжу странствовал в Лу и остановился у господина Мэна 49. Мэн спросил его:

- Мы просто люди, и ничего более. Зачем нам слава?

- Слава помогает нам разбогатеть, - ответил Ян Чжу.

- Если я богат, к чему мне еще слава?

- Она помогает нам получить высокий чин.

- Если у меня уже есть высокий чин, к чему мне еще слава?

- Она послужит нам после нашей смерти.

- Если я умер, то для чего мне слава?

- Она поможет нашим потомкам.

- Чем же моя слава может помочь моим потомкам?

- Ради славы мы решаемся на изнурительные труды и обременительные заботы, но тот, кто ее завоеует, благодетельствует весь свой род и окажет услугу всем жителям округи, не говоря уже о его собственных потомках.

- Однако же тот, кто радеет о славе, должен быть целомудрен, а если он целомудрен, он не может не быть бедным. Он также должен быть скромным, а если он скромен, он не сможет получить высокий чин.

- Когда Гуань Чжун служил первым советником в Ци, он вел себя распутно, когда государь распутничал, и бывал нескромен, если государь вел себя нескромно. Он следовал государю и в мыслях, и в речах, и благодаря его искусству царь Ци стал первым среди владык мира. Но после его смерти потомки его были только семейством Гуаней. Когда же первым советником стал Тянь, то он держался скромно, если государь расточительствовал, и был щедр, если государь проявлял алчность. Все люди перешли на его сторону, и так

он установил свою власть над целым царством, а его потомки правят в Ци по сей день. Получается, что, если слава настоящая, ты будешь беден, а если слава ложная, ты будешь богат.

- Действительность не имеет отношения к славе, а слава не имеет отношения к действительности. Слава - это только обман. В старину Яо и Шунь сделали вид, что хотели передать власть над миром Сюй Ю и Шань Цюаню, однако в действительности не сделали этого и управляли Поднебесной еще сотню лет. А Бои и Шуци, которые и в самом деле отказались от своего удела, довели свое царство до гибели и умерли с голоду на горе Шоуян.

Вот так раскрывается различие между действительным и лживым.

Ян Чжу сказал:

"Сотня лет - вот предел человеческой жизни, но до такого возраста не доживает и один человек из тысячи. Но даже если кто-нибудь и доживет до ста лет, детство и старость отнимут половину его жизни. Ночи, когда мы спим, и дни, которые проходят попусту, отнимут половину оставшегося срока. Страдания и недуги, тяготы и муки, печали и лишения, заботы и страхи отнимут еще половину оставшегося срока. А в оставшуюся дюжину лет мы едва ли и час можем прожить в довольстве и веселье, не ведая забот.

Для чего же тогда живет человек? В чем радости его жизни? Только в роскошных одеждах и изысканных кушаньях, сладкозвучной музыке и прекрасных женщинах. Однако ж невозможно иметь в достатке роскошные одежды и изысканные кушанья, нельзя всю жизнь наслаждаться прекрасными женщинами и сладкозвучной музыкой. К тому же нас держат в узде законами и прельщают наградами, увлекают мечтой о славе и пугают наказаниями. Бездумно соперничаем мы ради мимолетной похвалы и добиваемся призрачной славы после смерти. Кланяясь направо и налево, мы стараемся угодить другим, вслушиваемся в мнения света и боимся обнаружить наши собственные пристрастия. Так мы лишаемся всех наслаждений в жизни и не можем хотя бы час прожить так, как мы хотим. Чем же мы отличаемся от преступников, закованных в цепи?

В глубокой древности люди знали, что, рождаясь, мы на мгновение приходим, а умирая, на мгновение уходим. Поэтому они жили, следуя велениям сердца, и не шли наперекор своим природным желаниям. Они не отказывались от удовольствий жизни, и поэтому их нельзя было соблазнить обещаниями славы. Они жили, давая волю своей природе, не отвергали свойственных всем побуждений, не мечтали о посмертной славе, и поэтому их нельзя было запугать наказаниями. Они не думали о том, будут ли их хвалить или ругать, много они прожили на свете или мало".

Ян Чжу сказал:

"В жизни все существа разные, а в смерти они все одинаковы. В жизни бывают умные и глупые, знатные и подлые: так люди различаются между собой. В смерти они смердят и гниют, разлагаются и исчезают: в этом они все одинаковы.

Однако то, что мы бываем умными и глупыми, знатными в презренными, зависит не от нас самих, и не от нас зависит то, что мы после смерти смердим и гнием, разлагаемся и исчезаем.

Следовательно, жизнь не делает нас живыми, а смерть не делает нас мертвыми, умные не сами по себе умны, глупые не сами по себе глупы, знатные не сами по себе знатны, а подлые не сами по себе подлы. Все существа в мире равно живы и мертвы, равно умны и глупы, равно знатны и подлы.

Через десять лет или через сто мы все умрем. Умирают и милосердный и жестокий, и мудрец и невежа. В жизни - Яо и Шунь, после смерти - сгнившие кости. При жизни - Чжоу и Цзе, после смерти - сгнившие кости. А сгнившие кости все одинаковы, кто знает, какая между ними разница? Так наслаждайтесь жизнью, пока живы, и не думайте о том, что будет после смерти!"

Ян Чжу сказал:

"Бои вовсе не был лишен желаний, он воспитал в себе гордыню чистоты и поэтому уморил себя голодом. Чжань-цзи вовсе не был лишен страстей, он взрастил в себе одержимость праведным поведением и поэтому едва не погубил весь свой род. До чего они оба были ослеплены ложью "чистоты" и "праведности"!"

Ян Чжу сказал:

- "При жизни друг друга жалеть, по смерти друг друга покидать" - в этой древней пословице заключена истина. "Жалеть друг друга" не значит только сочувствовать другим. Если человек устал, нужно дать ему отдохнуть, если он голоден, нужно накормить его, если он замерз, нужно обогреть его, а если он попал в беду, нужно вызволить его. "Друг друга покидать" не значит не скорбеть о покойном. Но не следует одевать его в парчовые одежды, класть ему в рот жемчуг или нефрит, приносить ему жертвы и жаловать ему поминальные предметы.

Янь Пинчжун спросил у Гуань Чжуна, что такое "вскармливание жизни".

Гуань Чжун ответил:

- Это просто жизнь без стеснений; ничего в себе не подавляй, ничем себя не обуздывай.

- Расскажите об этом подробнее.

- Позволь ушам своим слышать то, что им хочется слышать; позволь своим глазам видеть то, что им хочется видеть; позволь носу обонять то, что ему хочется, а устам изрекать то, что им хочется. Позволь телу своему делать то, что ему хочется, а мыслям своим скитаться, как им хочется.

Ушам угодно слышать музыку и пение, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Глазам угодно видеть женскую красоту, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Носу угодно обонять благоухание перца и орхидеи, и, когда ему в этом отказано, он терпит стеснение. Устам угодно обсуждать истинное и ложное, и, когда им в этом отказано, ум терпит стеснение. Телу угодно облачаться в роскошные одежды и питаться изысканными кушаньями, и, когда ему в этом отказано, оно терпит стеснение. Мыслям угодно скитаться привольно, и, когда им в этом отказано, они терпят стеснение. Все эти стеснения - начало жестокости и насилия в человеке.

Если ты можешь освободиться от них и ждать покойно смерти, пусть бы жизнь твоя продлилась один день, один месяц, год или десять лет, то ты сможешь осуществить то, что я называю "вскармливанием жизни". А если ты не сможешь освободиться от гнета этих стеснений, то живи ты в неволе хоть сто, тысячу или десять тысяч лет, ты не постигнешь искусства "вскармливания жизни".

Засим Гуань Чжун сказал Янь Пинчжуну:

- Я поведал тебе о "вскармливании жизни". А что ты можешь сказать мне о том, как провожать мертвых?

- Проводы мертвых - дело незначительное, что тут говорить? - ответил Янь Пинчжун.

- Все же я прошу тебя ответить мне.

- Если я уже мертв, то какое отношение ко мне имеет погребальный обряд? Закопают ли меня в землю или сожгут меня, бросят ли в реку или положат в чистом поле, кинут ли в канаву, завернув в солому, или положат в каменный саркофаг, нарядив в шелковые одежды, расписанные драконами, - мне уже все равно. Остается предоставить это делу случая.

Гуань Чжун повернулся к Баошу Я и Хуан-цзы и сказал:

- Мы оба сказали все, что нужно сказать о том, как следует жить и умирать!

Цзы-Чань был первым советником в Чжэн. После того как он управлял царством в течение трех лет, добрые люди подчинились его установлениям, а злые люди убоялись его запретов. В царстве воцарился порядок, и другие государства стали бояться его. Но у него был старший брат по имени Гунсунь Чао, который любил вино, и младший брат по имени Гунсунь Му, который любил женщин. В доме Чао вино готовили тысячами котлов, а закваски держали целые горы, так что бражный дух разносился на сотни шагов от ворот. Предаваясь непрерывно пьянству, Чао не знал, царит ли вокруг мир, или бушует война, не ведал ни людских промахов, ни сожаления о былом; он забывал о том, что у него в доме, не узнавал своих родственников и не знал, что лучше быть живым, чем мертвым. Да если бы он стоял в воде или огне и перед его глазами мелькали острые клинки, он даже не заметил бы этого.

А на внутренней половине дома младшего брата, Гунсунь Му, тянулись рядами покои, в которых жили прелестные юные девы. Когда Гунсунь Му увлекался красавицей, он прятался от родственников, не встречался с друзьями и дни и ночи напролет проводил в женских покоях. Если ему приходилось хотя бы раз в три месяца выходить оттуда, он бывал недоволен. И если в округе подрастала красивая девушка, он старался непременно заполучить ее к себе в гарем, подкупая ее подарками или заманивая ее с помощью свахи, и оставлял ее в покое, лишь если не мог поймать ее.

Однажды Цзы-Чань, денно и ночью печалившийся о своих братьях, пришел посоветоваться к Дэн Си.

- Я слышал, - сказал он, - что нужно следить за собой, чтобы навести порядок в семье, и нужно навести порядок в семье, чтобы воцарился порядок в государстве. Это означает, что следует начинать с близкого и распространять свое влияние все дальше вокруг себя. Я сумел водворить порядок в государстве, но в моей

собственной семье порядка нет. Не значит ли это, что я все сделал наоборот? Посоветуйте, как мне помочь моим братьям.

- Я уже давно дивлюсь этому, но не решился сам заговорить с вами.

Почему бы вам не призвать братьев к порядку, не убедить их заботиться о своем здоровье, не призвать их чтить правила благонравного поведения?

Цзы-Чань последовал этому совету. Он пришел к братьям и сказал им:

- Человек превосходит зверей и птиц своим разумением, а разумение ведет к пониманию ритуала и долга. Претворите ритуал и долг в своей жизни, и вы стяжаете добрую славу и займете высокий пост. Но если вы будете покорны своим страстям и станете потакать своему чревоугодию и сладострастию, вы подвергнете опасности свою жизнь. Внемлите же моим словам, с утра начните новую жизнь и уже к вечеру будете кормиться на жалованье.

Чао и Му ответили:

- Мы уже давно про это знаем и с давних пор сделали свой выбор. Нам не было нужды дожидаться твоих увещаний. Жизнь дается нам так редко, а умереть в ней так легко! Можно ли забыть, что жизнь наша - редкий дар, а смерть в ней приходит так легко? Стараться же удивить людей строгим соблюдением правил благопристойности и долга, подавляя свои естественные наклонности ради доброй славы, по нашему разумению, даже хуже смерти. Мы желаем вполне насладиться дарованной нам жизнью и прожить ее целиком.

Горевать мы можем разве что о том, что живот наш слишком слаб, чтобы позволить пить вино дни и ночи напролет, а мужская сила в нас истощается, прежде чем мы удовлетворим свою похоть. А дурная слава или угроза здоровью нас не беспокоит!

Но не жалок ли и не ничтожен ли ты, гордящийся своими успехами в управлении государством и вот теперь пришедший смущать нас поучениями и соблазнять обещаниями посмертной славы и обильного жалованья? Мы сами желаем возразить тебе! Тот, кто любит повелевать людьми, едва ли преуспеет в своем занятии, зато сам себя обречет на тяготы. А тот, кто умеет владеть собой, едва ли ввергнет мир в смуту, зато даст волю своей природе. Твое искусство управления миром пригодно на короткое время в одном царстве, но оно не согласуется с прирожденными желаниями людей. А наш путь угождения самим себе можно распространить на целый мир, и тогда в мире не будет ни государя, ни подданных. Давно уже мы желали научить тебя нашему искусству жизни, но теперь ты сам пришел поучать нас!

Цзы-Чань был так растерян, что даже не нашелся что сказать. На другой день он рассказал об этом разговоре Дэн Си, и тот заметил:

- Ты жил, сам о том не ведая, с настоящими людьми. Кто сказал, что ты мудрец? Твои успехи в управлении царством Чжэн - просто дело случая, их нельзя поставить тебе в заслугу.

Дуаньму Шу из Вэй был потомком Цзы-Гуна. По наследству ему досталось огромное богатство ценою в целых десять тысяч золотых. Поэтому он не заботился о мирских делах, а давал волю своим желаниям и наслаждался жизнью. Он делал все, что хочется делать

всем людям, - все, что тешит душу человека. Стены и покои, башни и террасы, сады и уголья, пруды и водоемы, яства и вина, экипажи и одеяния, певцы и музыканты, наложницы и служанки - все это у него было не хуже, чем во дворцах правителей Ци или Чу. Какое бы желание ни возникло в нем, чего бы ни захотели слушать его уши, чего бы ни захотели видеть его глаза, чего бы ни захотели вкусить его уста, он тут же посылал за этим, как будто требуемая вещь находилась за стеной, даже если ее приходилось доставлять из далеких краев или вообще нельзя было найти в китайских землях. Путешествуя, он шел туда, куда ему заблагорассудится, гуляя среди отвесных скал и бурных рек, шагая по узким скользким тропинкам так непринужденно, как другие ходят по своему саду. Каждый день в его доме толпились сотни гостей, в его кухне никогда не гас огонь под очагами, а в гостиных никогда не умолкали звуки музыки. Остатки еды после пиршеств он отдавал родичам, оставшееся после родичей отдавал соседям, а то, что и те не съедали, раздавал по всему царству.

Прожив так шестьдесят лет, он начал дряхлеть и телом, и душой, отошел от всех дел, раздал все драгоценности из своей казны, все запасы из своих амбаров, все колесницы и одежды, всех наложниц и служанок. За один год он лишился всего, ничего не оставив своим детям и внукам. Когда он заболел, в доме не нашлось даже лекарств и лечебных игл, а когда он умер, не нашлось денег, чтобы его похоронить. Люди со всего царства, пользовавшиеся его милостями, собрали средства, похоронили его и вернули имущество его детям и внукам.

Услышав об этом, Цинь Гули сказал:

- Дуаньму Шу - безумец! Он опозорил своих предков.

А Дуаньгань Му, услышав об этом, сказал:

- Дуаньму Шу - мудрый человек, добродетелью превзошедший предков.

Все его поступки, все содеянное им было удивительно для толпы, но тот, кто постиг истину, их одобрит. Знатные мужи Вэй в большинстве своем живут сообразно правилам благопристойности, оттого они и не могли постигнуть сердце этого человека.

Мэн Суньян спросил Ян Чжу:

- Предположим, есть человек, который ценит жизнь и бережет тело. Может ли он жить вечно?

- По закону природы бессмертия не бывает.

- А может ли он продлить свою жизнь?

- По закону природы нет и долгой жизни. Жизнь нельзя продлить тем, что ценишь ее, здоровье нельзя сберечь тем, что заботишься о нем. Да и какой прок от долгой жизни? Все наши чувства, наши пристрастия и склонности таковы, какими они были в старину. Опасности и удобства для нашего тела, радости и горести нашей жизни, удачи и неудачи, благоденствие и смута в мире таковы, какими они были и в старину. Все это мы уже видели, слышали, все испытали. Даже и сотни лет достаточно для того, чтобы мы насытились жизнью. Неужто мы сможем и дальше нести бремя этой жизни?

- В таком случае ранняя смерть лучше долгой жизни? - спросил

Мэн Суньян. - И стало быть, чтобы добиться желаемого, нужно ходить по лезвию меча и ступать по остриям пик, бросаться в кипящую воду или огонь?

- Нет. Пока ты жив, откажись от умствования, положиись на свои природные влечения и спокойно жди смерти. Пусть смерть свершит дело, ты же отрекись от умствований и положиись до конца на свою отрешенность.

Тогда ничто не будет потеряно, ибо ты ни на что не будешь полагаться. К чему торопить или задерживать события?

Ян Чжу сказал:

"Бочэн Цзыгао не помогал никому даже волоском. Он отрекся от престола и пахал землю в глуши. Великий Юй не желал пользы для одного себя; он так трудился, укрощая потоп, что тело его наполовину усохло. Люди в древности не согласились бы лишиться даже одного волоска, чтобы принести пользу Поднебесному миру. А если им преподносили всю Поднебесную, они ее не брали. Если бы никто не жертвовал волоском, если бы никто не старался принести пользу Поднебесному миру, то в Поднебесной воцарился бы мир".

Цинь-цзы спросил Ян Чжу:

- Если бы ты мог помочь миру, отдав один волосок, сделал бы ты это?

- Миру, конечно, одним волоском не помочь, - ответил Ян Чжу 50.

- Но предположим, это было бы возможно. Тогда отдал бы?

Ян Чжу не ответил.

Цинь-цзы вышел и рассказал об этом разговоре Мэн Суньяну.

- Ты не понял мысли учителя, - сказал Мэн Сунь-ян. - Позволь, я объясню тебе. Согласился бы ты поранить себе кожу, чтобы получить десять тысяч золотых?

- Согласился бы.

- А согласился бы ты лишиться сустава, чтобы получить царство?

Цинь-цзы промолчал.

- Волосок, конечно, меньше кожи, - продолжил Мэн Суньян, - а кожа меньше сустава. Однако по волоску собирается кожа, а кожа, собираясь, образует сустав. Разве можно пренебречь даже одним волоском, если он тоже - часть собственного тела?

- Мне нечего тебе возразить, - ответил Цинь-цзы, - но, если бы я спросил об этом Лао-цзы и Гуань Инь-цзы, они бы сочли истинными твои слова, а если спросить об этом Великого Юя или Мо-цзы, то они согласились бы со мной.

Тут Мэн Суньян, повернувшись к своим ученикам, заговорил о другом.

Ян Чжу сказал:

"В мире всеобщее восхищение снискали Шунь и Юй, Чжоу-гун и Конфуций.

Всеобщее же презрение к себе возбудили Цзе и Чжоу. Однако же Шунь пахал землю в Хэяне и обжигал горшки в Лэйцзэ. Его руки и ноги не знали ни мгновения отдыха, его рот и желудок не ведали вкусной пищи. Родители его не любили, братья и сестры относились к нему, как к чужаку. Он женился только тридцати лет от роду и

притом не испросил согласия отца и матери. Когда Яо уступил ему престол, он был уже в преклонном возрасте, и ум его утратил живость. Поскольку его старший сын, Шан-цзюнь, был не способен к управлению, ему пришлось уступить престол Юю, после чего он и окончил свои дни. Это был самый несчастный и неудачливый человек в целом мире.

Когда Гунь взялся за укрощение потопа и его кропотливые труды оказались напрасными, Шунь казнил его на горе Юйшань. Юй наследовал эту работу и служил человеку, убившему его отца, думая только о том, как принести пользу миру. Он жил среди голой равнины, а когда у него родился сын, не дал ему имени, даже не входил в ворота своего дома и трудился так, что половина его тела усохла, а его руки и ноги сплошь покрылись мозолями. После того как Шунь уступил ему престол, он жил скромно, довольствуясь царской одеждой и короной, и в конце концов умер в бедности.

Это был величайший страдалец Поднебесного мира!

После смерти У-вана, когда Чэн-ван был еще слишком молод, Чжоугун взял в свои руки бразды правления, что вызвало гнев Шаогуна. Всюду поползли клеветнические слухи о Чжоугуне, и тому пришлось три года скрываться на восточных рубежах царства. Он казнил своего старшего брата, отправил в ссылку младшего и только так смог сберечь свою жизнь. Это был самый опасный и напуганный человек в Поднебесном мире!

Конфуций постиг Путь Пяти Владык и Трех Царей и принимал приглашения властителей своего времени. На него повалили дерево в царстве Сун, ему пришлось заметать следы в Вэй, он терпел лишения в Сун и Чжоу, его держали в осаде на границе царств Чэн и Цай, его унижали люди семейства Цзи и подвергал оскорблениям Ян Ху. Так он прожил свою жизнь. Это был самый суетный и бестолковый человек в Поднебесном мире!

В жизни этих высочайших мудрецов не было ни одного веселого дня, а после смерти они обрели славу на десять тысяч поколений. Однако ж слава - это, конечно, еще не настоящая жизнь. Хотя их и хвалят, но сами они о том не ведают. И хотя их ставят всем в пример, им это невдомек. Теперь они ничем не отличаются от старого пня или кома земли.

Цзе унаследовал богатства, накопленные предшествующими поколениями его династии, и сидел на троне, обратив лицо к югу. У него было достаточно ума, чтобы держать в узде своих советников, и достаточно власти, чтобы заставить всех в пределах четырех морей бояться его. Он предавался всему, что радовало его зрение и слух, делал все, что его мысли и мечты внушали ему, и прожил жизнь, полную удовольствий. Это был самый веселый и жизнерадостный человек в Поднебесном мире.

Чжоу тоже унаследовал богатства, накопленные предшествующими поколениями его династии, и сидел на троне, обратив лицо к югу. Его власть простиралась до всех пределов земли, и его воле были послушны все подданные царства. Он предавался своим страстям во дворце, занимавшем целый цин земли, и давал волю своим плотским желаниям на пирах "вечной ночи" 51. Он не заботился о приличиях и долге и, прежде чем был казнен, прожил веселую жизнь. Он был самый свободный, самый беззаботный человек в Поднебесном мире.

Два этих злодея всю жизнь наслаждались счастьем угождать своим желаниям, но стяжали славу глупцов и тиранов. На самом деле они вовсе не заслуживали такой славы. А теперь, если мы станем ругать их, они о том не узнают, а если станем хвалить, они об этом тоже не узнают. Чем они отличаются от старого пня или кома земли?

Четверо же мудрецов, несмотря на то что мир восторгается ими, всю жизнь мучились, а смерть стала последним приютом для них всех. А два злодея, несмотря на то что мир порицает их, жили счастливо, и смерть тоже стала их последним приютом".

Ян Чжу пришел к правителю царства Лян и сказал ему:

- Управлять царством так же легко, как вращать ладонями.

Царь сказал:

- Вы, учитель, не можете справиться даже с одной женой и одной наложницей, не в силах возделывать свой сад размером в три му. Как же вы можете говорить мне, что управлять царством очень легко?

- Видели ли вы, государь, как пасут овец? - ответил Ян Чжу. - Пошлите пастушка, ростом в пять локтей, с шестом на плече пасти стадо в сотню овец, и овцы пойдут туда, куда он захочет, - на восток ли, на запад ли.

Пошлите Яо тянуть на веревке одного барана, а позади них поставьте Шуня с плетью в руке - и баран не сделает ни шагу. Кроме того, я, ваш слуга, слышал, что рыба, способная проглотить лодку, не плавает в боковых протоках, а лебедь, взмывающий высоко в небеса, не садится в мелкое болото.

Почему так? Да потому, что их привлекают великие цели. Мелодии Хуанчжун и Далюй 52 не годятся для сопровождения обыкновенных танцев. Почему так? Да потому, что их звучание намного превосходит обыденные звуки. Об этом и гласит поговорка: "Тот, кто занят великим делом, не обращает внимания на мелочи. Тот, кто одерживает большую победу, не имеет маленьких побед".

Ян Чжу сказал:

"События глубокой старины сгинули навсегда. Кто опишет их? Деяния Трех Владык - то ли были, то ли нет. Деяния Пяти Царей - то ли явь, то ли сон. Деяния Трех Правителей отчасти видны, отчасти сокрыты - из сотни тысяч мы едва ли знаем одно. Из событий, происходящих ныне, можепп. кое-что знать, а запомнить разве что одно из десяти тысяч. А из событий, случающихся сейчас перед глазами, некоторые мы замечаем, а некоторые нет, запомнится же из них не более одного на тысячу. Сколько лет минуло с начала времен до сегодняшнего дня - то и сосчитать невозможно. Но за триста тысяч лет, прошедших со времен Фуси, память о достойном и презренном, о красоте и уродстве, об успехах и неудачах, о правильном и неправильном меркла и исчезала неотвратимо - то быстро, то медленно.

Если мы из-за мимолетной хвалы или хулы обременяем свой дух и тело и стремимся к славе, которая пережила бы нас на несколько сот лет, то как сможем мы вдохнуть жизнь в наши иссохшие кости и испытать радость быть живым 53".

Ян Чжу сказал:

"Человек подобен всем прочим существам, живущим на этой земле, и несет в себе свойства всех пяти стихий мироздания. Среди всего живого он самый одухотворенный. Но его когти и зубы недостаточно сильны, чтобы его защитить; его кожа недостаточно прочна, чтобы его обезопасить. Он не может бегать так быстро, чтобы спастись бегством, и у него нет ни шерсти, ни перьев, чтобы предохранить себя от жары или холода. Он должен полагаться на вещи вокруг себя, чтобы возвращать свою природу, и он должен опираться на свой разум, а не силу. Вот почему в разуме самое ценное - это знание, как сохранить себя, а в силе самое ничтожное - это то, что она побуждает напасть на других.

Своим телом я не владею, но, коль скоро я рожден, должен хранить его в целости. Вещами вокруг себя я не владею, но, коль скоро я существую, не могу без них обойтись. Конечно, я живу благодаря своему телу, но природу свою я возвращаю благодаря вещам. Хотя я сберегаю свою жизнь в целости, телом я не могу владеть. Хотя я не могу обойтись без вещей, я не могу владеть вещами. Владеть своим телом, владеть вещами - значит произвольно присваивать себе то, что принадлежит всему Поднебесному миру. Воистину только мудрый человек и высший человек относятся к своему телу и к вещам вокруг как к общему достоянию Поднебесной. Вот что называется "вершина высшего"."

Ян Чжу сказал:

"Люди не могут найти отдохновения из-за четырех обстоятельств: первое - долголетие, второе - слава, третье - должность и четвертое - имущество. Тот, кто владеет этими четырьмя, боится духов, боится людей, боится власти, боится наказаний. Такого я зову "бегущим от правды"."

Можно погибнуть и можно жизнь спасти.

Веление судьбы - вечно вне нас.

Тот, кто не идет наперекор судьбе, станет ли мечтать о долгой жизни?

Тот, кого не смущают награды, станет ли мечтать о славе? Тот, кто не хочет власти, станет ли мечтать о должности? Тот, кто не хочет богатства, станет ли мечтать об имуществе? Такого я зову "живущим в согласии с правдой".

В целом мире нет ему врагов.

Его судьба таится в нем самом.

Вот почему в народе говорят:

"Без должности чиновной, без семьи

Забудешь половину всех страстей.

Когда не думают о пище и одежде,

Путь государя и слуги не действен более".

Чжоуская пословица гласит: "Земледельца оставить без дела - что убить его". Он считает естественным и неизменным уходить в поле утром и возвращаться домой вечером, он думает, что на свете нет ничего вкуснее бобовой похлебки. Его кожа и плоть толсты и грубы, жилы у него - твердые и прочные. Если однажды утром уложить его на мягкие меха за шелковыми занавесями, поднести ему лучшего зерна и мяса и сочные мандарины, его разум помутится, в теле поднимется

жар и его здоровье придет в расстройство. А если бы цари Сун или Лу поменялись местами с крестьянином и поработали вместо него в поле, то не прошло бы и часа, как они утомились бы. Вот почему неотесанный мужлан называет лучшим в Поднебесном мире то, что ему самому привычно и ему самому нравится.

Когда-то в царстве Сун жил крестьянин. Одевался он в очесы конопли, только чтобы пережить зиму, а когда весной приходили теплые дни, любил греть спину на солнце. Он даже не знал, что в мире существуют просторные дворцы и теплые покои, гладкие шелка и мягкие меха. Однажды он сказал жене:

- Никто не знает, как приятно греть спину на солнце. Пойду доложу об этом государю, наверняка заслужу большую награду!

А его сосед, богатый человек, сказал ему:

- Некогда жил человек, похожий на тебя. Он любил есть большие бобы, конопляные семена, сельдерей и чечевицу и стал расхваливать эти кушанья перед своими соседями-богачами. Отведали богачи его угощение - и рты их словно огонь опалил, а животы у них разболелись. Тут все стали насмехаться над этим человеком, и ему стало очень стыдно.

Ян Чжу сказал:

"Большой дом, роскошная одежда, изысканные яства, красивые женщины - если ты обладаешь этими четырьмя вещами, чего еще желать в этом мире? А тот, кто, обладая этим, хочет еще чего-то, потворствует алчности в себе. Потворствовать алчности - значит тратить впустую свои жизненные силы".

Преданности недостаточно для того, чтобы уберечь государя от опасностей. Преданный человек может лишь подвергнуть опасности себя. Исполнения долга недостаточно для того, чтобы помочь людям. Исполняющий долг лишь мешает жить сам себе. Когда увидят, что преданности недостаточно для того, чтобы уберечь от опасностей государя, добрая слава преданного исчезнет. Когда увидят, что исполнение долга недостаточно для того, чтобы помочь людям, добрая слава мужа, исполняющего долг, перестанет существовать. Правитель и подданные не подвергали себя опасностям, а люди друг другу помогали - таков был Путь древности.

Юй-цзы сказал:

"Тот, кто отказывается от славы, не ведает забот. Лао-цзы говорил, что слава - это гость сущности. Однако же неразумные люди вечно гонятся за славой. Действительно ли от славы невозможно отказаться? Действительно ли имя - только гость сущности?"

Ныне добрая слава приносит почет и восхищение людей. Отсутствие же славы делает человека презираемым и ничтожным. Почет и восхищение доставляют нам удовольствие и радость, позор и презрение несут нам скорби и муки. Скорби и муки противны нашей природе. Удовольствие и радость угодны нашей природе. Значит, все это связано с нашей сущностью. Как же можно отказаться от славы? Как же можно считать славу только гостем сущности? Нужно только избегать привязанности к славе, что обременяет нашу сущность. Если вы привязаны к имени и тем обременяете свою сущность, вы будете жить в постоянной тревоге и волнении. Тогда вам не придется даже

выбирать между удовольствием и скорбью, радостью и мукой!"

Глава VIII

РАССКАЗЫ О СОВПАДЕНИЯХ 54

Гуань Инь сказал Ле-цзы:

- Будь твои слова прекрасны или уродливы - таким же будет и их эхо.

Будь человек высок или низок - такова же будет и его тень. Наша слава - эхо, наше поведение - тень. А посему сказано:

Будь осторожен в речах,

Ибо кто-нибудь да примет их.

Будь осмотрителен в поступках,

Ибо кто-нибудь да последует им.

Поэтому мудрецы созерцали явленное, дабы познать сокровенное; они созерцали прошлое, дабы познать будущее. Таков закон "знания наперед".

Мы судим о вещах по собственному разумению, а подтверждения находим в других. Если человек любит меня, я тоже буду любить его. Если он ненавидит меня, я тоже буду ненавидеть его. Тан и У стали государями, потому что они любили весь мир. Цзе и Чжоу лишились престола, потому что они ненавидели целый свет. Таково подтверждение тому, что мы полагаем. Когда и разумение наше, и подтверждение ему очевидны, не действовать сообразно им - все равно что не желать проходить через двери, когда ты покидаешь дом, или не идти по дорожке, когда ты прогуливаешься. Если вот так упорствовать, не будет ли затруднительно извлечь для себя нечто полезное?

Я узрел это в доблестях Шэньнуна и Юя, нашел подтверждения этому в преданиях Шуня и Ся, Шан и Чжоу, рассудил об этом в соответствии с речами образцовых ученых и достойных мужей, и я не встретил случая, чтобы успех или неудача, возвышение или упадок не подтверждали эту истину 55.

Янь Хой 56 спросил у Ле-цзы:

- Те, кто стремятся постичь Путь, на самом деле хотят разбогатеть.

Я могу разбогатеть, добыв себе жемчужину, зачем же мне постигать Путь?

- Цзе и Чжоу ценили только собственные пристрастия и потому погибли, - ответил Ле-цзы. - Как хорошо, что я смогу вовремя рассказать тебе об этом! Человек, не ведающий долга, но живущий только для того, чтобы есть, ничем не лучше собаки или курицы.

Они скрещивают рога в поединке за пищу, и победитель устанавливает правила: такие ничем не лучше диких зверей и птиц.

Если ты ленив, как пес или курица, или дик, как зверь или птица, то тебя никто не будет уважать. А если никто не будет тебя уважать, опасности и унижения будут преследовать тебя.

Ле-цзы сказал:

"Тот, кто молод и красив, - горд. Тот, кто полон сил, - несдержан. С такими нельзя говорить о Пути. С людьми, еще не

имеющими седины в волосах, нельзя толковать о Пути, и они отклонятся от Пути еще больше, если попытаются осуществить его. Тому, кто горд и несдержан, никто не скажет правды, а если человеку никто не говорит правды, он живет одиноким и не имеет помощников.

Умный полагается на других, а потому силы его не уменьшаются, когда он достигает старости, и он не пребывает в растерянности, когда знаний его оказывается недостаточно. Следовательно, секрет мудрого правления состоит в том, чтобы признавать ум других, а не быть умным самому".

Ле-цзы жил в большой нужде и голодал. Какой-то человек сказал об этом советнику чжэнского царя Цзыяну:

- Ле-цзы всем известен как муж, постигший Путь. Если он, живя в вашем царстве, так нуждается, то не даст ли это повод к разговорам о том, что его государь не милосерден?

Цзыян немедленно распорядился щедро одарить Ле-цзы зерном.

Ле-цзы вышел к гонцу с дарами, дважды ему поклонился, но подарков не взял. Гонец уехал ни с чем.

Когда Ле-цзы вошел обратно в дом, его жена стала бить себя кулаком в грудь и кричать:

- Я слышала, что семья мужа, постигшего Путь, живет в почете и довольстве, мы же живем впроголодь. Вам преподнесли богатые дары, вы же их отвергли - что за злосчастная судьба!

- Но государь не знает меня лично, - ответил Ле-цзы. - Он прислал мне дары потому, что кто-то хорошо отзывался обо мне. Если бы кто-то побранил меня, он тоже положился бы на его слова. Вот почему я не принял подарков.

А в скором времени люди и вправду восстали и казнили Цзыяна 57.

У жителя Лу по фамилии Тут и было два сына. Один любил учение, другой - воинское дело. Тот, кто любил учение, предложил свои услуги правителю Ци, и тот назначил его наставником принцев. Другой сын отправился в Чу, и тамошний царь поставил его во главе царского войска. От жалованья сыновей обогатилось все их семейство, а чины сыновей принесли их родителям всеобщий почет и уважение.

У соседа господина Ши, носившего фамилию Мэн, тоже было два сына, которые были обучены тому же, но семья Мэн была бедна. Завидуя богатству рода Ши, Мэн стал расспрашивать соседа, каким образом он так быстро разбогател, и тот рассказал ему все без утайки.

Тогда Мэн послал одного сына в царство Цинь, и тот предложил циньскому царю стать наставником его детей.

- Ныне, когда все цари борются за первенство в мире, надобно думать лишь об оружии и провианте, - сказал царь. - Если я буду управлять государством с помощью советов ученого, я очень скоро погибну.

С этими словами циньский царь приказал оскопить пришельца и отправить его на родину.

Другой сын пошел в царство Вэй и представился тамошнему царю как искусный полководец.

- Мое царство слабое, окруженное со всех сторон сильными соседями, - сказал вэйский царь. - Большим государствам я служу, маленькие государства я оберегаю от набегов. Если я буду полагаться на военную силу, мне не миновать разорения и гибели. Однако же если я отпущу этого человека, он может пойти в другое царство и причинить мне немало вреда.

С этими словами он велел отрубить пришельцу обе ноги и отправить его обратно в Лу.

Вернувшись домой, сыновья Мэна стали бить себя кулаками в грудь и бранить господина Ши. Тогда Ши им сказал:

- Выберешь нужное время - и добьешься успеха. Упустишь нужное время - и потерпишь неудачу.

Вы действовали так же, как и мы, но мы добились успеха, а вы потерпели неудачу. Так получилось не потому, что вы делали что-то неправильно, а потому, что вы делали это в неподходящее время. Не бывает правила, которое всегда приносит успех, и не бывает действия, которое всегда приносит неудачу. То, что годилось вчера, сегодня, возможно, следует отбросить, а то, что мы отбросили сегодня, глядишь, может пригодиться завтра.

А на то, нужно ли что-то применять или отбрасывать, неизменной истины нет. Только мудрый знает, как действовать в каждый момент времени. Если же мудрости вам не хватает, то, будь вы даже учены, как Конфуций, или храбры, как полководец Люй Шан, вас повсюду будут преследовать неудачи.

Мэн и его сыновья были вполне удовлетворены и перестали сердиться.

- Вам нет нужды продолжать, - сказали они. - Мы все поняли!

Цзиньский царь Вэнь вышел встречать союзное войско с намерением напасть на Вэй. Неожиданно Гунцзы Чу посмотрел на небо и рассмеялся. Царь спросил, отчего он смеется.

- Я смеюсь над соседом, который сопровождал жену, навещавшую своих родителей, - ответил Гунцзы Чу. - Он увидел у дороги женщину, работавшую в тутовой роще, и ласково заговорил с ней. Когда же он обернулся, то увидел, что его жена любезно беседует с чужим мужчиной. Вот над чем смеется ваш слуга!

Царь понял намек и повернул войско обратно. Не успел он дойти до столицы, как на его владения напал сосед с севера.

Царство Цзинь страдало от разбойников. Жил там человек по имени Си Юн, который умел распознавать разбойников, вглядываясь в переносицу и ресницы человека. Цзиньский царь послал его опознавать разбойников, и он не пропускал ни одного из целой сотни и даже тысячи.

Царь очень этому обрадовался и сказал Чжао Вэнь-цзы:

- С помощью одного человека я изведу всех разбойников в царстве! Зачем мне другие?

- Вы, государь, никогда не избавитесь от разбойников, если будете полагаться только на того, кто следит за ними, - ответил Чжао Вэнь-цзы. - А Си Юн не миновать безвременной смерти!

В скором времени разбойники собрались на совет и решили: "Си Юн довел нас до крайности!" Все вместе они пошли к Си Юну и убили его.

Услышав об этом, цзиньский царь очень испугался и позвал к себе Чжао Вэнь-цзы.

- Случилось так, как вы и предсказывали: Си Юн убит! - сказал он. - Как же теперь нам ловить разбойников?

- Чжоуская поговорка гласит: "Кто тщательно отслеживает рыбу в пруду, навлечет на себя беду. Кто до тайны допытаться хочет, только смерть на себя назовет". Если вы хотите избавиться от разбойников, лучше всего назначить на государственные должности достойных людей, чтобы они просветили тех, кто стоит выше их, и наставляли тех, кто находится ниже их. Если у людей будет чувство стыда, откуда возьмется разбойникам?

Тогда царь назначил своим советником Суй Хоя, и все разбойники сбежали в царство Цинь.

Когда Конфуций возвращался из царства Вэй в Лу, он придержал коней у моста через реку и стал любоваться красивым видом: перед ним был водопад высотой в тридцать саженей, а вода вокруг бурлила на расстоянии девяноста ли. Там не могли плавать рыбы и черепахи, не могли жить крокодилы, но какой-то человек как раз собрался переплыть реку. Конфуций послал к нему человека, велел сказать ему:

"Водопад достигает в высоту тридцати саженей, вода вокруг бурлит на девяноста ли, там не могут плавать рыбы и черепахи, не могут жить крокодилы. Переправиться в этом месте через реку будет трудно!"

Человек не обратил на эти слова никакого внимания, переплыл через реку и вышел из воды.

- Сколь совершенно твое искусство! - сказал пловцу Конфуций. - Обладаешь ли ты каким-нибудь особым искусством входить в воду и выходить из нее?

- Я вхожу в воду посредством преданности и доверия, а выходя из воды, по-прежнему блюду преданность и доверие. С преданностью и доверием погружаюсь я в поток и не позволяю себе действовать самочинно - вот почему я могу переплыть через реку!

Конфуций повернулся к ученикам и сказал:

- Запомните же, дети мои. Действуя преданностью, доверием и искренностью, можно справиться даже с водной стихией, что же говорить о людях! 58

Бай-гун спросил Конфуция:

- Можно ли говорить с людьми загадками, не выдавая себя?

Конфуций не ответил.

- Допустим, я брошу в воду камень?

- Хороший пловец из У достанет его.

- А если я вылью воду в воду?

- Смешайте воды рек Цзу и Шэн, и И Я различит их на вкус.

- Значит, никак нельзя говорить загадками, не выдавая себя?

- Почему нельзя? Но это возможно только с теми, которые понимают то, что не высказано в словах. Тот, кто способен понять невысказанное в словах, умеет говорить без слов. Кто ловит рыбу, замочит одежду, кто гонится за зверем, устанет бежать, и удовольствия в том не будет. Поэтому предел речи - отсутствие

слов, предел деятельности - недеяние. Поверхностные умы соперничают из-за мелочей.

Бай-гун не понял слов Конфуция и в конце концов погиб в бане.

Чжао Сян-цзы послал Синьчжи Муцзу против племени ди. Полководец разбил неприятеля, захватил города Цзо-жэнь и Чжунжэнь и послал гонца с вестью о победе. Сян-цзы как раз сидел за трапезой и выглядел опечаленным.

- Два города пали в один день! Тут кто угодно обрадуется, - сказали его приближенные. - Отчего же вы печалитесь?

- Половодье на могучей реке не продержится и трех дней, - ответил Чжао Сян-цзы. - Сильный ветер и проливной дождь не продлятся целый день 59. Солнце находится в зените на одно мимолетное мгновение. В моем роду еще не бывало столь славных достижений. Если за один день захвачены сразу два города, то беды не миновать!

Когда Конфуций услышал эти слова, он сказал:

- Может ли род Чжао не прославить себя?

Печаль предвещает благоденствие.

Радость предвещает гибель.

Победить нетрудно, трудно удержать победу.

Благодаря печали способный государь удерживает плоды своей победы, так что его счастье переходит на потомков. Царства Ци и Чу, У и Юэ одерживали в прошлом блестящие победы, но не знали, как удержать их, и в конце концов пришли к бесславному концу. Только правитель, постигший Путь, знает, как удержать победу. Конфуций мог голыми руками поднять засов на воротах столицы, но он никогда не кичился своей силой. Мо-цзы придумал оборонительный план, который не смог разгадать Гуншу Бань, но он не хотел прославиться своими полководческими способностями. Тот, кто умеет удержать свою победу, считает свою силу слабостью.

В царстве Сун жила семья, где три поколения подряд совершали добрые дела. Внезапно в этом доме черная корова без всякой причины отелилась белым теленком. Спросили об этом Конфуция, и тот ответил:

- Это счастливое предзнаменование. Принесите теленка в жертву высшему предку.

Минул год, и отец семейства неожиданно ослеп. А та корова снова отелилась белым теленком. Отец вновь велел сыну спросить об этом Конфуция.

- К чему спрашивать? - возразил сын. - Прошлый год мы уже спрашивали об этом, а теперь вы ослепли.

- Слова мудрецов поначалу как будто не находят подтверждений, а впоследствии оправдываются. Дело еще не закончилось, поэтому спроси его еще раз.

Сын пошел к Конфуцию, и тот сказал опять, что рождение белого теленка - счастливое предзнаменование и теленка нужно принести в жертву высшему предку. Сын доложил об этом отцу.

- Делай, как советует Конфуций, - сказал отец.

Прошел еще год, и на сей раз уже сын без всякой на то причины ослеп. А в скором времени войско Чу напало на Сун и осадило

столицу. Жителям приходилось обмениваться детьми и есть их, а очаги топить костями.

Все мужчины, способные носить оружие, сражались на стенах, и более половины из них погибло. А отца и сына из-за того, что они были слепы, на войну не взяли. Когда же осада кончилась, зрение к ним вернулось.

В Сун жил бродячий фокусник, который хотел дать представление самому царю. Вот царь Юань призвал его к себе и велел ему показать свое искусство. Фокусник встал на ходули, которые были вдвое длиннее его ног, и быстро бегал на них, подбрасывая в воздух семь мечей. Царь Юань был очень доволен и щедро одарил фокусника золотом и шелком.

Услышал об этом другой бродячий актер, который тоже умел выделять разные трюки, и пришел к царю, желая дать ему представление. Но царь Юань разгневанно сказал:

- Недавно ко мне уже приходил человек, показывавший разные фокусы. В его искусстве не было ничего необычного, но я был в хорошем настроении и богато наградил его. А теперь этот актер пришел ко мне потому, что прослышал о награде и тоже захотел получить ее!

Тут царь приказал бросить актера в темницу и держал его там целый месяц.

Циньский царь Му-гун сказал Болэ:

- Вы уже в преклонных годах. Есть ли у вас в семье кто-нибудь, кого я мог бы послать на розыски коня?

- Хорошего коня можно опознать по его стати и взгляду, костям и мускулам, - ответил Болэ. - Но лучший конь Поднебесного мира как бы невиден, как бы неуловим, как бы не существует, как бы пропал. Такой конь не поднимает пыли и не оставляет следов. У сыновей вашего слуги способности небольшие. Они могут узнать хорошего коня, но не лучшего коня Поднебесной. Но я знаю человека, который разбирается в конях не хуже меня. Он носит овощи и собирает хворост для меня. Его зовут Цзюфан Гао. Прошу вас призвать его к себе.

Му-гун призвал этого человека к себе и послал его на розыски коня.

Спустя три месяца он вернулся и снова предстал перед царем.

- Я нашел то, что нужно, в Песчаных Холмах.

- Что это за конь?

- Кобыла, каурая.

Царь велел привести кобылу, и она оказалась вороным жеребцом. Му-гун сильно опечалился и призвал к себе Болэ.

- Оказывается, тот, кого мы послали отбирать коней, ни на что не годен. Он не умеет даже отличить кобылу от жеребца и не разбирает масти! Что он может знать про лошадей!

Тут Болэ восхищенно вздохнул:

- Так вот, значит, чего он достиг! Как раз поэтому он стоит тысячи, десяти тысяч, всех в мире знатоков, подобных мне. Такие люди, как Гао, прозревают Небесный исток жизни, они схватывают суть и забывают о ненужном, пребывают во внутреннем и отрешаются

от внешнего. Он видит то, на что хочет смотреть, и не замечает того, на что смотреть не нужно. Такие, как он, в лошадях видят нечто куда более важное, чем лошадь.

Чуский царь Чжуан спросил Чжань Хэ:

- Как мне управлять государством?

- Ваш слуга знает, как управлять собой, но не знает, как управлять государством, - ответил Чжань Хэ.

- Я унаследовал храм своих предков и алтари духов плодородия и желал бы знать, как уберечь их.

- Ваш слуга не слышал, чтобы у правителя, который умеет управлять собой, не было порядка в государстве. Корень всему - в управлении собой. Я не смею говорить о верхушках.

- Прекрасный ответ! - воскликнул царь.

Старик с Лисьего Холма спросил Суньшу Ао:

- У людей есть три печали. Знаешь ли ты о них?

- Каковы они?

- Если у тебя высокий ранг, люди будут завидовать тебе. Если у тебя высокая должность, государь будет ненавидеть тебя. Если у тебя большое жалованье, недовольство будет преследовать тебя.

- Чем выше мой ранг, тем скромнее мои желания. Чем выше моя должность, тем смиреннее мои помыслы. Чем больше мое жалованье, тем щедрее мои подарки. Могу ли я избежать трех печалей?

Заболев, Суньшу Ао перед смертью наказал сыну:

- Царь несколько раз жаловал мне удел, я же не принимал. Когда я умру, царь захочет пожаловать удел тебе. Так знай: ты не должен брать хорошие земли. На границе Чу и Юэ есть Холм Мертвых. Земля там бесплодная, название у того места несчастливое. Люди Чу боятся духов, а люди Юэ верят в предзнаменования. Ту землю ты и возьми - только ею ты сможешь владеть долго.

Когда Суньшу Ао умер, царь предложил его сыну лучшие владения в царстве, тот отказался и попросил пожаловать ему Холм Мертвых. Род Суньшу владеет им до сих пор.

Ню Цюэ был знатным конфуцианским ученым Верховий. Однажды он спустился в Ханьдань и в Оуша повстречал разбойников. Они отобрали у него все, что он имел - и одежду, и поклажу, и повозку, и лошадей. Ню Цюэ отправился дальше пешком как ни в чем не бывало, не выказывая печали и негодования. Догнали его разбойники и спросили, отчего он таков.

- Благородный муж не станет вредить себе из-за своего имущества, которое есть только средство поддержать жизнь, - ответил Ню Цюэ.

- Какой умный человек! - воскликнули разбойники, а потом сказали: "Если такой умный человек придет к чжаоскому царю и расскажет ему про нас, то нам несдобровать. Уж лучше убить его сейчас!" И они зарубили Ню Цюэ.

Человек из Янь, слышавший про эту историю, собрал своих родичей и сказал им:

- Если встретите разбойников, не будьте такими, как Ню Цюэ.

И все согласились с этими словами.

Вскоре его младший брат отправился в Цинь и, проходя через

заставу, действительно встретил разбойников. Помня наказ старшего брата, он стал сопротивляться, а когда его ограбили, еще и побежал за разбойниками, прося их вернуть его вещи. Разбойники рассердились и сказали:

- Мы и так пощадили тебя, а ты еще и преследуешь нас, показывая людям, где скрываемся. Коли уж мы стали разбойниками, то к чему нам жалость?

И разбойники убили его, а заодно и несколько его спутников.

Юй был богатым человеком в Лян. Дом его был доверху набит богатствами: денег и шелка - не мерено, товаров и сокровищ - не считано. Вот однажды он поднялся на высокую башню у большой дороги и устроил большой пир: играла музыка, стучали кости.

А под башней прохаживались местные удальцы. Тут на башне послышался смех: какой-то игрок сделал удачный ход, поставив на красный нефрит и выиграв две рыбы 60. В этот момент пролетавший над башней коршун выронил из клюва дохлую крысу, и она свалилась прямо на голову одного из удальцов. Тут удальцы сказали друг другу:

"Юй давно уже живет в свое удовольствие и презирает других. Мы ничем его не обидели, а он бросил в нас дохлую крысу. Если мы не отомстим за это оскорбление, то нас назовут трусами и тогда нам не будет жизни! Давайте объединим наши силы, соберем всех наших людей, пойдем к Юю и перебьем всю его семью!"

Все согласились. В назначенный день ночью все они пришли с оружием к дому Юя и перебили все его семейство.

На Востоке жил человек по имени Юань Синму. Однажды он отправился в путешествие, лишился пищи и умирал от голода на обочине. Заметил его разбойник из Хуфу по имени Цю и дал ему еды и питья. Юань Синму глотнул три раза и открыл глаза.

- Кто ты такой? - спросил он.

- Я Цю из Хуфу.

- Что? Уж не разбойник ли ты? Для чего же ты кормишь меня? Я, честный человек, не должен есть твоей пищи.

Тут Юань Синму упал ничком на землю, намереваясь выплюнуть проглоченную еду, но еда застряла у него в горле, он поперхнулся и умер.

Человек из Хуфу был разбойником, но в пище его не было ничего разбойничьего. Тот, кто боится есть, думая, что, съев украденное, сам станет вором, смешивает имя и сущность вещей.

Чжу Лишу состоял на службе у цзюйского царя Ао. Считая, что царь не ценит его, он оставил службу, поселился у моря, кормился водяными каштанами и семенами лотоса летом, а зимой - желудями. Но когда царь Ао попал в беду, Чжу Лишу решил умереть за него и стал прощаться с друзьями.

- Но ведь ты считал, что царь тебя не ценит, и потому ушел от него, - сказали ему друзья. - Если ты пойдешь и умрешь за него, то, выходит, тебе безразлично, ценил он тебя или нет.

- Вовсе нет, - ответил Чжу Лишу. - Я ушел, ибо считал, что царь меня не ценил. И если сейчас я умру за него, то это будет

означать, что он и вправду меня не ценил. Я умру за него, чтобы посрамить всех будущих правителей, которые не будут ценить своих подданных. А прямой Путь таков: умереть за правителя, который ценит тебя, и отказаться умереть за правителя, который тебя не ценит.

Можно сказать, что Чжу Лишу был обижен настолько, что самого себя не ценил 61.

Ян Чжу сказал:

- Если от вас исходит польза, то плоды ее вернутся к вам. Если от вас исходит недовольство, то вред от него вернется к вам. То, что исходит изнутри и находит облик снаружи, есть просто чувство. Поэтому мудрый должен быть осмотрителен по отношению к тому, что из него исходит.

У соседа Ян Чжу пропал баран. Он не только послал на розыски всех своих домочадцев и слуг, но еще попросил в подмогу людей у Ян Чжу.

- Зачем тебе нужно так много людей для поисков одного барана? - спросил его Ян Чжу.

- На дороге много развилок, - ответил сосед.

Когда люди вернулись, Ян Чжу спросил их:

- Ну как, нашли барана?

- Нет, не нашли.

- Почему же?

- После каждой развилки на дороге еще одна развилка. Мы не знали, по какой дороге ушел баран, поэтому вернулись.

Ян Чжу очень огорчился такому ответу, надолго замолчал и за целый день даже ни разу не улыбнулся. Ученики очень удивились этому и спросили его, что было тому причиной:

- Баран - скотина дешевая, да и не ваш он был. Отчего же вы перестали говорить и улыбаться?

Ян Чжу ничего не ответил, и ученики так ничего и не поняли.

Ученик по имени Мэн Суньян вышел и рассказал об этом Синь Ду-цзы. На другой день Синь Ду-цзы вместе с Мэн Суньяном пришел к Ян Чжу и спросил его:

- Однажды трое братьев странствовали в Ци и Лу, учились у одного и того же учителя и вернулись домой, познав досконально учение о человечности и долге. Отец спросил их: "Что вы можете рассказать мне о человечности и долге?" Старший брат ответил: "Человечность и долг велят мне беречь себя, а потом уже заботиться о славе" 62. Средний брат сказал: "Человечность и долг велят мне искать славу, даже пренебрегая своей жизнью". Младший брат сказал: "Человечность и долг велят мне заботиться и о своей жизни, и о славе". Все трое учились у одного учителя, а понимание у каждого было свое. Кто же из них был прав, а кто заблуждался?

- На берегу реки жил перевозчик, который привык к воде, отлично плавал и управлял лодкой, - сказал в ответ Ян Чжу. - Перевозя людей, он получал так много денег, что мог прокормить сотню ртов. К нему, неся с собой корзинки с едой, приходили учиться множество людей, но чуть ли не половина учеников тонет. Они приходили, чтобы научиться плавать, а не тонуть. Выходит, то, что одному приносит

большую пользу, многим приносит огромный вред.

Синь Ду-цзы промолчал и вышел вон, а Мэн Суньян стал его укорять:

- Зачем ты задал такой темный вопрос? И почему учитель ответил так же странно? Я ничего не понимаю!

- Наш сосед потерял барана на большой дороге потому, что на ней было много развилок, - ответил Синь Ду-цзы. - Ученики перевозчика лишились жизни потому, что в учении много сторон. Корень учения один, но ветви его отстоят далеко друг от друга. Чтобы не погубить себя и вернуть себе потерянное, нужно вернуться к общему корню. Как прискорбно, что ты, состарившийся в его учениках, не мог понять его рассказа!

Младший брат Ян Чжу по имени Бу вышел на улицу, надев белое платье.

Внезапно пошел дождь. Бу снял белое платье и одел черное. Когда он вернулся домой, собака его не узнала и набросилась на него с лаем. Ян Бу рассердился и хотел прибить собаку.

- Не бей ее! - сказал Ян Чжу. - Разве ты сам не удивился бы, если бы собака ушла белой, а пришла черной? Ты поступил бы так же, как она.

Ян Чжу сказал: "Добро творят не ради славы, но слава следует за добром. Славы желают, не думая о наградах, но награда следует за славой. Награды желают, не думая о соперничестве, но соперничество приходит вслед за наградой.

Вот почему благородный муж должен быть осмотрительным, когда он делает доброе дело".

Некогда жил человек, который утверждал, что знает секрет бессмертия.

Правитель Янь послал за ним гонца, но гонец замешкался в пути, и тот человек умер, прежде чем его нашли. Царь очень разгневался на гонца и хотел его казнить, но царский советник сказал ему:

- Люди больше всего боятся смерти и превыше всего ценят жизнь. Тот человек лишился собственной жизни, как же мог он сделать вас бессмертным?

И царь не стал казнить гонца.

Некий человек по имени Ци-цзы тоже хотел научиться бессмертию и, узнав, что человек, знавший секрет бессмертия, умер, с досады бил себя кулаком в грудь. Узнал об этом некто Фу-цзы и стал над ним смеяться:

- Тот, кто, желая научиться бессмертию, огорчается, когда его учитель умирает, сам не знает, чему хочет научиться!

Тогда третий человек по имени Ху-цзы сказал:

- Фу-цзы не прав. Бывает, что человек обладает знанием, но не умеет пользоваться им. А бывает, что владеющий искусством сам не знает его секрета. В царстве Вэй жил человек, умевший хорошо считать. Перед смертью он поведал секрет своего искусства сыну. Сын запомнил слова, но не знал, как применить их. Какой-то человек стал его расспрашивать об этом, и он передал ему те слова. И тот человек научился считать не хуже, чем это делал отец. Почему в

таком случае смертный человек не может поведать секрет бессмертия?

Люди Ханьдзя на Новый год подносили Чжао Цзянь-цзы голубей, и тот в великой радости щедро всех одаривал. Кто-то спросил Чжао Цзянь-цзы, зачем ему голуби.

- Я проявляю милосердие - отпускаю птиц на волю в день Нового года.

- Все знают о вашей страсти отпускать на волю птиц и потому наперебой ловят голубей, убивая при этом множество из них. Если вы хотите оставить голубей в живых, уж лучше запретите ловить их. Если же вы будете отпускать на волю пойманных птиц, то ваше милосердие не восполнит понесенных потерь.

Циский царь Тянь, собираясь в путешествие, принес жертвы духам дорог и устроил пир для тысячи гостей. Когда присутствующим стали подносить гусей и рыбу, царь оглядел пирующих, вздохнул и сказал:

- Как щедро Небо к народу! Для нас оно размножает злаки, плодит рыб и птиц.

Все гости согласно откликнулись царю, словно эхо. Но тут вперед выступил двенадцатилетний мальчик из семьи Бао и сказал:

- Неправда ваша, государь. Все живые существа между Небом и Землей рождаются, как и мы, но они не похожи на нас. Ни одно из них не лучше другого. Просто более умные и сильные повелевают слабыми и глупыми. Одни пожирают других, но не потому, что те родились для того, чтобы быть съеденными. Люди выбирают себе съедобные предметы и поедают их, но разве можно сказать, что Небо создало их только на потребу человеку? А кроме того, нас кусают комары и мошки, нас терзают волки и тигры. Неужели Небо создало людей только для того, чтобы комары и мошки сосали их кровь, а волки и тигры пожирали их?

В Ци жил нищий, который вечно просил подаяние на городском базаре и так всем надоел, что ему никто ничего не подавал. Тогда он отправился в конюшни семейства Тянь, стал подручным у коновала и подъедал за ним.

Люди из предместья стали насмехаться над ним:

- Какой позор доедать после коновала!

А нищий ответил им:

- На свете нет большего позора, чем просить подаяние. Если я не стыдился побираться, то почему я должен стыдиться доедать после коновала?

В царстве Сун жил человек, который однажды нашел на дороге оброненную кем-то бирку с распиской. Придя домой, этот сунец пересчитал зарубки на бирке 63 и сказал соседу: "Теперь я разбогател!"

У одного человека засох платан, и старик, живший по соседству, сказал ему: "Сухой платан - предвестник беды!"

Тот человек не мешкая срубил дерево, а сосед выпросил его себе на дрова. Хозяин платана сказал с досадой: "Мой сосед подговорил меня срубить платан потому, что хотел забрать его себе на дрова."

Ну и хитрец же он!"

У одного человека пропал топор. Он решил, что топор украл сын соседа, и стал к нему приглядываться: ходит так, словно и в самом деле что-то украл! И речь у него, и манеры, и взгляд - все выдавало в нем человека, укравшего топор. Но в скором времени тот человек, копая землю в огороде, нашел свой топор. Посмотрел он на следующий день на сына соседа - и тот ни речью, ни внешностью совсем не был похож на человека, укравшего топор!

Бай-гун замыслил мятеж. Выйдя от государя, он стоял, опираясь на перевернутый посох. Острие посоха вонзилось ему в щеку так, что кровь капала на землю, а он ничего не замечал.

Увидели это люди из царства Чжэн и сказали:

"Если он забыл о собственной щеке, то способен забыть обо всем на свете" 64. Когда человек захвачен одной мыслью, он может наткнуться на бревно, упасть в яму или удариться головой о дерево, даже не замечая, что с ним происходит.

В царстве Ци жил человек, которому очень хотелось золота. Встал он рано поутру, оделся и отправился на базар. Там он подошел к прилавку золотых дел мастера, схватил золото и бросился наутек.

Стражник поймал его и спросил:

- Как мог ты схватить чужое золото на глазах у всех?

- Когда я брал, то никого не видел, видел только золото, - ответил тот человек.

Примечания

Происхождение книги "Ле-цзы" известно нам в еще меньшей степени, чем история текста "Чжуан-цзы". Содержание этой книги явно эклектично и несет на себе печать позднейшей обработки (ряд пассажей книги почти буквально воспроизводит сюжеты из "Чжуан-цзы"). Большинство исследователей датируют тексты "Ле-цзы" эпохой Хань, в особенности I-III вв. Сам памятник в его нынешнем виде появился в III в. Это не означает, что в книге нет материалов более раннего времени. Во всяком случае книга "Ле-цзы" имеет немаловажное значение как памятник древнекитайской мысли, и недаром в Китае ее причисляли наряду с "Дао-дэ цзином" и "Чжуан-цзы" к трем классическим сочинениям даосизма. Для настоящего перевода был использован текст "Ле-цзы", изданный в Пекине в 1955 г.

Главная тема этой главы - неизбежность приятия своей "небесной доли" и в особенности примирения со смертью. В даосской космологии обоснованием данного вывода служит учение о "едином дыхании", или едином поле жизненной энергии (ци), наполняющей все сущее. Авторы "Ле-цзы" предъявляют и целый ряд других аргументов в пользу покойного приятия смерти: всякое индивидуальное существование

иллюзорно, жизнь и смерть в природном мире дополняют друг друга, мы не можем знать, что смерть хуже жизни, и, наконец, "пустотно-отсутствующее" и есть наш родной дом, куда мы с неизбежностью рано или поздно возвращаемся. При переводе были опущены два сюжета, дублирующие текст "Чжуан-цзы".

2 Цитата из "Дао-дэ цзина", гл. VI.

3 Данный пассаж кажется позднейшей вставкой, призванной пояснить смысл предшествующей фразы.

4 Гун и шан - две из пяти основных нот китайской музыкальной гаммы.

5 Данный и предыдущий фрагменты в несколько измененном виде помещены в конце гл. XVIII книги "Чжуан-цзы".

6 Данное высказывание основано на популярном в древнем Китае методе толкования слов, исходя из сходства их звучания: в китайском языке слова "душа умершего", "дух" и "возвращаться" звучат почти одинаково.

7 Отзыв Конфуция следует понимать, видимо, в том смысле, что Линь Лэй способен утешить себя мыслью о том, что в смерти ему будет не хуже, чем в жизни, однако он еще не постиг ложность самого различения между жизнью и смертью.

8 Данный сюжет содержится также в гл. XXII "Чжуан-цзы".

9

Глава II. Желтый Владыка

Собранные в этой главе притчи иллюстрируют даосские принципы мудрого поведения: тот, кто пребывает в Дао, постиг тщету всех мыслей и желаний, превозмог всякую рефлексию и неподвластен чарам воображения и потому живет "совместно" со всем сущим - вплоть до того, что может "проходить через металл и камень". Даосский мудрец живет Великой Пустотой, а пустота, как замечает позднейший даосский комментатор Ван Би, "ничем не может быть ограничена". Обладание Дао равнозначно абсолютной свободе и абсолютной (хотя и не приметной для любой частной перспективы созерцания) власти над миром. При переводе опущены одиннадцать сюжетов, содержащихся в книге "Чжуан-цзы". Кроме того, помещенный в конце главы рассказ о встрече философа Хуэй Ана с сунским царем Каком присутствует и в трактате "Люй-ся чуньцю" (середина III в. до н.э.).

10 Хуасуй была матерью Фуси, легендарного родоначальника китайской цивилизации.

11 В древнем Китае ученик считался как бы членом семьи учителя и мог вообще не иметь собственного дома.

12 Данный фрагмент содержится также в гл. XIX книги "Чжуан-цзы".

13 Аналогичный фрагмент см. в гл. XXI "Чжуан-цзы".

14 Три Советника - высшая государственная должность в древнем Китае.

15 См. гл. XIX "Чжуан-цзы".

16 См. гл. XIX "Чжуан-цзы".

17 См. гл. XIX "Чжуан-цзы".

18 См. гл. VII "Чжуан-цзы".

19 См. гл. XXXII "Чжуан-цзы".

20 См. также в гл. XXVII "Чжуан-цзы".

21 См. гл. XX "Чжуан-цзы".

22 См. гл. LXXVI.

23 См. гл. II "Чжуан-цзы".

24 См. гл. XIX "Чжуан-цзы".

25

Глава III. Царь Му

Большинство сюжетов этой главы развивают идею (присутствующую уже в книге "Чжуан-цзы") иллюзорности всякой "данности" опыта и присутствия чего-то "подлинного" в его неосознаваемых глубинах, сокровенном истоке всего происходящего в мире. Осознание жизни как сна не делает даосских авторов пессимистами: в конце концов иллюзия не менее реальна, чем сознание ее иллюзорности. Мудрый просто принимает и то и другое: он живет и присутствующим, и отсутствующим.

26 Здесь упоминается традиционная в древнекитайской литературе обитель божественных предков, расположенная "в самой глубине небес".

27 Мать-Царица Запада (Сиванму) - женское божество в древнекитайской религии, имевшее престол на горе Куньлунь. Сиванму считалась хранительницей секретов бессмертия.

28 Имеются в виду конфуцианские ученые (в эпоху Чжоу царство Лу, родина Конфуция, было центром книжной образованности).

29 Царство Янь располагалось на севере древнего Китая, а царство Чу - на крайнем юге.

30

Глава IV. Конфуций

В данной главе, как и во многих сюжетах книги Чжуан-цзы, великий мудрец Конфуций выступает глашатаем даосской мудрости, доказывая бесплодность как раз того, за что ратовал настоящий исторический Конфуций, - книжного учения и знания. Другим объектом критики - как и у Чжуан-цзы - оказываются древние софисты, любившие демонстрировать внутреннюю противоречивость и, следовательно, несостоятельность людского "мнения". Впрочем, автора "Ле-цзы" скорее забавляют, чем возмущают, словесные ухищрения софистов.

31 Имеется в виду последний период жизни Конфуция, который стал временем его наибольших неудач, но и наибольшего величия.

32 Имеются в виду три древнейших правителя мира, согласно китайской традиции. В разных источниках к ним причисляются различные лица. Чаще всего упоминаются Фуси, Шэньнуи и Нюйва.

33 Говоря о мудреце в Западном крае, Конфуций имеет в виду, вероятно, Лао-цаю, который, по преданию, в конце жизни ушел на Запад и остался там навсегда. Некоторые толкователи усматривают здесь намек на Будду.

34 Смысл этой истории заключается в том, что лучнику даже нет нужды целиться в хвост предыдущей стрелы, если он выпускает стрелы непрерывно. Судя по замечанию комментатора "Ле-цзы" Чжан Чжана (IV в.), в его эпоху этот парадокс летящих стрел,

составляющих одну большую покоящуюся стрелу все еще пользовался популярностью.

35 Приводимые здесь софизмы Гунсунь Луна можно сопоставить со сходным перечнем, содержащимся в 33-й главе книги "Чжуан-цзы". В целом аргументация Гунсунь Луна основывается на противопоставлении единичного и всеобщего, состояния и качества, вещи и понятия. По Гунсунь Луну, всякое понятие - и прежде всего понятия пространства и времени - внутренне противоречиво и, следовательно, несостоятельно.

36 Данное высказывание, приписываемое Гуань Инь-цзы, встречается также в тексте "Чжуан-цзы".

37

Глава V. Вопросы Тана

Главная тема данной главы - критика ограниченности людского "мнения" и всякого частного опыта, а равно и учения, исходящего из метафизической идеи бесконечности. Общие положения этой критики содержатся в первом диалоге Тана и Цзи, последующие же сюжеты можно рассматривать как иллюстрации к ним. Отметим, что мотив "вопросов Тана" присутствовал и в книге "Чжуан-цзы", хотя в дошедшем до нас тексте книги он не сохранился.

38 Вероятно, здесь из текста выпало доказательство существования бесконечности. Комментатор Чжан Чжань, по-видимому, восполняет эту лакуну, замечая в своих толкованиях: "Если оно зовется отсутствием, как может существовать что-либо внешнее по отношению к нему? Если оно зовется пустотой, как может оно содержать что-либо в себе?" Аргументация Чжан Чжана восходит к известному тезису Хуэй Ши, сформулировавшего понятия "предельно большого" и "предельно малого": "Предельно большое не имеет ничего вовне себя; предельно малое не имеет ничего внутри себя". Чжуан-цай подверг критике и эти понятия, предлагая вообще отказаться от интеллектуальных классификаций. Для даосов безгранична лишь Великая Пустота, тела же (включая и "предельно малое") неисчерпаемы.

39 Данное высказывание опровергает предыдущий тезис о существовании беспредельного: бесконечное не может содержать в себе, иметь своей частью еще одно бесконечное. Даосская мысль останавливается на признании совместного существования ограниченного и безграничного.

40 Небесная Река - Млечный Путь.

41 Долина Юйюань - место ночного отдыха солнца, согласно древней китайской мифологии.

42 Тайсуй - божество - повелитель времени в китайской мифологии, отождествлявшееся с Юпитером.

43 Данное суждение содержится в "Моистском каноне", собрании сочинений последователей Мо Ди, где даются определения основных понятий логики.

44 В китайской традиции принята пятиступенчатая музыкальная гамма, причем каждая нота (за исключением первой ноты гун) ассоциировалась с определенным временем года. Высота ноты определялась системой двенадцати полутонов, отождествлявшихся с

двенадцатью месяцами года. Воздействие музыки на природный мир - популярная тема в древней китайской литературе.

Тема этой главы - значение судьбы в человеческой жизни - принадлежит к числу традиционных тем даосизма и всей китайской мысли. Для конфуцианцев судьба есть тот результат, или плоды человеческой деятельности, который не зависит от желаний и усилий людей. Судьба, по убеждению Конфуция, "ниспосылается Небом". Последователи Мо Ди держались мнения, что добрые или злые дела обязательно будут иметь соответствующие последствия и что, стало быть, человеку "не миновать судьбы". В книге "Ле-цзы", как и у Чжуан-цзы, развивается тема непостижимости действия судьбы, которое совершенно спонтанно и непредсказуемо; сознательный выбор - это всегда заблуждение, так что мудрый позволяет всему "быть самим собой". Даосское учение о судьбе, разумеется, не отрицает важности действия, но ориентирует на действие совершенно естественное, ненасильственное, искреннее и превыше всего - целостное, "универсальное".

46 Имеются в виду три добродетельных советника последнего иньского царя: Вэй-цзы, Цзи-цзы и Бигань. Первый был вынужден бежать из царства, второй был обращен в рабство, а третий - подвергнут мучительной казни.

47 Цитируется "Дао-дэ цзин".

Данная глава столь разительно отличается от остального текста "Ле-цзы", что, по мнению большинства исследователей, едва ли может считаться памятником древней даосской мысли. Большинство ее сюжетов восходит к школе философа Ян Чжу, жившего в середине 4 в. до н. э. Наибольший интерес среди них представляет диалог Ян Чжу с последователем Мо Ди Цинь Гули - вероятно, наиболее достоверное свидетельство подлинного учения Ян Чжу. Это учение предстает как бесхитростная, почти целомудренная в своей воинственности проповедь гедонизма (который, заметим в скобках, недвусмысленно осуждается в других главах "Ле-цзы" - например, в начальных сюжетах 2-й и 3-й глав). Страстность этой проповеди заметно контрастирует с общим для древней даосской литературы отстраненно-ироническим тоном.

49 Здесь имеется в виду Мэн Суньян - ученик Ян Чжу.

50 Следует учитывать совершенно различные взгляды спорящих сторон на природу и назначение власти. Для ученика Мо Ди власть - это средство "помощи миру", ибо, согласно Мо Ди, настоящий правитель - убежденный альтруист, пекущийся единственно о благе народа. Для последователя Ян Чжу, напротив, власть - тяжкая и бессмысленная обуза, так что "приобрести царство" означает для него пожертвовать своим покоем и, следовательно, цельностью своей жизни. Сама мечта о власти для Ян Чжу - признак слабости.

51 Пир "вечной ночи" - экстравагантная забава власть имущих

в древнем Китае. Он должен был продолжаться четыре месяца кряду.

52 Хуанчжун и Далюй - древние церемониальные мелодии, исполнявшиеся на каменных пластинах и колоколах.

53 В этом сюжете заметно стремление преодолеть плоский гедонизм Ян Чжу: заботиться только о своем теле - это не меньшая ограниченность, чем сведение человеческого бытия к умственной деятельности.

54

Глава VIII. Рассказы о совпадениях

Последняя глава "Ле-цзы" - наиболее пестрая по композиции и в философском отношении наименее значимая глава книги. Больше половины ее сюжетов заимствованы из различных памятников III - II вв. до н. э., и притом не обязательно даосских. Тем не менее в ней есть свой лейтмотив, каковой составляет идея случайной связи событий. Только эти случайные комбинации вещей определяют, правильны ли наши поступки. Следовательно, в своем поведении мы должны отказаться от абстрактных критериев истинности и действовать, безотчетно "сообразуясь с обстоятельствами времени", откликаясь общему ходу событий. Таков даосский идеал "недеяния".

55 Этот сюжет встречается также в книге "Люй-ши чуньцю" ("Весна и осень господина Люя", ок. 240 г. до н. э.), где он призван проиллюстрировать тезис, довольно чуждый даосизму, а именно: успех действия предопределен способностью постичь "причины вещей".

56 Этот персонаж не следует путать со знаменитым учеником Конфуция Янь Хоем. Его имя в оригинале пишется иначе.

57 Данный фрагмент содержится также в гл. XXVIII "Чжуая-цзы".

58 Данный сюжет содержится также в "Чжуан-цзы" и в конфуцианском памятнике "Семейные предания о Конфуции" ("Кун-цзы цзяюй"), причем в данном случае воспроизводится конфуцианская его версия: пловец добивается успеха благодаря добросовестному соблюдению принципов "человечности и долга".

59 Эта фраза заимствована из "Дао-дэ цзина"

60 Имеется в виду игра любо, где фишки передвигают после бросания костей к центральной линии, разделяющей игральную доску на две половины, - так называемой реке. Побеждает в игре тот, кто забирает в "реке" две фишки, именуемые "рыбами".

61 Этот и предыдущий сюжет содержатся также в "Люй-ши чуньцю", где Юань Синму и Чжу Лишу представлены как образцы для подражания.

62 Согласно конфуцианской морали, человек должен сохранять свое тело в целостности и сохранности, ибо в нем продлевалась жизнь его предков. Сохранить свое тело в целостности означает для конфуцианства соблюсти принцип "сыновней почтительности" - основу основ конфуцианского благочестия.

63 В Китае с древности зарубки на специальных бирках служили знаком долговых обязательств.

64 Жители царства Чжэн убили отца Бай-гуна, и тот вынашивал планы мщения. Этим объясняется и обостренное внимание чжэнцев к поведению Бай-гуна.